

Алексей Доброхотов

ВСКОРМИТЬ СКРУМА

Алексей Доброхотов

Вскормить Скрума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18798496

ISBN 9785447485085

Аннотация

На далекую, затерянную в бескрайних просторах России радиолокационную станцию получил назначение молодой свободомыслящий выпускник военного училища лейтенант Мухин, стремящийся вступить в контакт с внеземным разумом. Мечты о прорыве человечества к космическим высотам сталкиваются с грубым бытом повседневной армейской службы в далеком гарнизоне и таинственными, необъяснимыми явлениями, которые становятся неожиданным испытанием для воли, интеллекта и психики героя.

Содержание

Вместо предисловия	5
Действующие лица	9
Глава 1. Виктор	11
Глава 2. Крышу снесло	118
Глава 3. Следствие первое	212
Конец ознакомительного фрагмента.	236

Вскормить Скрума

Алексей Доброхотов

© Алексей Доброхотов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Красный луч пробил черную пелену и глазам открылась картина внешнего мира. Рельсы. Шпалы. Насыпь. Щебенка. Канавы. Столбы. Растяжки. Провода. Ели. Серое небо.

В голове гулко, пусто. Ни желаний, ни чувств, ни мыслей. Только осознание присутствия на холодной земле и отстраненное созерцание предметов окружающего мира.

Семафор щелкнул. Красный свет потух. Включился зеленый, круглый. В голове что-то тронулось и пошло начало отсчета. Слово двинулось вперед время. Подхваченный ветром клочок смятой бумаги вылетел из-за железнодорожной насыпи, прошуршал вдоль полотна и нырнул прямо в канаву. Все оживило. Качнулась трава, запели в ельнике птицы, скользнули по небу облака. Звонко откликнулась кукушка в глубине леса. Мохнатый шмель шлепнулся в просвет между шпалами.

Он ощутил как опирается спиной на что-то твердое. Ноги вытянулись на коричневом щебне. На них мятые черные брюки, пыльные ботинки. Впереди струны электрических проводов рассекают надвое небо. Густой ельник мохнатыми верхушками накалывает низкие облака. Откинутые назад руки нащупали пальцами шершавые камни. Сжали, медленно втянули в зону обзора. Слева и справа. Один – побольше, другой – поменьше. Оба грязно-желтые, угловатые. Он знал,

что это, но не понимал, зачем они здесь. Он знал все окружающие вещи, но не находил им смысла, как не мог осознать себя в плотном их окружении.

«Где я?..» – родилась первая мысль. Не звонким криком новорожденного, тихим шепотом притупленного сознания, она выдавилась из глубины темного безвременья газовым пузырем на черную вязкую поверхность мозга и хлопнула, столкнув с места колючими брызгами первые частицы замершего мышления.

«Кто я?..» – последовала вторая.

Он почувствовал, как ровно бьется в груди сердце. Как прохладный воздух наполняет легкие. Он слышал пение птиц, призывы далекой кукушки. Деловитый шмель выбрался из-за шпалы и гулко пролетел мимо. Но ничто не волновало его. Не трогало и не беспокоило. Он смотрел и не понимал, как к этому относиться.

Он разжал пальцы и камни выпали вниз, скользнув по бедрам и моментально слившись с таким же порыжевшим от грязи щебнем. Их падение причинило ногам боль. Шевельнув ими, он понял, что сидит на земле, опираясь спиной на нечто твердое. Обернулся назад и увидел уходящий в небо круглый бетонный столб с такими же как и на остальных растяжками и проводами.

Он встал. Картина мира моментально изменилась. Небо стало ближе. Ели сделались короче. Железнодорожное полотно вытянулось вперед, изогнулось двойной блестящей ду-

гой и врезалось прямо в лес. Вместе с ним ушли куда-то за деревья провода, столбы, насыпь, канава. Только теперь их стало две. Одна – слева, другая – справа.

«Куда это они делись?» – заинтересовался он и совершил первый шаг.

Он двигался легко и привычно. Ноги шли как-то сами собой, словно подвешенные на шарнирах и управляемые посторонним. Ботинки уверенно ступали по каменной насыпи. Руки бессмысленно болтались вдоль туловища. Применения им никак не находилось. Глаза вбирали в себя очертания все новых предметов. Они казались ему знакомыми, но он никак не мог понять откуда он их знает.

Вот он уже миновал семафор. Позади остался второй столб. Впереди их еще много. Как шпал под ногами. Как елей в манящей глубине леса.

Для чего этот путь? Куда он ведет? Что будет там, за поворотом?

Две блестящие рельсы с обеих сторон гнали его вперед, как легкую вагонетку. Между ними идти оказалось легко и просто. Сзади слышался какой-то гул. Он нарастал и приближался. Но в голове не образовалось никакой мысли по этому поводу. Гораздо больше увлекало движение вперед. Само по себе. Простое, не вызывающее никаких чувств и вопросов. Он шел, а накатывающий гул неожиданно перерос в раздирающий небо крик. Оглушительный и страшный. Прижимающий к самой земле, куда он и склонился, закрыв

уши руками.

Потом наступила ночь и тишина.

Действующие лица

Колька, он же Треха – деревенский пьяница.

Клава – жена его.

Сашка – сын его.

Степаныч – старик самогонщик.

Баба Дуня – жена его.

Васька – сосед Кольки.

Светлана – жена его.

Тукин, он же Михалыч, – бригадир.

Макарыч – агроном.

Отец Михаил – деревенский священник.

Баба Зоя – богомольная старушка.

Нина – медицинская сестра профилактория.

Филипыч – сельский фельдшер

Хохин – генеральный директор.

Леонид Иванович Скрючников – главный врач профилактория.

Виктор Иванович Мухин – лейтенант с РЛС.

Михеич — ночной сторож.

Геннадий Петрович – начальник 6 отдела.

Семён Иванович – помощник начальника 6 отдела.

Саша Головин – пропавший офицер.

Паша Охрипенко — пропавший офицер.

Лобов – лейтенант, командир второго взвода спецназа.

Майор Глумов – командир части РЛС.

Гусякин — прапорщик, комендант офицерского обще-
жития.

Сержант Цыбуля – почти дембель.

Скрумы, Грумы и жители деревни Урумы.

Один генерал – начальник военного училища.

Глава 1. Виктор

Третий день стояла невыносимая жара. По свидетельству сторожил явление для этого времени года необычное, загадочное. Не то проявился парниковый эффект, столь долго предрекаемый обывателю средствами массовой информации, не то Земле, наконец, надоело вертеться в одном и том же положении и она, потянувшись, подставила Солнцу примороженные за многие века местечки, не то некто неведомый решил в очередной раз испытать на прочность размлевших от благополучия землян. По той или по иной причине всколыхнулось неожиданно состояние природы, и выходить из дома особенно в полдень совершенно не хотелось. Мухи изжаривались на лету. Черными хлопьями сажи кружились по комнате как внутри разогретой духовки, а вылетев на улицу, шлепались обугленными тушками на расплавленный асфальт.

Он лежал на кровати возле распахнутого настежь окна и с надеждой смотрел в бездонное синее небо. Раскаленный воздух запечатался в маленькой душной комнатенке и ни за что не хотел двигаться с места. Полное безветрие превратило барак офицерского общежития в одну большую финскую сауну. Пот скатывался ручьями по телу, и даже лейтенантские погоны на сброшенной гимнастике казались от него мокрыми.

Уже второе ведро воды размазалось по коже вафельным полотенцем, а спасение все не приходило. Страницы книги липли к пальцам. Строчки размывались в одно большое чернильное пятно. Мысли плавилась. Мозги вскипали. Время медленно стекало с круглого циферблата густой, сладкой медовой каплей.

До выхода на улицу оставалось часа три.

Отбросив в сторону непробиваемый томик научного содержания, он скинул с себя последнее из того, что оставалось на теле и, раскинув широко руки, упал на теплое одеяло лицом вниз. В сознании осталось последнее, единственное желание влезть по самые уши в холодную воду и забыться. Но общественный душ не работал по причине планового ремонта котельной, а на болотистую речушку идти поздно. Пока протопашь километр туда по знойной, пыльной дороге, пока вернешься обратно, от бывшего удовлетворения и следа не останется. Вот если бы дернуть на машине... Но на ней уже уехали все свободные от несения службы. Все, кроме него. Собрались с утра пораньше и улетели, как стая крикливого воронья. А он, белый, остался, как брошенный велосипед коменданта с проколотой задней шиной.

Нарочно не взяли, или о нем просто не вспомнили? Кому нужен новичок? Хотя кто-то что-то говорил вчера вечером насчет воскресного пикника на берегу речки... Но он не придал этому большого значения. Не в его вкусе так проводить время. Вялить тело на солнце, кормить разомлевших ко-

маров и пить теплую воду в чужой компании. Сам отказался. Надеялся поваляться утром в кровати, почитать, подумать. Вот и остался, не встал, не вышел к общему сбору. Кого винить?

На улице солдаты шумно обливались холодной водой из шланга. Присоединиться к ним офицерская гордость не позволяла. Но, видимо, вечером придется, сжав зубы, последовать их примеру. Гигиена требует жертв... Хотя может быть получится искупаться по дороге в реке...

Назойливая муха уже в третий раз села на влажные ягоды. Он согнал ее, но она села снова. Пришлось перевернуться на спину, начать лениво отмахиваться. Одну удалось пристукнуть влажным полотенцем. Но их уже оказалось две. Вскоре и третья присоединилась к вялой компании.

«Нужно было марлю натянуть, – лениво протянулась размякшая мысль, – Завтра, после дежурства обязательно натяну. Выпрошу в санчасти и натяну... Достали...».

Тем временем мух стало больше. Глаза начали их различать или они объявили мобилизацию... Черные точки стройными звеньями медленно парили под самым потолком вокруг пыльной лампочки, выбирая момент стремительно спикировать на потное тело. Отдельные элементы изредка отрывались от общего строя, опускались на стол и производили дозаправку, нахально облизывая грязными хоботками сладкие стенки стакана. Рядом расправленная позавчерашняя «Российская газета». Вставать и шлепать их совершенно

не хотелось, но и допускать наглой агрессии тоже. Так они чего доброго заразу какую-нибудь занесут. Кто их знает, в каком месте они до этого ползали. Сразу вспомнился пропитанный аммиаком солдатский туалет с одной огромной выгребной ямой.

«Однако, лучше убрать, – решил он, протянул руку с кровати и накрыл стакан газетным листом, – Нечего тут ползать. Нашли место ползать... В другом месте ползайте... Хотя что мы знаем о мухах? Может это вовсе не мухи... Может это инопланетяне. Может по отдельности они и ведут себя как мухи, но стоит им вместе собраться в один большой рой, как они сразу же превращаются в НЛЮ? Обретают новое качество, как обретают его все живые организмы стоит им объединиться в одно большое сообщество... По отдельности все люди хорошие, но стоит затеряться интеллигенту в толпе, как он тут же превращается в погромщика. И птицы не знают куда лететь. Но стая всегда находит нужное направление. И мухи тоже слетаются на мед... Чертовы мухи...».

– Пошли прочь, – взмахнул он рукой, в очередной раз сгоняя их со своего влажного тела, – Чертово место. Чертово пекло. Неудивительно, тут люди пропадают. Черт меня дернул согласиться сюда ехать...

* * *

В памяти всплыло большое, красное, напряженное ли-

цо начальника военного училища. Разложенные на длинном столе папки личных дел, сидящий напротив аккуратно одетый господин в штатском. На губах застывшая слегка ироничная улыбка.

«Вот, – указал генерал гостю на прибывшего по вызову новоиспеченного лейтенанта, – Мухин. Мечтает поймать НЛО».

«Неужели? – окинул его насмешливым взглядом господин в штатском, – В самом деле? Всерьез интересуетесь?»

«Так точно. Интересуюсь», – отрапортовал, как учили, выпускник училища.

«Не желаете попробовать? На деле», – предложение прозвучало настолько неожиданно, что даже показалось неправдоподобным.

«Я... Всегда готов», – скептически заметил молодой офицер, но сердце в груди отчего-то гулко забухало.

Начальник училища, представив выпускника, сразу погрузился в изучение каких-то важных документов, лишь изредка бросая из-под очков взгляд в сторону бывшего курсанта. Господин в штатском поднялся с места и подошел к новоиспеченному лейтенанту.

«Судя по всему, вы обладаете достаточными аналитическими способностями, – медленно произнес он и на минуту погрузился в изучение глубины глаз собеседника, – Надеюсь, вы понимаете, что это не шутка, – произнес, слегка прищурившись, – Насколько вы способны идти на риск, действо-

вать в одиночку?».

«Об этом сложно судить, пока это не произойдет, – заметил молодой человек, – Полагаю, объект моих интересов объективно предполагает наличие определенной опасности и потому требует выдержки».

«Конечно, – видимо, гостя генерала ответ вполне удовлетворил, – Вам придется быть постоянно готовым к неожиданностям. Это не просто быть все время на чеку. Специальной подготовки мы вам обеспечить не можем. Рассчитывать придется только на себя. Оплошаете – пропадете. Вас это не смущает, Виктор Иванович?»

«Я постараюсь справиться», – сдержанно произнес лейтенант.

«Вы настолько уверены в себе или просто недооцениваете опасность? Вам уже приходилось встречаться с НЛЮ?» – осведомился неизвестный господин.

«Нет», – кратко ответил молодой человек.

«Тогда откуда такая уверенность? Вы знаете, чем обычно заканчиваются контакты подобного рода?»

«Да. Читал».

«И тем не менее готовы рискнуть?»

«Готов».

«Забавно. Если не секрет, зачем это вам нужно?»

«Хочу убедиться в их реальности», – немного смутившись, признался бывший курсант.

«Убедитесь, и что дальше?» – поинтересовался человек

в штатском.

«Тогда буду точно знать, что они есть на самом деле», – уточнил Мухин.

«И что это вам даст?»

«Это в корне изменит весь взгляд на историю человечества. Если они есть, то мы, соответственно, не являемся венцом творения природы. Становится более понятно кто мы, откуда появились и зачем?» – кратко пояснил Витя.

«Откуда и зачем... Ну, это я вам и сейчас могу точно пояснить... откуда вы появились, – усмехнулся таинственный собеседник, – Но мне нравится ваша пытливость. Не много найдется молодых людей желающих пересмотреть общепринятые взгляды на историю человечества. Может быть, у вас это получится. Во всяком случае, мне нравится, что ваши интересы простираются несколько дальше, чем то, что от вас требуется по уставу. Надеюсь, это поможет вам разобраться в реальной ситуации... Во всяком случае, у вас будет такой шанс. Нам нужен такой... энтузиаст, – подобрал он верное слово, – Вы, как я понял, именно такой и есть, энтузиаст?»

«Я не вижу ничего обидного в этом слове», – сдержанно заметил молодой офицер.

«Что вы, ничего обидного. Просто я наш век всеобщей коммерциализации становится все труднее встретить настоящего энтузиаста, – в интонациях человека в штатском заиграла легкая ирония, – Я вижу вы человек умный, выдержанный, увлеченный. Это хорошо, – заметил он, слегка покачи-

ваясь с пятки на носок, – Просто отлично... Да, пожалуй, такой нам и нужен».

«Мухин весьма не плохо проявил себя в самодеятельности, – вставил слово начальник училища, на минуту оторвавшись от своих бумаг, – Играл даже роль Гамлета. Был дважды отмечен приказом».

«Да. Я обратил внимание, – кивнул головой незнакомец, – Молодой аналитик. Актер. Что может быть лучше? Что ж... – он вернулся к столу, перелистнул какие-то страницы личного дела, на минуту задумался, потом решительно развернулся и снова подошел к юноше, – Вы получите назначение на одну точку. Место отдаленное, глухое, тихое. Я бы даже сказал – слишком тихое. Назначение, прямо скажем, не престижное. Больше напоминает ссылку. Но это только на первый взгляд. Для того, кто ищет встречи с непознанным и таинственным, это, пожалуй, самое подходящее место. Ваша задача будет заключаться в том, чтобы помимо работы по своей специальности, выяснить ряд обстоятельств. В полной секретности от кого бы то ни было. Действовать придется в одиночку, самостоятельно, на свой страх и риск, без какой бы то ни было помощи и без какой бы то ни было поддержки, – уточнил он, – Действовать, как в глубоком тылу на вражеской территории. Один, против всех. Справитесь?» – последний вопрос прозвучал больше формально, чем в ожидании правильного ответа.

«Постараюсь», – вдохновленный открывающейся пер-

спективной выдохнул лейтенант.

«Отлично, – господин в штатском сдержанно улыбнулся, не собеседнику, скорее своему принятому решению. Видимо, он, наконец, сделал тяжелый для себя выбор и это обстоятельство принесло приятное облегчение, – Завтра, после соблюдения необходимых формальностей, мы сможем ввести вас в курс дела более обстоятельно. Я рад, что мы смогли в принципе договориться. Хотя у вас еще есть время подумать. Но только до десяти часов утра завтрашнего дня. После этого обратной дороги уже не будет. Возможно, у вас был шанс получить более престижное назначение. Куда-нибудь поближе к благам цивилизации. Но уже без шансов встретиться с тем, о чем вы так долго мечтали. Если, конечно, Это действительно вас интересует, и вы не боитесь принять на себя весьма не простое и конфиденциальное расследование. Что скажете?»

«Я согласен», – твердо заявил лейтенант.

«Подумайте еще раз до завтра. Завтра в половине десятого за вами прибудет машина, и мы продолжим беседу в другом месте. О нашем разговоре, сами понимаете, никто знать не должен. Если же по какой-либо причине вы, вдруг, передумаете, то немедленно сообщите. В любое время дня и ночи. Это телефон для связи. Звоните. До свиданья», – он протянул маленький белый прямоугольный листочек плотной бумаги, где черным курсивом значилось: «Геннадий Петрович» и длинный федеральный номер сотового телефона.

* * *

И вот он здесь. На панцирной сетке казенной металлической кровати, в душевной комнате барака офицерского общежития, черт знает где, изнывающий от жары в окружении грязных, назойливых мух. Липкий пот и полное одиночество в награду за шесть лет напряженной учебы в упрямом стремлении к цели.

Странное слово «уфолог» ворвалось в его жизнь однажды в середине лета, за неделю до пятнадцатилетия. До того дня он мало чем отличался от остальных подростков своей возрастной группы. Правда, среди своих одноклассников излишне домашний, начитанный мальчик большим авторитетом не пользовался и постоянно чувствовал себя несколько отчужденно. То ли излишняя полнота и неуклюжесть служили тому причиной, то ли частые детские болезни и следовавшие за ними всевозможные ограничения сформировали в нем неуверенность в себе, только в круг своих интересов сверстники его, как правило, не приглашали, да и он не сильно стремился присоединиться к их глупым, скучным и подчас даже излишне ограниченным интересам. Оставаясь в стороне от шумной компании, он невольно разделял одиночество с книгой и пытался понять причины своей непохожести на остальных людей.

Родители в силу своей извечной занятости с восторгом

воспринимали увлечение сына чтением и еще активнее отсылали его к неисчерпаемому источнику знаний, аккуратно складированному на книжных полках высоких стеллажей, выстроенных вдоль всех стен их небольшой трехкомнатной квартиры.

По мере взросления их любознательное чадо незаметно переходило от детских сказок к фантастике, от нее к историческим романам, далее к серьезной классической литературе, пока, наконец, не сумело дотянуться до научных исследований, где с неизбежностью натолкнулось на странную подборку сведений о встречах с НЛЮ. Сначала юноша не воспринял это всерьез и отнес к разряду научной фантастики. Но после неожиданной рыбалки с отцом его юное мировоззрение претерпело кардинальные изменения.

Вечно занятой, слегка подслеповатый доцент «матмеха» в кой веки раз решил взбодриться и устроить сыну капитальный сюрприз. Он взял в счет отпуска три дня свободы от подработок и приемных комиссий, и заявил о намерении отправиться вдвоем с Витькой на тихое лесное озеро, где пренебреженно поймать самую большую рыбу.

Первый день ушел на выбор подходящего места. Руководствуясь телефонными советами многоопытных коллег, многоумный родитель проложил на карте маршрут следования и сформировал список необходимых вещей. При этом умудряясь доделывать недоделанные дела, градом сыпавшиеся из мобильного телефона.

На второй день сборы обрели полномасштабный характер. Вооружившись заблаговременно составленным списком и толстым кошельком, члены экспедиции выдвинулись на поиски нужных снастей и снаряжений. В первом же специализированном магазине выяснилось, что держать в руках удочку ученый родитель может с той же легкостью, с какой кузнец – дирижерскую палочку. Вещь сама по себе вроде бы не тяжелая, теоретически вполне объяснимая, человеку с высшим образованием вполне доступная. В конце концов, кто не ловил в пруду карасей, в детстве? Однако, при непосредственном соприкосновении с ощущениями далекого прошлого оказалось, что с тех пор прогресс в области спортивного рыболовства шагнул далеко вперед. Просто навязать леску на палку оказалось недостаточным. Огромный выбор крючков, поплавков, воблеров и прочих замысловатых изобретений привел доцента в полное замешательство. Особенно после того, как он не обнаружил в магазине ни одного простого деревянного удилица. Исключительно все представляли из себя некие телескопические конструкции приспособленные для крепления катушек неведомой формы. Как намотать на них леску, так чтобы она затем могла сматываться, оказалось делом настолько не простым, что на освоение новых технологий пришлось затратить всю вторую половину второго дня отпуска и километр истерзанной ножницами японской лески.

Ранним утром последнего дня отпуска рыбаки высади-

лись на тихом полустанке с большими рюкзаками и радужными надеждами. Через четыре часа бессмысленных блужданий по лесу извилистая тропа вывела их, наконец, к берегу некоего лесного озера. После небольшого привала, плавно переходящего в весьма плотный завтрак на траве, состоящий из множества всевозможных бутербродов, куры гриль, свежих огурцов, помидоров, вареных яиц, литра горячего кофе со сливками из термоса и прочей немудрящей снеди, рыболовы перешли к поиску червей, разбежавшихся по всему рюкзаку. Вернув беглецов в пластиковые стаканчики, охотники начали снаряжать два длинных удилища и один фирменный спиннинг. Затем расставили складные стульчики. Воткнули в землю рогатки. Приготовили большой подсачник. После чего, ближе к полудню, во всеоружии выстроились вдоль берега, готовые атаковать красными поплавками тихую, безмятежную водную гладь с притаившейся в глубине свирепой, большой рыбой.

Первым забросил удочку отец. Залихватски, со свистом точно на верхушку березы, подло раскинувшей свои пушистые ветви прямо на пути стремительно летящего грузила. Тонкая леска тут же опутала гибкие ветки и ни за что не захотела стягиваться обратно. Пришлось с ней безжалостно расстаться. Пока бравый рыболов готовил достойную замену безвременно утраченной снасти, мальчик Витя, руководствуясь советами отца и собственным здравым смыслом, тихонько забросил крючок на середину заводи. Поплавок, вяло

уткнувшись в воду, прилег на бок и стал тихо покачиваться на убаюкивающей поверхности.

«Длину надо уменьшить», – последовало указание старшего.

Сын дернул. Острый крючок впился во что-то прикованное намертво ко дну и удилище выгнулось крутой дугой, явно указывая на свою неспособность преодолеть чрезмерную нагрузку.

«Зацеп, – прокомментировал отец, – Ничего. У нас еще есть крючки».

Первая атака на рыбу захлебнулась. Пришлось возвращаться на исходную позицию и переоснащаться, перестраиваться и искать более удобные места в извилистой береговой линии.

Через полчаса рыбаки снова пошли на приступ.

Новое место представляло широкую, свободную от высокой растительности полосу. Глубина, предварительно промеренная грузилом, вполне подпадала под определение «подходящей». Два пронзенных крючками червяка почти одновременно упали в воду и скрылись в сиреневой глубине. Поплавки встали по стойке смирно, готовые сигнализировать начало большого жора. Глаза напряглись. Дыхание участилось. Ожидание чуда повисло над заводью...

Прошел час. Поплавки стояли, как вкопанные. Большая стрекоза опустилась на один из них и застыла над замершей водной гладью маленьким растопыренным вертолетиком.

Солнышко с неба припекало. Птички в лесу заливались. Комарики слабо попискивали над ухом. Тишина и покой бродили рука об руку вдоль извилистой береговой линии лесного озера.

Хорошо. Покойно.

Если бы не саднила сердце подлая страстишка до вожденной, несчастной рыбы, век бы сидеть так на бережку и наслаждаться гармонией мира.

Переглянулись. В глазах сына читался немой вопрос:

«Не клюет. Что дальше?»

Неудобно стало отцу перед ребенком. Поманил богатой добычей, а дать не сумел. Не идет дичь в силки. Не жрет подлая рыба наживку. Или место не то подсказали дружки-рыболовы. Или удочки неправильные продали. Или червяков подсунули тощих, комбикормом отравленных.

Взбудоражилось сознание доцента нереализованностью желания.

«Наживку нужно проверить», – молвил он сухо и потянул на себя удилище. Дернул сердито и за один раз обе снасти на берег вытянул. Перепутались в воде лески двух удочек, перемотались хоть ножом режь. Что за непруха! Снова снасти готовь, крючки вяжи, поплавки ставь.

В третий раз вышли на исходную.

«Прикормить. Их прикормить надо, – вдруг осенило большого охотника, – Где колбаса?»

Полетели в воду жалкие остатки куры-гриль, разомлев-

шие на солнце черви, сушки, пряники, яичная скорлупа и последние бутерброды. Снова взметнулись хищными пиками тонкие удочки. Плюхнулись в озеро пузатые поплавки, разгоняя сонных водомеров. Встрепенулись острыми хвостиками. Следом уже спиннинг в суетливых руках воблером поблескивает. Вот-вот острыми крючьями рассечет водную гладь.

«Мелочь прикормим щучка приплывет... – потер ладошки родитель, – Ничего. Не горюй. Будет на ужин рыбка».

Надоело ему ждать милости от природы. Решил вырвать инициативу из рук противника. Огорошить его стремительностью напора. Таковую развел на берегу кипучую деятельность, что если бы оказалась в это время и в этом месте какая-нибудь заблудившаяся рыба, то она непременно бы покончила жизнь самоубийством, добровольно выбросившись на берег от хохота.

Вскочил отец на гладкий, прибрежный камень, замахнулся широким полукругом, свистанул в воздухе коротким, гибким удилищем и завопил на весь лес истошно и горестно. Глубоко засадил себе трезубец воблера в широкую часть спины чуть ниже поясицы. Поймал огромную рыбу.

Поизвивался пронзенным червяком вокруг камня, изловчился, вытащил крючья из тела, постонал, поохал, приложил к поврежденному месту разжеванный подорожник.

«Точно. Не умеют нормальные удочки делать. Ничего путного на них не поймаешь», – сообщил горестно сыну, вы-

тряхнул содержимое рюкзака на землю, схватил острый ножик и пошел в лес нормальное удилище резать. Как дед заповедал. Деревянное. Правильное. Чтобы никаких новомодных катушек с боку не наворочено. Палка, леска, крючок, поплавок. Без излишеств. Просто и прочно. Только так можно рыбу поймать, в леске не запутаться и других не поранить.

«Сиди, Витька, – махнул рукой на ходу, – Этими новомодными удочками только рыбу пугать».

Присел парень на стульчик. Подпер кулачками голову. Сидит на белую сушку смотрит, что безмятежно плавает вокруг поплавков и ровным счетом никто из жителей водного царства ею не интересуется.

Примерно через полчаса отец стремительно выскочил из леса, словно за ним по пятам кто-то гнался, схватил сына за руку:

«Бросай все. Бежим!» – крикнул и поволок его за собой вдоль берега на другую сторону озера.

«Почему? Что случилось?» – непрерывно вопрошал на бегу юноша. Но родитель упорно молчал, пока они не оказались по его разумению в относительном удалении от опасности.

«Значит так. Стой тут и никуда не уходи. Сейчас тут будет спец. операция. Я только что НЛЮ видел, – тихим голосом, наконец, пояснил он, – Там, на опушке, – махнул рукой в даль, – Стоит их корабль».

«Здорово! Пошли, посмотрим!» – загорелся подросток.

«Нельзя. Это опасно, – категорично пресек отец, – Стой тут, я сказал».

«Почему?»

«Не все могут оказаться доброжелательными».

Он выглядел крайне встревоженным, каким-то растерянным и усталым. Не поверить ему сын не мог. Но и верить, как-то, казалось, стремным. Хотя как не поверишь, когда все вещи остались лежать на берегу, и они стремительно улепетывали, не разбирая дороги.

Судя по всему, рыбалка не задалась. Большую рыбу в тот день они не поймали. Зато клюнуло нечто иное. Таинственное, захватывающее.

«Значит, они есть?» – оживился Виктор.

«Возможно, – неопределенно пожал плечами ученый, набирая чей-то номер на мобильном телефоне, – Во всяком случае, такие тарелки мы делать, пока, не умеем. Это я точно знаю. Алло!».

Он позвонил какому-то своему коллеге и стал длинно и путано рассказывать о том, что увидел, пытаясь определить свое точное местонахождение. Наконец, после пятиминутного горячего убеждения собеседника в собственной трезвости, беспристрастности и серьезности, он дал отбой, и молвил:

«Сейчас организуют вертолет. Надо найти место, чтобы подать сигнал».

«Так, значит, они есть или нет?» – нетерпеливо дернул

сын за рукав.

«Скорее есть, чем нет. Хотя наука в этом вопросе до сих пор окончательно не определилась. В этом и заключается главная проблема. Пойдем. Выйдем на берег. Разведем дымный костер. У тебя спички есть?»

Оказалось, что все брошено на берегу. По близости никого не наблюдалось. Но возвращаться он не рискнул.

«Ладно. Будем махать руками».

«Лучше рубашкой», – предложил сын.

Так и решили. С телефоном в одной руке и белой футболкой в другой отец влез на большой камень, торчащий возле кромки воды, и стал ожидать прибытия специалистов.

Но те с вылетом явно не торопились. Как потом выяснилось из разговоров, основательно готовились. Вертолет заправляли, разрабатывали план действий, согласовывали с начальством комплекс мероприятий, дождались какого-то чиновника с группой компетентных товарищей, потом долго взлетали, крутились над местностью, определяя нужное озеро, искали место посадки.

За это время отец успел сходить на спешно оставленное место рыбаки, собрать вещи, вернуться, трижды развести дымный костер.

Затем состоялась встреча с прибывшими специалистами. Витю оставили в компании пилота возле вертолета, а отец повел группу компетентных товарищей к месту посадки неопознанного летающего объекта. Вскоре они вернулись.

Контакт не состоялся. НЛО, видимо, улетело, пока земляне организовывали теплую встречу. Даже послания не оставили.

Отец пристыжено оправдывался. Специалисты его злобно отчитывали. Затем взяли с него письменные объяснения, составили какой-то протокол, и, еще раз унизив недоверием, улетели прочь, бросив рыбаков в полном недоумении на берегу озера.

«Не надо никому об этом рассказывать», – как-то печально попросил папа, когда они уныло брели восвояси.

«Почему?»

«Ты же не хочешь выглядеть идиотом?»

«Почему они не поверили?»

«А ты поверил?»

Некоторое время они шли молча узкой тропой по лесу, пока не вышли на просеку, выведшую к шоссе, где, поймав попутную машину, вернулись в город. Купили в ближайшем от дома магазине трехкилограммового судака и, как ни в чем не бывало, торжественно преподнесли маме. Та только руками от восторга всплеснула. Приняла добычу и как достойная жена достойного рыболова безропотно отправилась чистить на кухню.

Потом поздним вечером дружно ели наваристую уху. Мама все время нахваливала мужчин-добытчиков. Отец скромно отмалчивался, делая вид, что ничего особенного не произошло. Только вечером перед сном Витя не выдержал

и признался, откуда улов и с чем он оказался связан.

«Я знаю, – ласково улыбнулась мама, – Судаки в озерах не водятся. Но отец поступил правильно. Даже если у него ничего не получилось», – поцеловала, пожелала спокойной ночи и ушла в свою комнату.

Из разговоров родителей Витя узнал, что над отцом потом долго потешались его коллеги. Он постоянно оправдывался, злился и едва не запил, но вовремя остановился. Однако с тех пор юноша заразился этой нетрадиционной темой и стал увлеченно собирать информацию о непонятных светящихся объектах, изредка обнаруживаемых по всему свету на темном, ночном небе. Покупал и зачитывался бульварной литературой, в изобилии обнаруженной на прилавках книжных магазинов. Собрал множество документальных фильмов. Искал встречи с очевидцами. Стал постоянным участником форума на специальном сайте в Интернете.

Так в нем зародилось настойчивое желание установить истину. Выяснить природу этого странного явления, словно звоночек дающего человеку знать, что он, возможно, не одинок в этом огромном мире и что за ним, видимо, кто-то постоянно присматривает из глубины звездного неба. Любое новое сообщение о встречах с НЛО он встречал с легким волнением и надеждой. Установление непосредственного и прямого контакта с Ними стало для него нечто вроде заветной цели. Ею определился и выбор профессии. Кто, кроме часового неба в силу специфики своей деятельности мо-

жет первым получить подобный контакт с наибольшей вероятностью? Идти в летчики не позволяло здоровье. Оставалась радиолокация. И он подал документы в военное училище.

Для него, человека далекого от военной выправки и гуманитария по складу ума, связать свою жизнь с техникой и тем более с армией представлялось решением крайне не простым. Но иного пути не виделось. Бегать по кустам с биноклем, полагаться на случай, собирать по углам слухи, копаться в сливных стоках массовой информации, выковыривать крошки из псевдонаучных изданий – все это казалось занятием унижительным и недостойным, не позволяющим найти и познать истину. Если речь идет о чем-то значительном, значит оно находится с сфере национальной безопасности и скрыто за семью печатями грифа государственной тайны. Искать его нужно там, в бронированных сейфах, охраняемых военными, и допуск в ряды посвященных получать через казарму.

Сдать вступительные экзамены Вите особого труда не составило. Учеба продвигалась довольно легко, если не принимать во внимание строевые и полевые занятия, где требовалась хорошая физическая подготовка. Но и эта напасть со временем как-то преодолелась. Не такие уж строгие критерии установили для его полугражданской специальности. Не маршевые роты. Вытянул. Получил погоны и вместе с ними долгожданный пропуск в звездное небо.

* * *

Он накрыл влажным полотенцем лицо.

«Невыносимая жара. Куда бы от нее деться? Кожу с себя содрать что ли?..»

Вяло ползали в голове ленивые мысли, строились легкие цепочки размышлений, всплывали из марева воспоминаний мутные образы...

Задание. Миссия. Тайна. Как странно все повернулось. Мечтал об одном, планировал другое, предполагал третье, а вышло нечто совершенно ни на что не похожее. Если прежде жизнь представлялась относительно ровной дорогой, то неожиданно она сделала кувырок в сторону, уткнулась в глухой лес и не известно, что там, за плотной стеной высоких деревьев. Будущее скрылось в густой тени, и каждый дальнейший шаг придется теперь делать по целине, вверяя свою судьбу неведомому поводырю, незримо ведущему в неизведанное.

Межгалактические пространства сошлись в одной точке. Далекие цивилизации продолжали мерцать где-то там, в бесконечном кружеве звездного неба. Таинственные корабли вернулись на базы. Смолкли позывные Вселенной. И только незримый глаз тайного руководства пристально наблюдал со стен офицерского барака за его робкими продвижениями к цели. Выдержит ли? Сможет ли? Оправдает ли?

Впервые он оказался совершенно один в объятиях суровой действительности. Такой молодой, такой не искушенный, такой мало приспособленный к самостоятельной жизни. Без родителей, без наставников, без друзей. В оторванном от цивилизации гарнизоне, среди чужих, возможно враждебно настроенных людей, где единственными его помощниками оказались накопленные знания, уверенность в себе, молодость и пытливость ума. Хотя в резерве оставались еще расчетливость, разумность и холодная логика. Они всегда давали ему неоспоримые преимущества перед остальными, увязшими в трясине страстей, эмоциональных переживаний и примитивных физиологических потребностей. В нужную минуту эти несомненные качества всегда приходили на помощь, вытягивали из душевного конфликта, ввергали противника в недоумение. Когда еда, деньги и секс не представляют для человека большого значения, то он невольно становится хозяином любой сложной жизненной ситуации. Обычными методами такого не зацепить. Он стоит выше примитивных интересов обыденного сознания. Ему нужно иное. Более масштабное, возвышенное, грандиозное. Нечто вроде разгадки тайны великой пирамиды Хеопса или горы Кайлас, познание силы урагана или секретов НЛО. Постигший обретает мир, получает сопричастность к деяниям Творца. Разве может сравниться еда, деньги и секс с таким ощущением, с выходом за пределы физиологической ограниченности отдельно взятого организма?

Нет, он не такой как все, и не случайно оказался здесь. Всю жизнь он чувствовал себя иным, посторонним, словно чужим на скучном празднике жизни. Застолья, фейерверки, шоу, спортивные соревнования, машины, наряды – все то, что с таким восторгом принимали окружающие, всегда вызывало в нем непонимание и даже протест. Не может тело стать выше разума. Не в сила вещи затмить сознание. Не вправе личность добровольно растворяться в толпе. Поправший в себе высшее начало подобен скоту. Его место в стаде, в строю, в массе. Безликий, бесцветный, исполнительный, достоин ли он того, чтобы именовать себя человеком?

Иной раз ему казалось, что если все эти примитивные существа, погрязшие в ежедневной возне вокруг куска хлеба, в один миг вдруг исчезнут, то это будет даже хорошо. Слишком уж много их развелось, этих простейших, человекообразных, прожорливых, вездесущих с жадными голодными глазами. Что он делает среди них? Для чего внедрен в их среду? Какую несет на себе миссию?

Может быть, его бросили сюда в наказание за какой-нибудь недостойный поступок? Но за какой? И как долго предстоит отбывать назначенное наказание? Или его оставили, как разведчика, исследовать новые территории для быстро растущей, просветленной цивилизации? Но тогда кто и когда четко определит задачу? Быть может, он еще недостаточно глубоко внедрился, и как только сможет утвердить себя

на более значимом месте, так с ним сразу войдут в контакт и сообщат, что следует дальше делать?

Хотелось бы в это верить, хотелось бы надеяться, что все именно так и обстоит. Иначе, зачем он тут, такой непохожий на остальных? Если это не кара, то – испытание. Если не испытание, то – урок. Если не урок, то – задание. Следовательно, нужно набраться терпения и ждать. Изучать, накапливать знания и прилагать все силы к тому, чтобы освоить как можно больший объем сведений об этом мире. И как только он станет носителем больших знаний, так сразу и обретет желанное единение со своей далекой, затерянной среди звезд Родиной.

Какая она? Хотелось бы верить, что очень похожая на Землю, только населенная разумными существами, способными рационально распределять время и силы, не совершать бессмысленные действия, не вдаваться в излишние хлопоты, все знающие и понимающие с полуслова благие намерения.

Но надежда с мечтами, как одежда с погонями висела на стуле. Замысловатый зигзаг жизни изобразил некую тайную миссию и забросил его в дремучие леса и топкие болота, сузив границы исследования до масштабов отдельно взятого гарнизона далекой географической точки.

* * *

Геннадий Петрович обитал в небольшом кабинете, скрытым за серым фасадом пятиэтажного дома ничем не выделявшимся в ряду других похожих на него зданий, выстроенных ровным рядом на тихой улочке в стороне от шумных магистралей большого города. Водитель, белесоватый парень со стертыми чертами лица, доставил молодого офицера точно к назначенному времени. Предъявил на входе какую-то бумагу, провел по длинному, тихому и светлому коридору с чередой одинаковых деревянных дверей по обе стороны, приглушенно здороваясь по пути с неприметными сотрудниками в однотонных, деловых костюмах, остановился перед маленькой табличкой с лаконичной надписью «Начальник 6 отдела», и сквозь тамбур ввел в кабинет.

Два зашторенных окна, длинный письменный стол, остекленные книжные шкафы вдоль стены. Справа от входа кожаный диван и два кресла полукругом обступили журнальный столик с бутылочками воды «Перье». На стеклянной столешнице синяя канцелярская папка. Слева – холодильник. Напротив дивана – мини кинотеатр.

Хозяин кабинета вышел из-за рабочего стола навстречу гостю. Плоский монитор компьютера тут же притух.

«Как вижу, вы не передумали. Это хорошо, – улыбнулся он мягко, – Располагайтесь», – указал рукой на кресло, прошел вперед и присел рядом.

Мягкая кожа моментально проглотила тело. Сидеть оказалось очень удобно. Сопровождавший водитель незаметно

исчез. Словно растворился в узком сумраке дверного тамбура.

«Ознакомьтесь с этими документами, – произнес начальник шестого отдела, взял в руки синюю папку, раскрыл ее и передал гостю, – Пока вы их изучаете, я закончу одно небольшое, но срочное дело. Прошу меня извинить», – и вернулся к своему столу.

Компьютер тихо жужжал. Бумаги шелестели. Черные строчки напоздали одна на другую. Заявление. Анкета – подробная, скучная. Инструкция – казенная, сухая. Обязательство о неразглашении государственной тайны. Контракт...

В принципе он так и предполагал свое трудоустройство. Формально. Сухо. По-деловому.

«Вот я и секретный агент, – промелькнула в голове мысль, – Работа на Правительство. Контора. Иначе и быть не могло. Это только любитель уфолог может себе позволить тайно ползать по колючим кустам возле секретного полигона. Серьезное дело, требует серьезного подхода. Рано или поздно, я должен был оказаться тут».

Витя стал аккуратно заполнять многочисленные бланки и подписывать их, каждым своим росчерком прикручивая свою судьбу стальной проволокой к мягкому, казенному креслу.

«Что, собственно говоря, я теряю? – думал он, – Из одного рода войск перехожу в другой, только и всего. Зато обретаю гораздо больше возможностей. Теперь я элита. Номенклату-

ра. Фигура. Чтобы иметь контакт с иным обществом, надо подняться над своим обществом. Иначе и быть не может».

Заявление сделано. Подпись поставлена. Контракт заключен.

Начальник отдела внимательно прочитал подписанные документы, аккуратно сложил их обратно в синюю папку, и запер ее в верхнем ящике своего письменного стола.

«Теперь к делу, – начал он, возвращаясь в кресло, закинул ногу на ногу, взял со стола прохладную бутылочку воды, налил в тонкий стакан, – Суть заключается в том, – произнес прихлебывая, – чтобы установить при каких обстоятельствах исчезли два наших офицера. История с их исчезновением весьма темная. Оба занимали ту же должность, на которую вам предстоит получить назначение. Один имел звание капитана. Второй ожидал присвоение очередного звания старшего лейтенанта. Один прослужил на Точке около трех лет, второй – от силы три месяца. Оба пропали при весьма странных обстоятельствах. Предположительно утонули. В озере. Тела обнаружены не были. По факту гибели имеются только рапорты дежурного офицера. В первом сказано, что 15 сентября прошлого года капитан Павел Охрипенко пошел собирать клюкву и не вернулся. Его следы обрываются возле Чертова озера, расположенного в лесу в полутора километрах от части. Во втором рапорте указано, что 15 марта этого года лейтенант Александр Головин отправился поохотиться в лес и тоже исчез. Его следы обрываются возле то-

го же Чертова озера. На берегу было обнаружено только корзинка одного и ружьишко другого. Собранной клюквы оказалось ровно на один стакан, а из ружья не было произведено ни единого выстрела. Как вы сами, надеюсь, понимаете, поиски тел никаких результатов не дали. Иных следов нет, свидетелей нет, тел нет. Все возможные версии, думаю, отработаны. Все люди опрошены. Следствие по делу прекращено. Вы спросите, что в этих двух случаях такого необычного? Сотни людей каждый год пропадают в лесу. Тем более тонут в лесных озерах. И при чем тут НЛО? В том-то и дело. В этом месте довольно продолжительное время наблюдается некоторая активность неких явлений. Несколько раз приборами электронного наблюдения было зафиксировано возможное приземление... в районе Чертова озера. Поисковые группы, направленные командиром части майором Глумовым, не смогли установить ни следов, ни мест посадки, ни каких-либо иных признаков присутствия или иного воздействия на природные объекты. Следует отметить, что их активность в районе Чертова озера резко возросла после назначения майора Глумова на эту должность. Связано это с его назначением или это упущение прежнего руководства – об этом судить рано. Глумов был переведен из Закавказья. Боевой офицер. Участник боевых операций. Имеет боевые награды. Не доверять ему, оснований нет. Но и полностью доверять тоже. Особенно после последнего рапорта лейтенанта Головина. Думаю, есть смысл вам с ним ознакомить-

ся, – Геннадий Петрович словно фокусник извлек из рукава небольшой листок бумаги и протянул его Виктору, – Читай-те».

«Полковнику Шубину, – значилось в небольшой записке, – Прошу принять срочные меры к пресечению вторжения. Во время боевых дежурств я неоднократно обнаруживал НЛО. Объекты округлой формы приземлялись предположительно в районе Чертова озера. О чем я неоднократно подавал рапорты. Командир части майор Глузов оставляет рапорты без внимания. Тревоги не объявляет. Места посадки не осматривает. Местность не прочесывает. Требуется фиксировать в журнале и все. Говорит, что будет докладывать сам, кому следует. Но, как я недавно понял, ни разу никому не докладывал. Он бездействует. Хотя совершенно очевидно, что там база. Они уже тут. Прошу (зачеркнуто) Требую (написано сверху) принять срочные меры. Бездействие командира части майора Глузова не находит оправданий. Он выставляет меня сумасшедшим. Направляет на обследование. Хочет комиссовать. Перехватывает мои рапорты. Два раза отстранял от дежурства. Но я в норме. Я совершенно здоров. У него все под контролем. Связи нет. Я все подробно фиксирую в журнале. Нужно срочно оцепить район, прочесать лес. Нужно поднять часть по тревоге. Мы в опасности. Их там уже много. Капитан Охрипенко тоже все знал, докладывал, но его убра-

ли. Думаю, они все заодно. Их надо нейтрализовать. Потом будет поздно».

«Ну, как? Прочитали?» – поинтересовался Геннадий Петрович.

«Да... – протянул Витя, – Содержательный документ».

«Похоже на бред сумасшедшего?»

«Трудно сказать. Нота отчаянья определенно звучит. Но... Что-нибудь из всего этого подтвердилось?» – вопросительно взглянул на своего начальника молодой агент.

«Ничего. Ровным счетом ничего. Ни одной четкой записи в журнале боевых дежурств. Ни одного рапорта ни от капитана Охрипенко, ни от лейтенанта Головина. Ни следов, ни очевидцев. Все, как обычно. Общая картина наблюдений без особых происшествий. Зато имеется два рапорта от командира части майора Глумова с требованием направить лейтенанта Головина на психиатрическое освидетельствование. И показания сослуживцев, отмечающих странности в его поведении».

«Интересно...»

«Факт, который нельзя оставить без внимания. Так же как и то, что свой рапорт Головин направил с нарушением всех существующих правил. Обычной почтой в простом почтовом конверте. Если бы лейтенант Головин сразу после этого не исчез, то его письму никто не придал бы большого значения. Скорее наоборот. Он получил бы строгое взыска-

ние, а возможно его и комиссовали бы. Но его последующее исчезновение придает этому рапорту несколько иной оттенок. Словно, он был уверен, что все иные каналы связи для него являются недоступными. Или полностью подконтрольны тем лицам, кому его рапорт не был адресован. Возможно, он передал письмо с кем-нибудь из местных жителей. Возможно, отправил сам. Все служебные каналы связи на точке действительно находятся под полным контролем командира. Может быть, именно поэтому это письмо и дошло до адресата? Но, согласитесь, были и иные возможности для общения с командованием. Нельзя отрицать тот факт, что полковник Шубин лично бывает на точке и беседует с личным составом. Почему, спрашивается, не передать рапорт лично? Если сообщение такое важное, то зачем подвергать его опасности затеряться? Тем более, что почта в тех местах работает не самым лучшим образом. Однако, с вами мы будем держать связь именно по этому каналу. Постарайтесь найти повод иногда наведываться на почту. Будете писать маме о погоде и здоровье. Если обнаружите что-то существенное, нахваливайте свое самочувствие и погоду. Чем сильнее будет звучать радостная нота, тем быстрее я смогу прибыть к вам с инспекцией для обстоятельного разговора. Или кого-нибудь прислать. И наоборот. Чем хуже вы будете себя чувствовать, тем значит, дальше вы находитесь от решения поставленной задачи. Ну, и если будет совсем плохо, то я опять же постараюсь приехать с инспекцией или кого-нибудь

прислать. Человек, которого я пришлю, передаст вам от меня привет и пожелание доброго здоровья. Так вы его узнаете».

«Это будет пароль», – уточнил новый агент.

«Совершенно верно, – снисходительно улыбнулся начальник, – Писать будете на абонентский ящик. Адрес получите позже. Как, надеюсь, вы понимаете, использование радиотелефона запрещено и смысла в нем нет никакого. Равно как и в Интернете. Все каналы связи находятся под полным контролем и круглосуточно прослушиваются и просматриваются. Такова специфика службы. На то она и радиолокационная станция. Могут возникнуть большие неприятности от любого неосторожно брошенного слова. Теперь еще раз о вашем будущем командире. Как я уже говорил, майор Глумов – боевой офицер. Прошел через горячие точки. Имеет ранения и боевые награды. Находится на хорошем, я бы даже сказал очень хорошем счету, у начальства. Оно считает его весьма перспективным офицером и прочит ему большое генеральское будущее. Он был назначен на эту должность примерно год назад. До этого около пяти лет занимал должность заместителя. Прежний командир особого рвения не проявлял, особенно в последние три года. Глумов фактически исполнял его обязанности, пока тот благополучно не вышел на пенсию. Сейчас это одно из лучших подразделений. Ни одного нарушения дисциплины, ни одной чрезвычайной ситуации, ни одной технической поломки. Никаких претензий ни к части, ни к командиру. Кроме этих двух странных ис-

чезновений и рапорта. То что он написан рукой лейтенанта Головина – в этом сомнений нет. Рука его. Но в каком состоянии он находился и какие обстоятельства побудили его к написанию, вот то, что вам и предстоит выяснить на месте. Ни наше внутреннее расследование, ни прямые вопросы следователей военной прокуратуры, работавших по делу исчезновения офицеров, не смогли прояснить этих обстоятельств. Остается последняя надежда на вашу сообразительность и удачу. Вполне возможно, что это может оказаться именно Их рук делом, если они у них есть, – сдержанно улыбнулся он собственной шутке, – Когда больше ничего иного не остается, то приходится признать самое невероятное. Любое, даже самое на первый взгляд незначительное событие, прошу незамедлительно фиксировать. Заведите себе нечто вроде дневника и заносите в него все впечатления дня. Но помните, под подозрением находится каждый, кто там служит. НЛО повинно в исчезновении людей или не НЛО пока это не известно. И пока мы с вами все это не выясним верить никому нельзя. Все ясно? – слегка приподнял он тонкую бровь, – С отъездом сильно не задерживайтесь. Билеты, документы и все остальное получите, как положено».

* * *

РЛС дислоцировалась на обширной территории Н-ской области, среди необозримых лесов и болот. В местах глу-

хих, заповедных, древних. Многочисленные речушки, словно морщины, пересекали всю местность, огибая округлые сопки, бугрившиеся островами среди зеленого океана растительности. На них только и имелась возможность передохнуть после комариного счастья низины.

Добираться до места службы пришлось несколько дней. Последний клочок цивилизации Мухин покинул на почтовом катере. Торопился. Не терпелось поскорее приступить к делу. Военный шел только после полной загрузки многими часами позже.

Спустились вниз по быстрому течению относительно широкой, вполне судоходной реки, и около полудня причалили к пустынной пристани деревни Урумы. Быстро выкинули на пирс почтовый мешок, молодого офицера с тяжелым чемоданом и большой дорожной сумкой, развернулись и помчались дальше, держа курс на север.

Отъезжающих и встречающих не наблюдалось. Только два местных мужика изнывали на лавочке под тихое шуршание воды, видимо, не зная к чему приложить приморенный мозг, чтобы восполнить явный недостаток алкоголя в организме. Один нескладный и тощий, в несусветно грязном пиджаке, накинутом прямо на голое тело, второй мордатый и рыхлый с бесформенным пузом на выкате, прорвавшим круглым пупком застиранную цветастую рубашку.

Высаженный пассажир явно показался худому хорошим подарком дня. Едва катер отчалил, как он, не вставая с места,

расплылся губастой улыбкой под утиным носиком и выдал:
«Гляди, Тимоха, какого пидера прислали».

«О-о», – оценил товарищ, обозревая мутным глазом незнакомца.

Витя даже смутился от такого приветствия, не зная, как на него реагировать.

«Третьим будешь, командир?» – самодовольно закусил тощий мятую гильзу потухшей папиросы.

«Спасибо. Не пью», – сдержанно промямлил офицер, подхватил чемодан и попытался сойти на берег.

Но мужичонка преградил ногой путь.

«Нам спасибо – некрасиво, надо денежки платить», – нахально накатиł он.

Подобный наскок застал молодого офицера явно врасплох. Обострять отношения с местным населением, вот так с хода, никак не входило в его планы. Делать замечание или заострять внимание на наглom поведении значит включаться в затеянную провокацию, что может привести к драке. Их двое. Не известно, что каждый из себя представляет. Свидетелей нет. Хорошее начало службы получится. Тем более, что есть чем откупиться. Прихватил по дороге для будущих сослуживцев бутылочку. Как ни как в армию служить ехал. Армейские традиции известны. Знал бы, что по дороге на таможню нарвется, прикупил бы больше. Особенно, если бы кто-нибудь заранее предупредил, что тут такие заведены порядки. Обидно, конечно, отдавать первому встречному хаму

неизвестно за что, но и коллеги не проявили должного внимания. Встречи не обеспечили. Машины не прислали. Хотя при отъезде звонили. Предупреждали. Просили выслать. Может, еще не подъехали? И не приедут, как вещи тащить? Как добираться?

«Ладно. Чего там... – еще больше растерялся Витя, опуская тяжелый чемодан на деревянный настил, – Мне бы транспорт какой достать... – расстегнул дорожную сумку, порылся в тряпках, извлек литровую бутылку водки, – До части добраться».

Мужичек явно не ожидал получить такой результат от своего экспромта. Уступчивость огорошила его сильнее, чем военного нападение. Видимо, он вообще не собирался с недоперепою махать кулаками среди бела дня. Просто пошалил, пытаясь как-нибудь развлечься, может сшибить с лоша «на шару». И не промахнулся. От неожиданно свалившейся удачи он отпал, открыв рот, не зная, что и сказать по такому поводу.

Первым нашелся толстый. Того как ветром со скамьи сдуло.

«О-о, – оценил он, выхватывая богатый откуп из руки лейтенанта, – Это дело. Это мы всегда приезжому рады. Это мы мигом тебе тачку организуем, – вынул из кармана мобильник, пискнул кнопкой, – Кирилыч? Я это. Давай трактор гони. Срочно. Дело есть, – коротко распорядился в трубку, – Я, говорю, гони, тебе говорю, – пресек явное возраже-

ние, – Надо, тебе говорю. Без понтов. К пристани гони, тебе говорю. Давай, давай. С Михалычем я сам разберусь, – дал отбой, – Я же говорил. Все будет в порядке», – заулыбался, демонстрируя редкие почерневшие зубы.

«Мальчик с виду, не пахан, показал, что он Хуан», – осклабился тощий, приходя в первоначальное состояние.

Витя тем временем застегнул сумку и, почувствовав себя хозяином положения, несколько расслабился.

«Будем знакомы. Капитан рейда Иванов. Тимофей... Петрович, – протянул мордатый рыхлую ладонь. – Начальник, так сказать, порта».

«Виктор», – кратко представился офицер.

Обменялись рукопожатием.

«С приездом».

«Спасибо».

«Треха», – просунул ручонку мужичонка.

«Отвали, – грубо отпихнул его начальник, – Служить к нам?»

«Любопытство не порок, как сказал Илья пророк», – встал словцо с боку отжатый.

«Отвали, говорю. Не видишь, с человеком разговариваю. Чего лезешь? Видишь, человек на службу приехал. Сам ни хрена не делаешь... Оставь человека в покое», – снова отшил его толстый.

«И вечный мат; покой нам только снится, – поскуливая, вернулся тот к скамейке, – Летит, летит бухая колесница,

и ржет ОМОН. Тимоха, долбаный гандон, ты нафига крошишь батон?»

«Слушай, Треха, лучше бы ты на ферму пошел... У меня все равно нехрен сегодня делать, – как-то вяло отмахнулся от него смотритель причала, – Вон, мешок отнеси в правление. Видишь, мешок доставили».

«Ага, – скривил тот кислую физиономию, – Лучше водку кушать с ватой, чем дерьмо грести лопатой», – выдал скороговоркой, заново раскуривая потухшую папиросу.

«Придет Михалыч, будет тебе шухер... – продолжил ленивое наставление Тимофей Петрович.

«Такая нам досталась доля, нам не прожить без алкоголя», – пыхнул густым дымом губастенький.

«Ты, главное, не бойсь, – потряс перед приезжим бутылкой мордатый начальник, – За нами не заржавеет. Доставим до места в лучшем виде. Вместе с вещами. У нас это железно. Это ты правильно сделал, что обратился к нам. Так бы топал себе по лесу. А так с ветерком. Главное, Кирилычу ничего не говори. Я сам с ним потом разберусь. Понял?»

«Долг платежом страшен», – уточнил со скамейки Треха, не спуская голодных глаз с добычи.

Витя согласно кивнул головой.

Телефон выбросил обрывок блатной мелодии. Иванов приложил его уху.

«Этого почему? – скрипнул гнилыми зубами, – Я говорю надо. Надо, значит надо... У меня человек тут с чемода-

ном стоит. Ты понял?.. Я говорю, довести надо... Он шас сам придет к тебе. Понял?.. Не отвезешь, ночевать у тебя будет. Понял?.. Ты мне, Кирилыч, не гони. Я твои штучки знаю. Я говорю, надо. Я говорю... Понял?.. Ну, есть... Давай, – сунул мобильник в карман, – Значит так, сюда слушай, – повернулся к приезжему, – Топаешь прямо до фактории, там налево. Спросишь Кирилыча. Он возле дома тебя ждать будет. Я договорился. Он отвезет. У меня тут все схвачено. Делай, как договорились. Понял?»

«Хорошо», – пожал Витя плечами.

«Ну, так и давай. Шуруй, пока он не уехал, – хлопнул его по плечу начальник причала, – Хороший ты мужик, Витя. Успешной тебе службы, – протянул на прощание ладонь, – Давай, бывай здоров».

На том и расстались.

Молодой офицер зашагал с вещами по пыльному проселку в сторону деревни, а мужики, не долго думая, свинтили с бутылки пробку и смачно приложились, как говорить-ся, не отходя от кассы. После чего, обнявшись, шлепнулись на скамейку, и выпали за пределы светового круга, поглощенные сумраком вожделенного похмелья. Но еще долго лилась над рекой их пьяная забористая песня, пробивающаяся сквозь частокол прибрежного леса:

Как у тети Нади

Все сестренки бля...

Ах, что? Да ничего, Бляхами торгуют

Как из гардероба

Вылезает жо...

Ах, что? Да ничего, Жора гардеробищик

Как у дяди Луя

Потекло из ху...

Ах, что? Да ничего, Из худого крана

Как на тротуаре

Три старухи сра...

Ах, что? Да ничего, С радости плясали

* * *

Отыскать в небольшой деревне тракториста Вите большого труда не составило. Тот действительно мирно покуривал возле дома на скамейке прямо напротив своей раздолбанной колымаги, звучно именуемой трактором, припаркованной под раскидистой липой с отброшенным на сторону передним колесом. При первом же беглом взгляде стало очевидно, что из предложенной затеи ничего путного не выйдет. Технике требовался ремонт. В маленькой кабинке два солидных человека поместиться не смогут, особенно с большими вещами. От поездки в тряском прицепе молодой лейтенант сразу категорически отказался, едва обозрел грязный

кузов, где только что перевозился свежий навоз.

«Машины ни у кого нет?» – упавшим голосом поинтересовался военный, ясно осознавая, что его просто кинули.

«Откуда? – развел руками тракторист, – Да тут не далеко. На пригорок взберешься, сразу увидишь».

В виду отсутствия альтернативных предложений, Витя решил обойтись собственными силами. Конечно, имелась возможность дождаться прибытия военного катера. К нему-то уж точно пришлют машину. Но местный житель заверил, что до части не далеко. Только на пригорок взобраться. Зачем тогда пол дня без дела сидеть? С мужиками разбираться совершенно не хотелось. К тому же они наверняка уже в дупель пьяные. Поэтому, поднатужившись, Мухин взвалил на себя неподъемный чемодан с тяжелой сумкой и, преодолев подъем, узрел на горизонте вышку антенны, сверкающую на солнце в окружении сочной зелени дальней сопки. Возвращаться казалось поздно и ему пришлось топать все три километра лесной дорогой, обливаясь потом и матюгами.

Часть приняла нового офицера не менее приветливо, почти враждебно, будто вовсе не ожидала его прихода, и он явился сюда непрошено. Восторженное ожидание встречи с первой в жизни работой, как игривая морская волна налетела на холодный выступ казенного КПП, и разбилась в колючие брызги разочарования.

Смурной и тощей капитан смерил подозрительного гостя, припершегося из леса, холодным взглядом, принял докумен-

ты, внимательно и долго их изучал, потом связался с кем-то по телефону. В течение получаса он нудно переговаривался с незримым собеседником, все время повторяя одну и ту же фразу: «И что мне теперь делать?» В результате изнурительного разговора, ему, наконец, объяснили, что следует в данном случае предпринять, и он, вернув лейтенанту бумаги, благоволил-таки пропустить того на территорию, но в сопровождении специально вызванного прапорщика.

Юркий мужичонка небольшого расточка, принявший изрядно измученного путника, представился завхозом части и комендантом офицерского общежития Гусякиным. К своему предпенсионному возрасту он имел измученный вид, круглую медальку за долгую безупречную службу и, судя по всему, хронический гастрит. Большая, плоская как аэродром лобная залысина его маленького черепа естественным образом перетекала в острый нос, снизу подпертый щеточкой рыжеватых, колючих усиков. За ними притаился извилистый ротик. Но стремительный полет линии лица практически его не касался, ловко перескакивал, стремясь дальше, но споткнувшись об маленький, круглый подбородок, словно раненная птица рушился в мешок провисшего живота, ежеминутно выдававшего печальные курлыканья и стоны. Бусинки плутоватых глаз, замутненные размышлениями о естественных процессах внутреннего брожения организма, все время прыгали с одного предмета на другой, не в силах ни за что зацепиться хоть на минуту, отчего создавалось впе-

чатление ежеминутного ожидания подвоха. Однако виновато хлопающие веки, тут же заявляли, что хозяин их вовсе не при чем, и проказника следует искать в другом месте.

«А-а-а... молодежь... – протянул прапорщик, выкатываясь навстречу командирскому пополнению, – Давно, давно ожидаем. Комендант я тут. Петром Никитичем зовут. Прошу следовать за мной. Будем заселяться».

«Мне бы доложить командиру...» – попытался возразить Витя, но сопровождавший решительно замахал рукой.

«Ему не до тебя. После доложишь. Заселишься, как положено, и доложишь. Да ты не волнуйся. Ему уже доложили. Он про тебя уже все знает. И как звать, и как прибыл. Твое дело раньше тебя прибыло. А мне катер встречать надо. С макаронами. Понял? Машина ждет. Он долго ждать не будет, – стрельнул он по сторонам дробинками хитрых глазок, – Получи койку и после докладывай. Двигай, давай, двигай ходулями за мной быстро».

Возражения, как видно, не принимались. Альтернативы на незнакомой местности не вырисовывалось. С дороги страшно хотелось освежиться, и потому молодой человек особого сопротивления не оказал. Тем более, местному заведенные порядки известнее.

Прошли длинной бетонной дорожкой к низенькому двухэтажному зданию белого кирпича, крытому шифером.

«Вот, это наши хоромы, – отрекомендовал прапорщик, подходя к темному подъезду, – Не женат? Невесты нет? Же-

ниться не собираешься?»

«Пока нет», – скромно улыбнулся молодой человек.

«Ты это у меня гляди, – погрозил он коротким пальчиком, – У меня места для всех и всяких там нет. Если что, сесть будет некуда. Заранее предупреждай. Загодя. За неделю, а то лучше за месяц. Или за два. Понял? А то некоторые думают, что вот это вот так запросто. Явился и получай. Нет. Дудки. Не выйдет. Дело это, хоть и молодое, но порядок нужен во всем. Сначала обустройся. Поселись, пропишись, как говориться, а потом и женись. Не коты, чтобы по темным углам шариться. Не хорошо это, и жилья мало. На всех не хватает. Некоторым там наверху хорошо рассуждать про демографические проблемы. Но к ним тоже подходить надо с умом. Так что даже не думай. Хотя, – он критически осмотрел нелепую фигуру нового офицера, – Думаю, у нас с этим все будет нормально. Хотя девки в деревне хваткие...» – тяжело вздохнул, но отмахнулся от печальной мысли, открыл входную дверь и растворился в сыром сумраке.

Витя последовал за ним. С яркого солнца он не сразу различил низенькую фигурку коменданта в глубине длинного коридора. На встречу выплыла словно баржа обширная дама в желтом сарафане. Смерила нового офицера придиричивым взглядом.

«Откуда такой свеженький?» – поинтересовалась игриво.

«Ну, чего там застрял? Чемодан набил, в дверь не пролезает? – сердито окликнул из темноты Гусякин, – Давай, дви-

гай ходулями. Не задерживай. А ты не мешай. Уступи дорогу молодому. Чего проход застопорила. Позже перенюхаетесь. Машина ждет. Я вам тут что, меня час ждать тут теперь из-зо вас всех будут на складе?»

Замечание подействовало. Дама прислонилась к стенке, предоставляя узкий проход. Притерлись круглыми животами, улыбнулись друг другу, театрально извинились, разошлись.

«У-у, какой шалунишка», – прозвучало вслед.

Прапорщик стоял возле распахнутой двери одной из многочисленных комнат.

«Вот, принимай койку, – пропустил жильца внутрь, – Не широкая. Не разгуляешься. Но исправная. Проверенная. Стол, стул, шкаф и тумбочка. Все на месте. Все как положено. Постельное белье на полке. А чего нет, вечером скажешь. Заправляй сам. Два стакана, графин, чайник. Вроде бы все на месте. На, распишись, – протянул серую ведомость, – Вот – ключ от комнаты. Ужин через час в столовой. Вопросы?»

«Душ?»

«Удобства в конце коридора. Все. Пока. Вечером заскочу. Проверю», – с этими словами он стремительно исчез в сумраке коридора, вернее его смело из дверного проема диким табуном разнокалиберной малышни, с гиканьем и свистом пронесшейся мимо распахнутой двери.

Витя захлопнул дверь и решил привести себя в порядок после долгой, трудной дороги, прежде чем явиться к руководству с докладом. Достал из чемодана свежие носки, чистую рубашку, большое махровое полотенце и душистое мыло. Все это аккуратно сложил в полиэтиленовый пакет и направился в душевую.

Тем временем недра барка стремительно наполнялись жизнью, ключами бьющей по голове из каждого темного закутка и щели. За десять метров узкого коридора чего только не слышался он из-за тонких, картонных дверей. Кто кому брат, сват, друг и сволочь. Кто чего будет есть и чего никогда в рот не возьмет. Чьи дети хорошие, а у кого кривоногие и не далеко от яблони откатились. Возле душевой и вовсе проходил митинг в защиту животных. Какой-то здоровенный мужик в тельняшке усердно намыливал рыжего тощего кота в открытой кабинке и десяток сочувствующих лиц разного пола и возраста выражали своей мнение по поводу возможности проведения водных процедур с домашними питомцами. Кот, одуревший от жестко хлеставшей рядом воды, жалостливо кричал и пытался вырваться, царапая всеми четырьмя лапами кафельную плитку. Но хозяин крепко прижимал его рукой к полу и усердно натирал спину большим куском хозяйственного мыла.

Витя недоуменно встал, не понимая, как такое вообще мо-

жет быть, чтобы все толпились в одной общей душевой. Кто-то грубо толкнул его в спину и велел посторониться. Этот некто, не смущаясь присутствием женщин, прошел внутрь, быстро разделся и занял одну из свободных кабинок. Из-за короткой перегородки стала видна его широкая спина и розовые округлости ниже.

Не занятой осталась последняя, дальняя.

«Ну, чего встал, красавчик, проходи, не стесняйся. Тут все свои, – обратила на него внимание та самая обширная дама, переодетая в зеленый банный халат с большим вырезом на груди, тоже присутствующая при экзекуции животного, – Никто прелестей твоих не откусит».

«Нет. Спасибо. Я как-нибудь в другой раз. Позже», – покраснел Витя, давая задний ход.

Туалет тоже оказался занятым. Перед ним столпилась стайка ребятишек и три женщины, живо обсуждавшие проблемы пищеварения того человека, что, судя по их разговору, уже долгое время занимал один из унитазов за дверью.

«Тут надолго, если вы сюда, – участливо сообщила ему одна из них довольно приятной наружности, – Если вы писать, то вам лучше на улице за курилкой», – дала полезный совет.

«Вы новенький? Вас как зовут?» – тут же подключилась вторая, средних лет, длинная и худая с большой коричневой родинкой на шее.

«Вы вместо Головина?» – живо поинтересовалась третья, крашенная блондинка пухленькая как свежий, розовый бу-

тончик.

«Спасибо. Виктор», – коротко представился молодой человек и поспешил вернуться обратно к себе в комнату.

Дамы тут же переключились на обсуждение новенького.

* * *

Начальство искать долго не пришлось. Стряхнув с брюк дорожную пыль и справив нужду в указанном месте за кустиками, молодой лейтенант направился к массивному сооружению станции, словно маяк издалека притягивающему к себе внимание и вбирающему все выложенные бетонные дорожки. Кроме того, повсюду оказались развешаны таблички и указатели. Так что вскоре он очутился перед дверью нужного кабинета.

Пополнение встретил заместитель начальника капитан Букин. Сам командир на месте отсутствовал.

«Так... Мухин... Прибыл, значит... – протянул полноватый офицер с круглым здорового цвета лицом и короткой стрижкой под ежика, – Проходи... Знакомиться будем...».

Он говорил медленно с большими паузами между словами, словно выкапывая их из глубины своего обширного туловища.

«Были... были тут до тебя... офицеры... Ничего... и ты... привыкнешь... Все... привыкают... Тут только кажется... скучно... Тут... скучать не приходится... Мы тут... Роди-

ну... охраняем... Работаем... как говориться тут... на износ... Себя не жалеем... – продолжал заместитель командира, так, будто никуда не спешил и заготовил большую речь по поводу встречи, желая выцедить ее всю до конца по капле, – Служить... лейтенант... надо хорошо. С толком... С пользой... Выполнять... распоряжения... приказы... Коллектив... у нас... большой... дружный... Командир... человек занятой... За ужином... представишься... Завтра тебе... выходить на первое... боевое дежурство... Он... тебе... все скажет...»

Букин говорил еще какую-то ерунду, тяжело перенося потерю каждого вытолкнутого наружу слова, но, неожиданно, закончил:

«Все... Иди... Я тебя записал... Пропуск получишь...».

До ужина оставалось минут десять. Витя решил вернуться обратно в общежитие к себе в комнату, зафиксировать в дневнике первые впечатления. Дошел знакомой дорожкой до подъезда, проник в сумрак коридора и только добрался до своей двери, как неожиданно в полумраке столкнулся с прапорщиком.

«Вы? Так быстро? Привезли уже макароны?» – улыбнулся он коменданту.

«Какие макароны?» – испуганно вздрогнул Гусякин.

«За которыми надо было ехать, – напомнил лейтенант, – Катер встретили?».

«Ах, эти... – облегченно вздохнул Никитич, – К черту их

всех. К черту их макароны... Начальник встречать ездил. Его вызвали, – на ходу соврал, оглянулся по сторонам, понял, что соврал, а также то, что собеседник тоже это понял, но не смутился и быстро выпалил, – Не было меня тут. И ты меня не видел. Ты у нас новичок. Наши порядки не знаешь. Катер у нас старший встречает. А я тут не при чем. И ты тут не при чем. И он тут не при чем».

«И они тут не причем», – решил поддержать шутку Витя.

«Кто сказал? – насторожился прапорщик, – Откуда известно?»

«Да так... – немного смутился молодой человек, – Шутка. Доложил вот о прибытии. Жду ужин».

«Доложил? Кому? Его нет» – стрельнул глазками по сторонам прапорщик.

«Заместителю, кажется. Толстый такой. Капитан. Букин, что ли?», – уточнил Витя.

«Значит, сегодня Букин... Это хорошо. Не нужен тебе ужин. Пошли, – резко распахнул какую-то боковую низенькую дверцу и затолкал офицера в узкую душную кладовку. Включил свет, – Садись, – указал на треногий, шаткий табурет возле полка с постельным бельем, сам сел на опрокинутый набок деревянный ящик. Извлек откуда-то из-под тряпок пол литровую бутылку водки, – Ты наших порядков не знаешь, – повторил, вытирая со лба капельки крупного пота, – Ты новичок. Ты вместо того. Значит, не тот. С тобой можно и выпить. Давай. За знакомство, – шкодливо хихик-

нул в кулачок, скрутил винтовую пробку и первый отхлебнул добрый глоток крепкого напитка, – На, – протянул гостю, – Выпей с дороги. Устал по дорогам колбаситься. Откуда к нам прибыл? Из Москвы, из Питера, еще откуда?»

«Питерские мы», – улыбнулся лейтенант.

«Питерские – это хорошо, – одобрительно принял сообщение Гусякин, – Питерские нормальные. Сам я с Донбаса. Потомственный шахтер. Но вот видишь, где оказался? Пошел в армию и остался. А Сашок, он был из Рязани. Никого, никого не осталось из земляков... – заметил печально, – Давай, за знакомство».

«Уступаю свою долю вам, – великодушно перекинул очередь молодой человек, – Выпейте на здоровье, товарищ прапорщик. Денек и у вас, видно, был хлопотный».

Не любил Витя водку. Ни вкуса ее, ни сомнительного расслабления, ни самой идеи существования не воспринимал и сторонился. Но иногда пил. Особенно, если того требовали обстоятельства. Все-таки в армию служить шел, понимать надо.

«Так, сынок не годится. Так не правильно. Теперь твой черед. Или ты мне не веришь? Или ты со мною не можешь?» – сощурил подозрительный глазок прапорщик.

«Почему не могу. Могу. Запросто, – Витя почувствовал какую-то проверку, – Только мне после в столовую идти, на ужин. Там говорят, командир должен быть. Не хорошо получится. В первый день. Как я перед ним покажусь?»

«А ты не ходи. Идти туда вовсе не обязательно. Командира нет, если тебя Букин принимал, и сегодня уже не будет. Он к себе уехал. Понял? Там на ночь остался. В логове своем. До утра не покажется. Так что пей, не бойся. У меня и закусочка есть, если ты голодный... – достал он из темного уголочка батончик сырокопченой колбаски и большую краюшку черного хлеба, – Скажешь, проспал ужин, если кто спросит. Устал с дороги. Прилег, уснул. Дело молодое. Понял? Давай. Не тяни. Прокиснет».

Витя обтер влажное горлышко ладонью, приложился, отпил теплой водки добрый глоток, вернул емкость обратно собеседнику. С непривычки чуть не стошнило, но перетерпел. Сглотнул. Слегка замутило.

«Во, это по-нашему, – одобрительно кивнул собутыльник, принимая выпивку, – Спасибо тебе, сынок. Сразу нашего человека видно, – взболтнул, припал к источнику, отпил всласть, даже растрогался от умиления; смахнул хрустальную бусинку слезы с небритой щеки, достал из кармана перочинный ножик, порубал колбаски толстыми кусочками прямо на полке с пододеяльниками, отчекрыжил ломоть хлеба, уложил его сверху колесиками, протянул лейтенанту, – Закуси, сынок, – молвил, – Видишь, до чего дошли. Выпить по-человечески больше уже не можем».

«От чего ж не можем?» – сочувственно поинтересовался Витя, заедая неприятный привкус во рту кусочком колбаски.

«Сразу видно, ничего не знаешь. Эх... – печально вздох-

нул Гусякин, – Какие времена пошли... Какие времена раньше были... Какая служба... Не служба – малина. Все было путем. Все было на месте. Все как положено. И служба, и жизнь... И все были довольны...»

«И что случилось?» – закинул удочку собеседник.

«Командир какой был... Душа человек... Иной раз зайдешь к нему в кабинет, достанет доброго коньячку. Давай, скажет, Никитич, по одной за здоровье... Накатим... Хорошо... – ударился в сладкие воспоминания прапорщик, – Жаль, вышел человек на пенсию. Этого назначили... Выслужился, его мать. Будто до него у нас службы никакой не было. Учить начал, как уставы читать. Инструкции на свет вытащил. Соблюдать надо, – лицо его сжалось в костяной кулачок, посерело. Он глотнул еще водки, резко закусил, словно зубами прикончил, и продолжил, – Мне что. Мне скоро на пенсию. Это вам дальше служить. Если, конечно, выдержишь... Ему, если что не так, уест сразу. Как волк. И повадки его волчьи. Исподтишка. Молчком. Хвать, кусь и нет... Все. Все изменилось. И люди, и служба. А какая может быть служба, если людей не осталось? Не та... Не та уже служба. Маята одна, беспокойство. Никогда не знаешь, из какой щели вдруг выскочит. Мне что... Мне скоро на пенсию. Сам понимай. Хотя на пенсию еще уйти надо. Дожить. Это при таком-то начальстве. Ничего... Годик, другой протяну как-нибудь и прощай. Ни на день больше тут не останусь. Слышал, какие у нас дела? О-о-о..., – многозначительно поднял он

вверх палец, – Закрутили гайки до невозможности. Не продохнуть. Никакой личной жизни народу не оставили. Будто война. А спрашивается зачем? Кому это надо? Какое твое собачье дело, чего человек делает в свободное от работы время? Ты чего суешься? Человек свое отбарабанил. Вопросов к нему нет? Ну, так и свободен. Отстань от него. Может ему на рыбалку пойти хочется, или водки с приятелями попить. Полное имеет право. Конституция позволяет. Нет. Начал докапываться. Кто чего делает в свободное от работы время. Как себя ведет, чем дышит, ка5еи разговоры с кем разговаривает. Пить запретил. Посидеть, выпить нигде стало невозможно. „Это не логично, – говорит, – Не рационально. Нонсенс“. Кто с этим был несогласный, или начал выделяться всех уел. Напрочь. Чем ему Сашка помешал, спрашивается? Подумаешь, дело молодое за девками бегал. Так, что с того? Сам когда-то таким был. Сам, бегал. Нет, и его уесть надо было. Психа из него сделал. Пропал Сашка. Хороший был паренек. К нему бывало зайдешь вечерком, дернешь стаканчик, посидишь, радио послушаешь. Хорошо... Кому мешал Сашка? Молодой был, как ты. Дурной. Говорил ему, уймись, не шали. Служи тихо, ходи по уставу. Дурак. Не послушал. Стал рапорта писать. А его рапорта, кто кроме Кума читал? Вот и пропал Сашка. Не сообразил, как себя вести надо. А ты меня слушай. Ты на ус мотай. Нет усов, мотай на уши. Усы вырастут, перемотаешь. С начальством не спорь. Как велят, делай. Понял?»

Витя согласно кивнул головой.

«Не будешь высовываться, доживешь до пенсии. Как я, – продолжал наставления изрядно захмелевший комендант, – Я всю жизнь не высовывался. Никуда не лез. Есть обязанности – исполняю. Нет обязанностей – сижу тихо, ни во что не суюсь, носа из норы не показываю. Тут все просто. Это же армия. Кто выскочил, того и прикончили. Вас там в училищах этому учат?»

Благодарный слушатель отрицательно покачал головой.

«Вот это и плохо, что вас там жизни совсем не учат. Учат только по уставам шагать, да книжки читать. А жизнь она шире. Почему вот Сашку не научили? Был бы сейчас живой Сашка. Эх, Сашка, Сашка, Сашка – голова дурашка, сидел бы сейчас тут, с нами. Тебе бы он понравился. Хороший паренек. Веселый. Это все я, дурак, виноват. Не остановил вовремя. Нужно было сразу сообразить, чем дело тут пахнет. Сразу, как Пашка пропал. Вот был человек. А я не сообразил. Вот и получи. Та тебе, безмозглый старикашка, – стукнул себя кулачком по лбу, – Но теперь – стал ученый. И потому ты меня, сынок, слушай. Не хочу снова грех на душу брать, – прапорщик наклонился вплотную к молодому лейтенанту и таинственно прошептал тому в самое ухо, – Здесь творятся странные вещи. Никогда не соглашайся на обследование. Пропадешь. Подменят. Понял?»

«Как это подменят?» – удивился Витя.

«Так и подменят. Всех уже подменили. Нормальные же

все были мужики. Я же их всех хорошо помню. Мы же с ним сколько лет уже тут сидим на одной кочке. Все было путем. А тут, как оттуда пришли, так все, полный абзац. Не те. Понимаешь. Не те. Морда та, а человек другой. Не тот. Не тот, что был раньше. Разок, только разок сходят в его логово и все. Уже не те. Что они там с ними делают? Я не знаю. Не ходил. Хотя звали. И не один раз. Приходи мол, посмотрим, послушаем. Смекнул. Не пошел. Прикинулся шлангом. Хотя у меня желудок. Все знают. Понимаешь, слабый. Не знаю, как с ним до пенсии дотянуть. Болит зараза три раза на дню. И понос. Понимаешь, замучил меня понос. Каждое утро. Как чаю попью, так сразу понос. Ты, главное, не ходи туда, понял? Даже если пошлют. Даже если прикажут. Сам потом себя не узнаешь...» – прошептал напоследок и рухнул с полки на пал. Пустая бутылка выкатилась из раскрытой руки и, робко позвякивая на неровных стыках половиц, погрузилась в темный уголок кладовки.

Лейтенант попытался приподнять обмякшее тело уснувшего мужичонки, но потом счел за благо оставить того на месте. Куда тащить пьяного прапорщика он понятия не имел. Лишь подложил ему под голову подушку, взятую в верхней полки, и осторожно выглянул в коридор.

В общежитии стояла оглушительная тишина. Казалось, каждый шорох отзывается гулким эхом в темных его недрах. Часы показывали полночь. Дверь комнаты оказалась совсем рядом. Воровато оглядываясь по сторонам, Витя прокрался

до нее три метра, сунул в замок ключ и обнаружил, что она вовсе не заперта.

«Проходите, Мухин, – последовала властная команда и включился свет, – Я вас уже пять минут жду. Вы где были?»

Перед ним стоял высокий, статный майор. Гармонично сложенное, не выражающее никаких эмоций лицо. Пронизывающий взгляд стальных, серых глаз. Глухо застегнутый китель. Тройная планка боевых наград.

«У вас дверь не заперта, – пояснил он, опережая застывший от удивления вопрос на губах лейтенанта, – Моя фамилия Глумов. Я командир части. Ваши документы я видел. Хотел взглянуть на вас лично. Почему отсутствовали на ужине? Завтра у вас первое боевое дежурство. Подъем в семь ноль-ноль. Вы что, пили?»

Вопрос как острое рапиры вонзилось в грудь молодого офицера.

«Только не врать, – снова опередил он застигнутого врасплох подчиненного, – Отвечать. Пили?»

«Да... так... тут... ерунда... по случаю... знакомства... я... только чуть-чуть... по глоточку...» – смущенно пролепетал Витя.

«Точнее. С кем пили? Не мямлить. Отвечать. Стоять смирно. Кто угощал! Быстро», – привычно скомандовал майор.

«Да, я так... – подкатился к горлу колючий комок, – Я не хотел... С дороги... Устал... – он попытался протолкнуть

его внутрь, но предательский стыд растопырился посреди шеи, вцепился железными пальцами в бронхи, перехватил дыхание и полез наружу, царапая глотку и заливая краской побледневшие щеки, – Это как-то случайно получилось... – начал откашливаться Витя, – Спонтанно... Само собой... Символически...».

«Кто угощал? Отвечать. Быстро!» – последовала жесткая команда, как кнут стегнул по спине. Неожиданно, хлестко. Даже в голове зазвенело.

«Комендант угостил...», – вырвалось вдруг наружу и сразу же стало легко и свободно. Витя обмяк и покраснел еще больше. Не потому, что осознал свой проступок. Ничего особо предосудительного он в этом не видел. В армии всегда пили. Ему стало стыдно самого себя за то, что он так быстро сдал своего нового знакомого.

«Гусякин. Так... Опять начал пить... Я же запретил. Ладно... Вас, Мухин, на первый раз прощаю. Предупреждаю, в следующий раз последует самое суровое взыскание. Плохо начинаете, лейтенант. Все. Отбой. Спокойной ночи», – майор решительно вышел из комнаты и железными шагами загромыхал в гулком коридоре. И каждый удар его сапога эхом отзывался в голове Вити убийственным словом «сдал», «сдал», «сдал».

«Дурак, какой же я дурак!» – воскликнул он и рухнул не раздеваясь на койку.

Первое боевое дежурство прошло, вопреки ожиданиям, как-то серо, обыденно, будто на тренажере. По его окончанию у Вити даже возникло ощущение, словно он очутился внутри огромного механизма, где каждая деталь находится на своем точно определенном месте и выполняет исключительно только ей заданную функцию. Подвижные шестеренки, облаченные в военную форму, настолько четко следовали всем предписаниям многочисленных инструкций и наставлений, что ему, только что прибывшему из училища, стало не по себе от ощущения холодного прикосновения идеально выстроенной системы.

«Как же они тут живут? – задал он себе вопрос, – Так же совершенно невозможно. Или они не люди?»

На людей в привычном его понимании новые сослуживцы действительно во время работы походили мало. С теми немногими офицерами, с кем удалось столкнуться на первом дежурстве, за все двадцать четыре часа самого тесного казалось бы общения не удалось перекинуться и парой слов на внеслужебную тему. Их словно ничего кроме параметров заданной обязанности больше не интересовало. Они даже неодобрительно пресекали любые попытки отвлечь их посторонними разговорами. Витя так и не понял, опасались они нарушить установленные жесткие предписания инструкций, или настолько сознательно относились к исполнению

своих обязанностей, что даже не допускали мысли хоть на секунду переключить внимание на иные сюжеты, кроме определенных. Казалось, сообщи им в этот момент, что умер их самый близкий человек, они и бровью не поведут, продолжая нести службу, как ни в чем не бывало. Это столь разительно отличалось от той, недавно оставленной бесшабашной курсантской среды, что полностью обескураживало и в какой-то степени разочаровывало.

«Роботы они что ли? Или это служба на них так действует? – предположил он, – Или это они на меня хотят произвести впечатление? Неужели и я со временем таким стану?»

Дежурство завершилось спокойно. В штатном режиме. Все новые знакомые сразу разошлись в разные стороны по каким-то своим очень срочным и неотложным делам, как тараканы по щелям разбежались. Только вознамерился Витя кого-нибудь по дороге зацепить дружественным разговором, как от каждого и след простыл. Общаться, кроме женщин на общежитской кухне, стало не с кем. Но те с первой же встречи вызвали у молодого человека некоторую настороженность своим излишне развязным, почти нахальным поведением. Словно только что из одной с ним постели выбрались.

Не задерживаясь возле мест общественного скопления, он быстро прошмыгнул в свою комнату, заперся изнутри и упал на кровать. Непривычная усталость навалилась на плечи. Даже есть не хотелось.

«Совершенно бездарно потраченное время, – промелькнула в голове последняя мысль, – Если каждый день будет таким, то до истины я доберусь не скоро».

Глаза слиплись, и он уснул.

Суждение оказалось пророческим. Последующие дни не принесли никакой ясности в разрешение поставленной перед ним задачи. Записи в дневнике изо дня в день пестрели одинаковыми фразами: «Ничего существенного», «Поговорить не удалось», «Едва обмолвились парой слов». Четко распределенные между сослуживцами функции не оставляли никакого времени для свободного общения, так что никого толком расспросить о пропавших офицерах Витя за целый месяц напряженной службы так и не сумел. Не помогли ни замкнутые пространства, ни дружелюбная наивность новичка, ни специально расставленные в разговоре логические ловушки. Мало кто изъявлял желание касаться неприятной, возможно – запретной, темы, или, тем более, обсуждать что-то с малознакомым, темным, непроверенным человеком. Кто его знает, кому он затем передаст подробности разговора?

Дальше загадочного поучения Гусякина, прозвучавшего в первый день в сумраке тесной бельевой кладовки, расследование за три недели ничуть не продвинулось. Самого коменданта подцепить на продолжение разговора оказалось делом весьма затруднительным. Не то прапорщик с того дня намеренно избегал встречи с молодым офицером,

не то маршруты их передвижений по ограниченной территории никак не могли пересечься в одной точке, только не удалось отловить вездесущего Никитича, и на все Витины ухищрения он не попадался. Ни смена белья, ни преднамеренно разбитый графин, ни поданная жалоба на отсутствие горячей воды в общежитии – не поспособствовали организации такой встречи. Всякий раз приходилось разбираться с кем-то из его специально направленных многочисленных подчиненных из рядового начальствующего состава. Видимо, здорово прапорщику досталось на следующий день от грозного командира за вечернюю попойку. Говорили даже, что он несколько дней отлежал дома с жалобами на обострение болей в желудке. Правда, попытки навестить его также не увенчались успехами, несмотря на то, что он проживал в этом же корпусе на втором этаже. Дверь постоянно оказывалась закрытой и внутри комнаты царила напряженная тишина. Хотя его блестящая залысина несколько раз промелькнула в проеме раздаточного окна столовой. Один раз во время завтрака и два раза за обедом. Но догнать прапорщика или заметить, куда юркнуло его маленькое тело, Витя не успел. Слишком многочисленными оказались потаенные местечки в гарнизонной застройке и обширными возложенные на коменданта обязанности.

Достойной замены общительному Гусякину также не находилось. Люди, собранные здесь в одной точке с разных концов света, несмотря на всю кажущуюся простоту установ-

ления контакта, оказались настолько замкнутыми и зацикленными на работе, что оставалось только удивляться тому, как они до сих пор не покрылись железом и не перешли в питание с котлет на батарейки. Все их разговоры даже за столом и в свободное от службы время непременно сводились к локациям, волнам, параметрам приборов, техническим характеристикам некогда зафиксированных целей. Даже такая привычная тема, как бабы, несколько раз брошенная на круг, встретила их как-то настороженно, с некоторым недоумением, будто поднял ее человек весьма недалекий и она не достойна того, чтобы тратить на нее драгоценное время.

«Как же вы тут проводите свободное время?» – поинтересовался как-то молодой офицер, сидя в сугубо мужской компании на улице в курилке.

«Читайте большие специальной литературы. Повышайте профессиональный уровень, – последовал незамедлительный совет старших товарищей, – У нас тут прекрасная библиотека».

«А кино?» – напомнил лейтенант о существовании иных ценностей культуры.

Собеседники снисходительно усмехались: «Эх, молодость...» – отразилось на их лицах.

Пришлось Вите искать иные подходы к их внутреннему миру. Но с какой бы стороны он не заходил, какую бы не затрагивал в разговоре тему, всякий раз натывался на непонятную отчужденность, переходящую в странную зациклен-

ность на рабочей сфере. Они очень легко шли на контакт, но столь же стремительно срывались и уходили в сторону, как только речь заходила о чем-то отличным от службы. Словно боялись показать себя, приоткрыть, высказать свое мнение о том, оставленном за бетонным забором ином мире. И причина такого странного поведения оставалась пока загадкой.

«Что их здесь держит? Что объединяет? Работа? Стремление оказаться полезным? Отложенный во времени личный интерес? – задавался вопросами Витя, – Или их всех настолько жестко выстроил новый начальник? Но как он этого сумел добиться? Что он такого смог с ними сделать? Неужели они все так сильно его боятся? Но на одном страхе такого результата достичь невозможно. Они вполне искренни в своем стремлении служить. Что им бояться? Максимально на что он способен, это отправить их в отставку? Так это только воплощение мечты нормального человека. Это же не часть, это какая-то одна, большая, боевая машина. Неужели это все наглядное проявление профессиональной деформации личности? Как такое могло произойти, что в одном месте собралось так много трудоголиков? Кто их собрал? И вообще какой может быть интерес так долго тут находиться? В этом забытом Богом месте? Они же обычные на первый взгляд люди. Может быть, это такой способ преодолеть тоску? Защитная реакция организма? Уйти с головой в работу, и напрочь забыть о том, что где-то там, далеко за го-

рами и за лесами находится большой, шумный, разноцветный мир. Жизнь тут действительно убийственно однообразна и скучна. Или я еще что-то не знаю, и их всех объединяет нечто большее, чем просто служба?..»

Каким далеким казался теперь тот другой мир, отделенный тысячью километрами лесов и непроходимых болот. На вершине сопки, словно на острове, раскинулась большая поляна огражденная высоким бетонным забором с колючей проволокой. Душная столовая, наушники и серая стена радара, нацеленная в небо. В свободное от дежурств время топографические карты, инструкции, учебники и здоровый молодой организм, требующий выхода излишней энергии. Полное одиночество. Комары, сосны и высокое беспредельное небо. В километре от КПП узкая речушка с пескарями. Дальше по извилистой, лесной, пыльной дороге – небольшая деревушка под грустным названием Урумы. Там есть магазин. В нем продается водка. Но это запретный плод для всякого сюда входящего. Туда выход настрого запрещен. Только иногда, по воскресеньям можно посетить бесплатное кино в клубе организованное за счет местного сельскохозяйственного предприятия и то не всем.

Единственные доступные развлечения в свободное от службы время это бильярд в помещении спецназа и охота с рыбалкой для тех, кто понимает толк в таком виде отдыха. Если не женат, и все время не думаешь о работе, то с ума можно сойти от безделья. Немудрено, что все офицеры толь-

ко о ней и говорят. Кому охота с тоски повеситься?

Оставалось, правда, еще одно развлечение, то самое, на чем погорел лейтенант Головин. Офицерские жены с тоскливыми глазами так и шныряли по территории части, не зная к кому еще можно пристроиться, утолить голод, пощекотать нервы, заплести душеспительную интригу. Но Витя не относил себя к любителям данного вида спорта. Не его вид. Шашни, не шашки, умом сильно не блеснешь. Тут нужен иной навык и совершенно определенная направленность мысли. Хотя нужную информацию, таким образом, вполне, подсобрать можно. В кино это здорово получалось у маститых шпионов. Но они там все такие красавцы, обаяшки, проныры. Только глазом моргни, любая поведется. А что делать если тело мешковато, подслеповато, местами толстовато, чуть-чуть коротковато, немного непропорционально? Если лицо больше напоминает подушку: носик пуговкой, глазки маленькие, а большие, неровные зубы выпирают из-под верхней, пухлой губы? Как подступиться? Как начать? Так, чтобы не стало мучительно больно? И потом внимание на него всерьез обратила только одна, не очень симпатичная дама бальзаковского возраста. Видимо, среди других офицеров она вообще не пользовалась Никакой популярностью. Прямо таки глаз с первого же дня на молодого лейтенанта положила. Сначала постоянно в коридоре встречалась. Притрется, улыбнется, губищи большие, зубищи желтые, – мороз по коже. Ее одеколоном весь барак пропах. Такой силь-

ный запах, что вонь от уборной перешибает. И всякий раз в душевую заглядывала, когда он там мылся. Просунет голову в дверь:

«Места есть? – осведомиться, – Ах, и вы тут, – заметит, широко улыбнется, показывая все свои квадратные желтые зубы, – Не возражаете, если я рядышком ополоснусь?»

Душевая общая. Расписана по часам, кто, когда и за кем моется. Но кто его соблюдает? Особенно эта, постоянно норовит пролезть в любое удобное для нее время. Как Витя услышал из разговоров, она жена Букина, и зовут ее Лариса.

Дважды успевал сбежать раньше, чем она разделась. Один раз даже мыло до конца смыть не успел. Прошмыгнул у нее под самой волосатой подмышкой, укутавшись в полотенце. Но на третий раз – прихватила. Схватила чуть ли не за самый сокровенный участок тела, к себе придвинула:

«Давайте, чайку вместе попьем, – жарко шепнула в самое ухо, – Мне так интересно с вами поговорить. Вы такой симпатичный молодой человек. Узнать хочется, что там в Северной столице делается? Как мир культурный поживет? Какие спектакли в „Большом“ ставят? Приходите сегодня вечером. Мой дурак будет на дежурстве. Я буду одна. Никто нас не побеспокоит. Поговорим».

«Да, да, конечно, – попытался вырваться Витя, – Спасибо за приглашение».

«В десять. Я буду ждать. Мне так одиноко. Так скучно. Заснуть одна не смогу», – вздохнула она пышной грудью.

«Да, да. Я приду, приду, – протиснулся к выходу молодой человек, прикрывая на ходу голое тело широким, махровым полотенцем, – Наверно, приду», – добавил, хватая со скамейки брошенное обмундирование, и убежал, шлепая босыми ногами по коридору в сторону своей комнаты, оставляя на дощатом полу мокрые следы.

Проходящие в это время дамы нисколько не удивились его виду, посторонились, уступая проход. Мало ли что человеку нужно? И не такое еще видели.

* * *

В назначенное время Витя не пришел. Обманул. Вместо этого позвонил ее мужу по местной связи и сообщил, что его жене, кажется, не здоровится. Тот не замедлил явиться. Поинтересовался самочувствием. Супруга тут же повязала голову полотенцем, застонала, попросила оставить ее в покое. Приняла таблетки и легла спать.

«Попрошу зайти доктора», – почесал круглую голову капитан и удалился в свой кабинет продолжать ночное дежурство.

На некоторое время дама затаилась, вроде как успокоилась, перестала проявлять явные признаки внимания. Говорили даже, что действительно заболела. То ли молока холодного глотнула сверх меры, то ли в речке перекупалась. Во всяком случае, неделю на глаза Вите не попадалась.

Но три дня назад случилось страшное.

Где-то за полночь он отлучился на некоторое время в туалет. Благо к этому времени очередь рассосалась. Первая волна уже схлынула, а вторая, предшествующая сну, еще не накатила. Ночная жизнь офицерского общежития клокотала вовсю. Из-за каждой двери выплескивались в общий коридор какие-нибудь признаки жизни. На кухне кто-то еще что-то дожаривал и быстро перебежал от плиты к комнате и обратно. В душевой фыркали, как тюлени. Где-то по-семейному ругались. Плакал какой-то ребенок. Кричали голодные кошки. Справившись со своими делами без особых задержек, молодой лейтенант вернулся к себе в комнату. Свет включать не стал. Ни к чему. Призрачное мерцание Луны через открытое окно отбрасывало на стены серебристый свет, и путь до кровати проступал сквозь ночь вполне отчетливо. Прикрыв за собой дверь, он снял брюки и приблизился к койке с намерением нырнуть под теплое одеяло. И только вознамерился осуществить задуманное, как постель сама распахнулась и обширная женщина, возлежащая на белой простыне, крепко схватила его за руку. Голая и открытая, как бегемот на пляже. Крик ужаса застрял в горле. Пред ним явилась она, Лара. От неожиданности Витя обмер. Не успел сообразить, что следует сделать, как оказался в ее крепких объятьях, погрузившись в прохладную, влажную мякоть ее тела.

«Дурачок, какой же ты дурачок, – жарко шептала она ему

в ухо, ловко орудуя опытной рукой в месте, преисполненном мужского сокровения, – Что же ты ко мне не пришел? Видишь, я не гордая. Я сама пришла к тебе. Какой ты настыр- ный. Какой мужественный. Не бойся меня. Люби меня. Люби меня сейчас, здесь. Никто не узнает. Все спят. Мой дурак тоже спит. Я ему снотворное дала. И тебе дам, дам, дам. Ну, давай, давай же, давай».

Одной рукой она прижала его лицо к своей рыхлой груди, крепкими пальцами второй схватила оторопевшую причинность и стала активно ее массировать, потея от волнения. Но не таков оказался Витя, чтобы вот так без боя сдать- ся первой подвернувшейся бабе. Упершись ручонками в металлическую раму кровати сетки, а левой ножонкой в холодный пол, он рванулся вверх что было мочи и вырвался из цепких объятий, едва не оставив в ее руке то, без чего не имел бы для нее такой привлекательности. Оказавшись на свободе, он ринулся прочь из комнаты. Преодолев со спринтерской скоростью длинный коридор, молодой человек оказался на улице босой, в белой футболке и сатиновых трусах украшенных веселыми фиолетовыми бегемотиками.

«Классные плавки, Мухин», – присвистнул кто-то со стороны курилки.

«Вечерний моцион?» – поинтересовался второй голос.

«А? Добрый вечер», – отозвался смущенный Витя и нырнул в самую глубину тени густого кустарника, растущего воз-

ле входа, растворившись в ночи весь без остатка.

«Опять очередь, – посочувствовал третий, – Пойду и я отолью, что ли...».

Около получаса Витя героически давил в кустах назойливых комаров. Больше не выдержал. Особенно после того как его дважды чуть не обмочили нетерпеливые сослуживцы. Решил, что пора искать способ возвращения обратно в комнату. Вряд ли Лариса все еще там, после столь откровенного проявления неприятия с его стороны. Гордость женщине не позволит остаться. Обязательно уйдет. Но дефилировать в нестандартных трусах через длинный коридор офицерского общежития стало стыдно. Начался новый исход к местам не столь отдаленным, и женскими голосами тесное помещение наполнилось до отказа. Пришлось искать другие пути, через окно. Благо на ночь оно всегда оставалось открытым. Но как в темноте распознать свое? По виду они все одинаковые. Пришлось прибегнуть к правилам арифметики. Прикинув в уме количество комнат от угла дома, Витя двинулся вдоль фасада отсчитывая такое же количество окон, и почувствовал, как босая нога увязла в чем-то теплом и вязком. В нос ударил неприятный запах потревоженных остатков жизнедеятельности крупного организма.

Волна отвращения пробежала по всему телу. Лицо сморщилось, как от доброй порции лимонного сока, и результат подсчета моментально вылетел из головы вместе с витиеватым идиоматическим выражением, наиболее соответствующим

щим подобным обстоятельствам. Пришлось тщательно вытирать ногу о траву и возвращаться к исходной точке. Однако новый подсчет окон закончился на той же растоптанной куче. На этот раз в ней увязла другая нога. Мало того, при возвращении назад первая наступила на что-то острое, то ли торчащий из земли гвоздь, то ли осколок стекла и теперь страшно зудела, истекая каплями крови. С каждым шагом на душе становилось невероятно грустно от осознания того, как грязь и микробы набиваются в открытую рану, грозя сепсисом и гангреной.

Медлить больше нельзя. Необходимо срочное медицинское вмешательство. Преодолевая отвращение и страх. Витя в третий раз пробежал счетом по окнам, обнаружил искомое, открытое и очень напоминающее его собственное, подпрыгнул, зацепился руками за раму и стал натружено карабкаться, скребя голыми пальцами ног по шершавой стене дома. И зачем ногти недавно остриг? И почему не орел? Гравитационное притяжение земли страшное. Тело массивное. Руки слабые. Не удержался. Упал. Воткнулся задом в мягкую землю. Пришлось, чертыхаясь, идти искать какую-нибудь подставку.

Нашел возле столовой пластиковый ящик из-под бутылок. Принес. Освежил результат недавнего подсчета, подставил под окно. Вскарabalкался на подоконник.

Рана зудит. От запаха грязных ног тошнит. Не до обозрения обстановки темной комнаты. Тем более стол под окном

стоит. Настольная лампа, газета, занавески... Только посуды на нем почему то больше.

«Это ты?» – послышался из глубины комнаты осторожный женский голос.

«Нет. Простите. Это я, – ответил Витя и дал задний ход, – Я, кажется, ошибся».

«Глупыш. Сегодня же нельзя. Сейчас муж придет. Он покурить вышел. Иди скорее назад, – из глубины комнаты стала выходить на свет женская фигура, но он не стал дожидаться очередной непредсказуемой встречи и быстро соскользнул с подоконника на землю, – Какой смешной, – послышался вслед приглушенный смех, – Я и не думала, что ты такой смешной».

Пришлось снова производить подсчет и подставлять ящик под другое окно. Кто была та женщина в первой комнате?

На этот раз ошибки не случилось. Попал к себе. Как и предполагал, Лара не стала дожидаться возвращения спешно покинувшего ее любовника и оставила комнату. Зато в отместку прихватила с собой со стула форменные брюки и гимнастерку. До душевой пришлось добираться в спортивных штанах, извлеченных из чемодана.

Произведя с ногами необходимые гигиенические процедуры, остаток ночи Витя провел будто в полусне. С трудом переживалось недавнее столкновение с мощным противником. Невероятными усилиями воли удалось спасти от наглого покусительства перевозданную чистоту. Сохранить дев-

ственность ценой собственной крови и казенного обмундирования. И как сказать об этом начальству?

Продажа обнаружилась только на утро. Прямо под окнами на траве. Видимо, Лара в запале чувств выбросила вещи благодарного возлюбленного из окна. Весь день пришлось проходить в мятой форме. Хорошо документы с кошельком не пропали.

Но теперь едва примечал на горизонте своего движения выдающиеся габариты знакомой фигуры, сразу сворачивал в сторону и прятался. Но куда денешься в тесном коридоре общежития? Как быть, если она стоит прямо под дверью уборной? Как укрыться от посягательств в открытой душевой?

Может быть все-таки с ней стоит серьезно поговорить?

* * *

«И куда вы только запропалились капитан Охрипенко и лейтенант Головин? – думал Витя, глядя в бездонное голубое небо, напоенное летним зноем, – Неужели и вправду болтаетесь сейчас где-нибудь в межзвездном пространстве, заключенные в какую-нибудь капсулу? Но почему именно в капсулу?.. Куда же еще сажать двух наших офицеров? Они же весь звездолет развинтят на части. На ходу разберут голыми пальцами... Действительно, зачем они Им сдались? Один, если верить рассказам, – не просыхающий пьяница,

второй – бабник, клеймо ставить некуда. Прямо-таки бык производитель. У обоих по одной извилине и та – след от фуражки. Нашли, кого похищать! Если они на что и годились, так только на мясо. Кого не спроси, все как один не сильно хорошо о них отзываются, хотя считают умершими. Кроме Гусякина. Но тот, как черт от ладана бегаёт. Запретили ему что ли со мной встречаться? Может и запретили... Нужно бы с ним толком переговорить... Извиниться... Но как? Возле кладовки он уже месяц не показывается. Только на кухне три раза мельком и увидел. Да... странные тут творятся вещи...

Черт бы их всех побрал! Чертовы гуманоиды. Даже нормального человека украсть не могут. Хотя это может быть сильно большая редкость. Особенно в этих местах. Если они и впрямь такие продвинутые, что же они сразу не могут определить умственный потенциал жертвы? Или им такие и нужны для своих медицинских экспериментов?..

И как назло, ни одного НЛО за весь месяц не пролетело... Куда только их диспетчерская служба смотрит. Или не знают, что я уже тут. Или им никто об этом не рассказал? Действительно! Как им сообщить, что я желаю их видеть? Пульнуть им в небо приглашение, что ли? Нарисовать лучом радара: «Милости просим»? Странное все-таки задание мне дали. Даже если и обнаружу некий объект, как мне его зафиксировать? Самое большое, что я могу сделать, это составить график движения по ночному небу. Если они, конечно, станут его придерживаться. А если нет? И сколько лет

мне еще тут прозябать, прежде чем я смогу составить такой график? Сто? Двести? Да от меня уже через неделю ничего не останется. Все вытечет через поры. Ужасная жара. Просто пекло какое-то».

Витя лениво перевернулся на бок. Скользнул глазами по пластмассовому ведру с прохладной водой.

«Но почему именно они? И почему именно в такой последовательности? Сначала Паша Охрипенко, потом Саша Головин? Да... не сильно я продвинулся в своем расследовании. Прав был Геннадий Петрович не простая это задача, особенно если никому не верить. Не могли же оба беспричинно исчезнуть. Следовательно, нужно искать причину. Отличная, свежая, оригинальная и плодотворная идея. Особенно если определиться, где мне ее искать? Может быть, искать нужно где-то тут, внутри части? Но как до нее докопаться?.. Кто-то должен же все знать. Нужно только найти того, кто это все знает, и разговорить его. Но как? Где? Кого? Хотя я знаю одного, кто об этом непременно должен знать. Это майор Глумов. Но как до него добраться?»

Витя лег на спину и зажмурился. И почему эта мысль не приходила раньше в его голову? Такая простая, такая очевидная. Действительно, кто кроме самого Глумова может ответить на все затруднительные вопросы? В нем, именно в нем находится вся нужная информация. Остается только извлечь ее и оценить. Но как?

Когда ясна цель, то можно искать и пути ее достиже-

ния. Гораздо сложнее пытаться достичь чего-либо не ясно осознавая, что именно ищешь. Искать в темной комнате некое темное существо действительно утомительное занятие. Но вот это существо обозначилось. Назвало свое имя...

«Как подобраться к Глумову? – ворочалась в голове мысль, – Как заставить его все рассказать?»

Вырисовывался длинный, утомительный путь служебного приближения к начальнику полный внутреннего преодоления и угодничества. Месяц, два, от силы три. Ну, максимум – полгода. Больше он не выдержит. Раскроется. И это будет полное поражение. Крах. Нет. Такой путь не походит.

Профессиональная карьера предполагает годы. Когда он еще доберется до таких же вершин, чтобы составить разговор на равных?

Еще можно его тупо выкрасть и замучить насмерть расспросами в тихом месте, как это делают в боевиках? Фантазии далекие от жизни. Отмечаются сразу. Хотя это, наверное, имело бы смысл. Интересно, правда, чтобы он стал делать, если бы в результате выяснилось, что Глумов тут не при чем?

Остается последний путь – попытаться найти общий интерес. Выстроить отношения на общечеловеческом уровне. Но как раскрыть абсолютно незнакомого человека? Как заставить его пойти на неформальное общение? Для этого подходил только один метод: начать собирать сведения, изучать, наблюдать, анализировать... Собственно говоря то, что он весь этот месяц и пытался сделать. И каков результат?

«Топчемся! Топчемся на месте!» – шаблонно гаркнул бы в этот момент начальник полиции, распекая своих инспекторов в каком-нибудь голливудском боевике. И был бы полностью прав.

«Действительно. Топчусь на месте», – признался себе Витя, хотя мог бы сделать определенный прорыв в отношениях. Но упустил шанс...

Он вспомнил, как примерно через две недели после первого боевого дежурства его пригласил в себе в кабинет командир части майор Глумов.

За длинным красного дерева конференц-столом сидел сам хозяин, его заместитель капитан Букин и старший лейтенант Лобов, командовавший вторым взводом спецназа, отвечавшего за обеспечение безопасности станции.

Перед ними какие-то бумаги.

Всех офицеров Витя уже знал. За две недели не один раз сталкивались то в столовой, то по служебным вопросам. Из всех троих только, пожалуй, капитан Букин не хватал обеими руками звезд с неба и довольствовался тем, что ему снипослала природа, то есть весьма малым. С первой же встречи он показался человеком ленивым и глупым, и, как всякий лодырь, сильно любившим халяву. Такие живут не заглядывая далеко в будущее, одним днем и потому для всякого начальства представляются весьма удобными помощниками. Видимо, это обстоятельство и послужило надежной основой для его продвижения по службе. Прав-

да не высоко. Не дальше заместителя командира части. Зато надежно, ибо более преданного подчиненного найти сложно. Не интригует, смотрит в рот, кормиться из рук и заботиться о своем начальнике в меру сил и умственных способностей. Надежный костяк, основа любой команды. Исполнителен, предан, не обременен задумчивостью и тщеславием. Понимает толк в похвале и ласке. Про таких еще говорят, что он туп и сер. Но если бы все стали инициативны и проявляли заботу о судьбах человечества, кто бы тогда защищал Родину? Такие, как капитан Букин просто необходимы для образования тела общества и природа щедро позаботилась о том, чтобы их производилось как можно больше, чтобы они составляли основную массу, послушно исполняющую свою маленькую роль винтика, шурупчика, гвоздичка, щепочки, стружечки, кирпичика, ячеички. Зачем тысяча лидеров, если руководить будет некем?

Старший лейтенант Лобов представлял из себя человека полностью противоположного Букину. Как Вите показалось, он знал себе цену. Под личиной внешнего послушания находилась жесткая пружина скрытого интеллекта. Этому нужно от жизни много и он будет продвигаться к своей цели по головам, невзирая ни на какие препоны физического, материального или морального плана. Он точно когда-нибудь станет генералом. У него это на лице написано. Не потому, что Лобов лучше остальных знает, как организовать службу, а потому, что ему это нужно для удовлетворения своих, лич-

ных амбиций. Если для достижений этой цели потребуется пойти на крайние жертвы, то он пойдет, даже сильно не задумываясь. Пока же он находится на старте, выжидательно присматривается, подстраивается и в меру выслуживается. Не забывая, конечно, отмечать отдельные промахи руководства и использовать любой шанс для движения вверх, как бамбук. Сегодня он еще командир взвода. Но завтра... Опасно такого ставить своим заместителем. Молодой, но сильно шустро подползающий.

Третий – майор Глумов, как всегда хранил полное спокойствие под маской внешнего равнодушия.

«Садитесь, Мухин», – пригласил к столу хозяин кабинета.

Витя скромно пристроился сбоку на стульчике.

«Мы провели расследование вашей пьянки с прапорщиком Гусякиным. Не желаете ознакомиться с его рапортом?» – предложил майор.

Лейтенант скромно пожал плечами. В атмосфере чувствовалось какое-то напряжение. Повисла тяжелая пауза.

«Почему не берете?» – указал на бумагу Глумов, – Гусякин подробно изложил содержание той встречи. Ознакомьтесь».

Молодой человек взял рапорт и быстро пробежал глазами по неровным строчкам. Писавший их человек явно нервничал, подбирая слова, часто зачеркивал и отвлекался. Буквы словно жуки то наползали друг на друга, то разбегались в разные стороны, оставляя между собой большие промежутки и даже не удосуживаясь схватиться длинными хво-

стиками. Общее содержание документа сводилось к тому, что никто иной как Мухин протащил в часть бутылку водки, спрятанную в чемодане, и склонил прапорщика к распитию оной в неподобающем месте по поводу знакомства, всячески выведывая у него особенности несения службы, а также личные качества командиров и начальников, о которых он, Гусякин, отзывался исключительно хорошо и от чего он, Гусякин, не смог вовремя выехать на закупку макарон и теперь страдает обострением гастрита.

«Почитали?» – поинтересовался майор.

«Да... я... вообще-то удивлен...», – признался молодой офицер.

«Вот как? Удивлены?» – заинтересовался командир части.

«Я... Не ожидал такого... Простите...», – молодой офицер окончательно смутился и вдруг представил себе как на его месте сидит больной, пожилой прапорщик и, обливаясь потом, отвечает на унижительные вопросы, выкручиваясь изо всех сил в страхе потерять службу в одном шаге от пени. «И что ему еще оставалось? – подумал он, – Это же я его в тот вечер вломил. Пора возвращать долги...»

«Выражайтесь точнее. Что вы не ожидали?» – уточнил Глумов.

«Я не ожидал, что этот незначительный эпизод может вызвать такие большие последствия», – нашелся, наконец, Витя.

«Что вы называете незначительным эпизодом? Уточните, пожалуйста», – незамедлительно последовала начальственная команда.

«В училище нас учили строго соблюдать армейские традиции. Я прибыл в часть. Первый день. Я просто должен был как-то познакомиться с коллективом. Я, простите, просто не мог предположить, что выпитые сто грамм вечером за знакомство могут быть расценены, как грубое нарушение дисциплины», – ответил лейтенант.

«Здесь не кабак. Здесь боевая часть. Мы стоим на острие национальной безопасности. Любой алкоголь категорически запрещен. Прошу помнить об этом, – грозно выпалил майор, – Постарайтесь забыть свои курсантские привычки. Иначе получите взыскание. Прапорщику Гусякину объявлен выговор. В отношении вас ограничимся замечанием. Пока. Все ясно?»

«Есть», – подскочил на месте молодой офицер, как его учили, и отдал честь.

«Хорошо, – немного смягчился командир части, – Мой вам совет, Мухин. Больше не пить».

«Терпеть ее не могу, товарищ майор, – отрапортовал Витя, – Противно пьется, плохо пахнет и травит здоровье».

Ни у кого и мускул на лице не дрогнул.

«Что же вы Гусякина спаивали? – прищурился Лобов, – У человека желудок больной».

«Да... Так... Неудобно было как-то... традиции нару-

шать», – изобразил смущение молодой офицер.

«Нет подобных традиций. Нет. И никогда не было. Была только распущенность. И разгильдяйство, – прокомментировал Глумов, – Ступайте, Мухин. Свободны. Прошу это запомнить. И ни с кем не обсуждать. Идите».

Странная состоялась встреча. Вся она от слова до слова четко запечатлелась в памяти, только оставалось неясным, для чего вообще его приглашали? Зачем устраивали этот цирк? Проверяли? Или хотели столкнуть лбом с прапорщиком? Может быть, следовало подыграть, помочь найти повод устранить ушедшего коменданта? Правильно ли он поступил, прикрыв собою Гусякина?

* * *

В последующие дни никто из руководства по поводу первого разноса даже намекать никакого не выказывал. Будто ничего не произошло. Странно... Только Лобов стал на пути чаще встречаться и здоровался как-то особенно приветливо. То ли внимания больше выказывал, то ли уважения, то ли в приятели набивался...

Одной из таких встреч, в прошлую пятницу за ужином Витя решил воспользоваться. Может быть через него нашупается какой-нибудь подход к Глумову?

Когда он вошел в столовую, Лобов сидел за крайним столом и уплетал макароны с котлетой.

«Мухин, – махнул он рукой, – Садись ко мне. Разговор есть».

Витя, пожелав ему приятного аппетита, присоединился.

«Люблю котлеты, – поделился старший лейтенант, – Добавку ем. И еще возьму. Рекомендую».

Новичок вежливо поблагодарил и последовал совету: заказал официанту две котлеты с пюре.

«Есть мнение поручить тебе одно поручение, ты же у нас все же, как никак, поручик», – старший лейтенант весело подмигнул левым глазом.

«Если быть точным, то подпоручик, Поручик – это вы», – уточнил молодой офицер.

«Значит, будет тебе подпоручение, – усмехнулся спецназовец, – Будешь сопровождать рядовой состав срочной службы в деревню, в увольнительную, по воскресеньям. Обеспечишь, так сказать, культурно-массовое мероприятие командирским присутствием. За ними приглядишь. Сам кино посмотришь. С девочками познакомишься. Развлечешься. Там, глядишь, и присмотришь себе кого... – подмигнул правым глазом, – Парень ты молодой, здоровый, холостой. По вечерам-то, поди, хочется, и по утрам стоит? – подмигнул двумя глазами, – Согласен?»

«Судя по всему этот вопрос решен. Впрочем, и я не против», – пожал плечами Витя, плохо представлявший себе суть нового поручения.

«Вот и молодец. Соображаешь в правильном направле-

нии, – Лобов куснул наколотую на вилку прожаренную, сочную котлету, – Молодец Пастухов. Хорошие котлеты жарит».

«Да... Ничего...» – согласился лейтенант.

«Ничего – это дырка от бублика. А котлеты – здоровские. Главное, приводить их точно к назначенному времени. Сам понимаешь – солдатня. С ними держи ухо востро. Если что хватай сразу за яйца, вот как, – сжал он покрытый веснушками кулак, – Слабину не показывай. Не повторяй ошибок Головина. Он, знаешь ли несколько увлекся... Ему старшие товарищи говорили, но он... В общем прими к сведению. Это я тебе по дружбе советую».

«А что случилось с Головиным? Об этом много говорят, но толком ничего ясного», – попробовал ухватиться за тему Витя.

«А кто говорит?» – тут же насторожился Лобов.

«Да так...», – вильнул в сторону собеседник.

«Нет. Ты уж скажи. Кто говорит? Я у него уточню», – зацепился службист.

«Да все говорят. Разное. Одни, будто он с ума сошел. Другие, будто его похитили. Третьи, что утонул. Я так толком ничего и не понял», – сыграл дурочку молодой лейтенант.

«Кто похитил? Зачем похитил? Как это похитил? Кто говорит, что похитил? – от удивления у старшего лейтенанта даже котлета с вилки свалилась, – Ты понимаешь, что ты говоришь? Российского офицера похитили!? Носителя секретнейшей информации! Кто это сказал!»

Витя даже опешил от такой неожиданной реакции. Вот уж никак не предполагал, что об этом Лобов ничего не знает.

«Да я так... Слышал от кого-то такое предположение... будто это инопланетяне...» – пробубнил он в ответ.

«Кто?!» – вытаращил глаза старший лейтенант.

«Инопланетяне, – повторил Витя, – Будто бы похитили Головина. Вот, потому и тела не нашли».

«Ха-ха-ха! Инопланетяне? Ха-ха-ха! Ну, ты меня напугал, Мухин. Чуть было тебе не поверил. Развел, как мальчишку. Думал, это я пропустил что-то. Вот тоже придумал, инопланетяне! Эти пускай хитят, сколько им заблагорассудится. Лишь бы только не ЦРУ, – Лобов подцепил вилкой с тарелки недоеденный кусок котлеты и отправил в рот, – Против этих мы ничего не имеем. Потому как ничего с ними сделать не можем. Да к тому же они не есть факт нашей объективной действительности. Об них в наших инструкциях ничего не сказано. И ты не забивай себе голову. Смотри в будущее. Ты же умный мужик. Нечего всякие слухи слушать и как баба их распространять. Мне тут твое дело показали. Ну, сам знаешь. По долгу службы. Так я удивлен».

«Чем это?» – в свою очередь насторожился Витя.

«Чего это тебя к нам направили? Учился ты не плохо, взысканий у тебя не отмечено, – хитро подмигнул левым глазом Лобов, словно подначивая, – Или все же нашкодил?»

«Почему сразу нашкодил? Вовсе не нашкодил...», – несколько возмущенно возразил молодой лейтенант, – Про-

сто распределили так».

«Ладно. Не хитри. Мы тут не первый год служим. Всякого повидали. Сюда просто так не распределяют. Тем более, что мы просили одного, мужика толкового, а прислали тебя. Почему так?» – спецназовец вылупил на молодого офицера два круглых глаза в ожидании откровения.

«Не знаю. Мне в общем-то было все равно куда ехать. Может потому сюда и направили», – спокойно парировал собеседник.

«Во, как! Все равно. Это отчего же все равно? Патриот, да? Так я сейчас встану и шапку сниму», – ехидно заметил Лобов.

«Зачем сразу так? Вы сами тут тоже, как я понял, не ради денег работаете», – уклонился собеседник.

«Верно. Догадливый. И в нас что-то осталось. Но теперь правду. За что к нам выслали? Я звонил в училище. Там о тебе хорошо отзываются. Хоть в генеральный штаб получай распределение. А тебя к нам. На выселки. К черту на рога. За что? Нам с тобой, я так понимаю, служить предстоит еще долго. Мы тут все на виду. Если человек с гнильцой, оно все одно вылезет. Так что лучше говори сейчас, и лучше всю правду. В боевом товариществе не может быть скрытности. Мы все тут, как один. Даже если у кого-то с чем-то и не все в порядке, мы все равно поддержим, не сдадим. Обязаны поддержать. Потому что он свой. Товарищу всегда надо помочь. Помочь найти себя и выполнить свой долг перед

Родиной. Пойми, – наклонился он прямо к лицу молодого офицера, – Я уже тертый. Я тут многое повидал. Почти всех знаю. Не верю я в рассказы о патриотизме. Так что лучше ты эту тему сразу забудь и выкладывай все начистоту: чего у тебя в начальством не вышло? За что сослан?»

«Как вам это объяснить...» – Витя даже смутился от столь откровенного напора.

«Как, как? Как есть, так и объясни. Простыми словами. Я пойму. Не пальцем чай делан», – пояснил Любов.

«Тут не все так просто...», – тяжело вздохнул молодой человек.

«Я так и думал. Никто и не думал, что будет все просто. Но ты не тушуйся. Выкладывай. Вместе покумекаем, как дальше быть. Сегодня я тебе помогу, завтра ты мне можешь. Так жизнь и складывается. Верно? Ты, главное, не бойся. Если что я за тебя и словечко командиру могу замолвить», – распахнул душу спецназовец.

«Да это не нужно...»

«Отчего так?»

«Я, понимаешь ли, сам сюда попросился», – признался, наконец, собеседник.

«Сюда? Сам?», – вылупил на него, как на идиота, Любов.

«Ну, да», – невозмутимо утвердительно кивнул головой лейтенант.

«Это как?»

«Видишь ли... Это может показаться тебе странным...» – начал как бы издалека Витя.

«Уже кажется», – вставил слово старший лейтенант.

«Но у меня есть она цель...»

«Какая?»

«Хочу НЛЮ поймать», – выложил на стол сокровенное молодой офицер.

«Что?» – Лобов чуть не подавился собственной слюной от разочарования.

«Неопознанный летающий объект, – уточнил Витя, словно не замечая презрительно сморщенной физиономии собеседника, – В общем, я по душе уфолог. Ясно. Все о них собираю, читаю, подшиваю, анализирую. А здесь, я, можно сказать, в самое небо смотрю. Здесь они у меня, ну, как на ладони. Мимо никак не проскочат. Вот. Такой вот я человек. Потому сюда и приехал».

«Оба-на... Уфолог. В инопланетян значит веришь...»

«Верю. Только хочу убедиться в этом. Понимаешь? Увидеть их собственными глазами и описать, по возможности. Для науки», – пояснил лейтенант.

«Тогда тебе тут самое место. Понятно, почему ты Главным интересовался... старший лейтенант встал с места и направился к выходу, – Придурок», – последнее слово он бросил уже на ходу, как бы в сторону, так что нельзя было точно определить к кому точно оно относится: к оставленному за столом собеседнику, или к нему лично.

«Вполне может быть», – Витя пожал плечами, сделав вид, что не расслышал последнего сказанного слова.

* * *

С момента разговора в столовой с Лобовым прошло чуть более суток. Но уже на следующий день Витя ощутил на себе более приветливые взгляды сослуживцев. Может быть потому, что благодаря сделанному признанию он стал для них более понятен? Зато погода установилась невероятно жаркая. Такая, что мысли слипались в мозгу и через поры медленно вытекали наружу. Правда, синоптики обещали похолодание. Но только через несколько дней. Как их прожить?

Он встал с койки, подошел к ведру, намочил в теплой воде полотенце и стал растирать по телу живительную влагу. Капли пота сменили капли воды. Смешались. Образовали единую массу. Все равно так прохладнее...

Через распахнутое окно внутрь душной комнаты пробрался обожженный ветерок и умер прямо на раскаленном полу, упав возле самой кровати.

Обтер обычно недоступные места. Хорошо. Прятать их пропотевшие трусы не хотелось. Снова лег на теплое одеяло так. Голый.

«Перестаньте топить, черти...», – взмолился к Небесам, но не был услышан.

Неожиданно дверь в комнату резко распахнулась.

– Так... Мухин. Встать! – прогремела с порога команда командира части.

Подчиненный подпрыгнул на месте и вытянулся по стойке смирно, зажав в руке казенное полотенце.

– Голый. Лежишь. Дрочишь, – констатировал факт майор, – Немедленно одеться и через пять минут ко мне! – рявкнул и с грохотом захлопнул за собой дверь.

В части о Глумове ходили слухи, будто бы он считает себя истинным боевым офицером, незаслуженно затертым в лесной глуши штабными лизоблюдами за излишнюю прямолинейность и порядочность. Принимая командование частью, в узком кругу доверенных лиц он якобы торжественно заявил, что, несмотря на несправедливые гонения, не станет отступать от своих принципов, и будет впредь продолжать внушить всем и каждому простые и конкретные понятия. Какие правда не уточнялось. Но отмечалось, что, принимая на себя все тяготы воинской службы и большую ответственность за судьбу вверенного подразделения, он с первого дня личным примером будет демонстрировать уважительное отношение к установленной дисциплине, и от остальных станет неустанно требовать столь же преданного служения Родине. Никому не позволит никаких послаблений, и принципиально будет избегать в общении с подчиненными модного либерализма. Ярким проявлением отдельных его принципов служит намеренный отказ от употребления в разговорах длинных предложений и сложной терминологии. Говорили

также, что ему нравятся мускулистые мужские торсы и прочие наглядные проявления мужественности, что объясняет его настойчивое требование к подчиненным усилить ответственное отношение к физической культуре, как неотъемлемой части боевой и политической подготовки.

Ни под один известный ему критерий мужественности новый офицер внешне не подпадал. Тем не менее, он имел отличную аттестацию, даже более того рекомендации высокого руководства. Это, по всей видимости, не могло не задеть Глумова за живое и вызвать некое предопределенное неприятие к навязанному специалисту. Тем более, что просил он о переводе одного конкретного, известного ему боевого офицера, а начальство навязало этого. И даже более того, настоятельно потребовало принять. Понятно, что в штабе имелись свои резоны. Но они пока оставались Глумову неизвестны. Следовательно, изначально отношения формировались конфликтно, и неизбежно новоиспеченный офицер будет взят под самое пристальное наблюдение. Но Витя даже не предполагал насколько внимательным и вездесущим оно может оказаться.

Кто бы мог подумать, что в знойный выходной день командир части начнет бродить по офицерскому общежитию и без стука вламываться в комнаты подчиненных? Слов точных не находилось выразить всю глубину возмущения и недоумения возникших по этому поводу.

В результате разговор оказался тяжелым и скорым. Что-

либо объяснять, долго не пришлось. Командиру и так моментально все стало очевидно. Жара тут ни при чем. Это все детские отговорки и маленькие хитрости. Правда, голая правда стояла у него перед глазами и выносила свой жестокий приговор. Если находился в комнате голый, значит дрочил. А раз дрочил стало быть – педик. Педикам не место в российской армии.

– Пиши рапорт, – заключил он свои логические изыскания.

– Но вы понимаете, что это нонсенс, – попытался возразить молодой лейтенант.

– Нонсенс? – майор презрительно прищурил стальные глаза, – Между ног у вас нонсенс. Пиши. Нечего отговариваться.

– Но я совсем этого не делал... Я плохо переношу жару. Мне просто... – Витя начал в очередной раз оправдываться, но командир грубо перебил его:

– Все уфологи педики. Всё, додрочился. Мне такой задроченный офицер не нужен. Здесь нормальные мужики служат. Пишите рапорт и убирайтесь вон.

Возражать оказалось бесполезно. Скрепя сердцем, пришлось написать рапорт с объяснением происшедшего.

– Мне это не нужно: почему и зачем. Пишите рапорт о переводе в другую часть, – последовала команда.

– Не могу, – стойко ответил лейтенант.

– Это еще почему?

– Мне нравится служить под вашим началом, товарищ майор, – отрапортовал молодой офицер, приняв стойку смиренно и отдав честь.

– Отказываетесь... Напрасно. У вас был шанс достойно покинуть расположение нашей части. Все. Свободны. Можете идти.

* * *

Мухин негодовал. Он знал, что рано или поздно майор должен был проявить свое враждебное отношение к нему. Но он не предполагал, что для этого будет выбран такой унижительный повод. Просто постыдный, не достойный уважающего себя человека.

Бетонная дорожка, темный коридор, душная комната. Обратный путь промелькнул как кадры быстро прокрученной киноплёнки.

Скинув насквозь промокшую от пота гимнастерку, Витя ополоснул тело теплой водой.

– Чертова служба! Чертово место! Чертовы дураки! Перебить бы их всех из пулемета!

– Сидишь? – заглянула в комнату острая рыжеватая мордочка прапорщика Гусякина, – Что майор приходил? Чаю не желаешь? – покрутил перед носом железным литровым термосом.

– Не хочу, – зло отмахнулся лейтенант.

– Перед обедом, говорят, полезно... – отрекомендовал гость и ввалился в комнату целиком, таща за собой нелепую табуретку, – Все на речку уехали и чаю попить не с кем, – горестно заявил он, – Надо было и мне уехать. Так майор!.. Говорит котельная... А что котельная? Котельная делается, как ей положено. Регламентные работы. Что мне котельная... Давай по стаканчику, – устроился возле стола, стаскивая в сторону газету, – Во, и стакашка наготове. Что у тебя там? – бесцеремонно нюхнул мутное содержимое, – Фу, чай, холодный, – выплеснул в открытое окошко, – За компанию и чаю попить не грех, – плеснул из термоса в стаканы, – Давай. Принимай.

– Я не хочу, – угрюмо заметил лейтенант.

– Чего так? Что, Глумов вздрючил? Это он может, – Гусьякин вздохнул тяжело, – Ты, Витька, на меня не сердись. Что я мог? Я человек маленький. Мне год до пенсии дотянуть, а там... – прапорщик отхлебнул мутной жидкости, обтер крупный пот с рыжеватого лица, – Что майор то приходил? Рапорт писать заставил? У нас каждый их раз по сто уже написал. Не бери в голову. Макулатура.

Внутри Вити клокотали возмущенные стихии. Невероятно, но факт: Глумов оказался тупым придурком, не способным различать элементарные вещи. Болваном зацикленным на уставах. Солдафоном. Бревном. Дубом. Вот тебе и боевой офицер. Неужели все в армии такие идиоты? Неужели идиоты настолько глубоко проникли в тело всего общества,

что теперь необходимо мощное хирургическое вмешательство для того, чтобы их всех оттуда выковырять?

– Жизнь нашего общества устроена неразумно, – заявил вдруг Витя, грустно взирая на незваного собеседника.

– Это точно, – согласился тот.

– Высшая ценность не определена, – добавил лейтенант, – Утрачен смысл, оправдывающий существование. Люди не знают, что им надлежит делать. К чему они должны стремиться. Отсюда и все наши беды.

– Справедливо замечено, – поддержал комендант.

Появись тот одним часом раньше, и разговор, может быть, вышел другой, и настроение образовалось бы иное, и результат какой-нибудь появился. Но долгожданный комендант выбрал для своего визита такое время, когда думать о главном Витя уже не мог. Его несло по волнам разыгравшегося негодования, как ту домохозяйку, обнаружившую под своей кухонной раковиной огромное гнездилище тараканов.

– Сегодня нам навязывают демократию и семейные ценности. Как будто в репродуктивной деятельности сокрыт смысл человеческой жизни, – понесло Мухина, – Если человек это всего лишь потомок обезьяны, то тогда это, наверное, справедливо. Но если мы больше, чем звери, то для нас огульная демократия будет не приемлема, ибо между нами нет, и не может быть никакого равенства.

– Ну, оно и понятно. Один офицер, другой нет, – хлопнул белесыми глазами прапорщик.

– Физиологическое сходство между всеми вполне очевидно. С этим поспорить сложно. С антропологической точки зрения объем мозга у всех одинаковый, – начал распалаться Витя, – Соответственно, функционировать он должен тоже одинаково. Следовательно, все люди должны иметь одинаковые умственные способности. Все без исключения должны в равной степени обладать способностью мыслить. Располагать ничем не обусловленной возможностью самостоятельно производить оценку той или иной жизненной ситуации, явления или факта, понимать причинно-следственные связи и принимать решение. Однако, это совершенно не так. Вокруг так много дураков, что просто удивительно, откуда они только берутся!

– В самую точку, – плеснул себе добавки Гусякин, – Чего-чего, а дураков у нас много.

– Именно по степени умственного развития и происходит разделение людей, – молодой человек поднялся со стула и стал ходить из угла в угол, следуя движению своей мысли, – Этим определяются социальные различия. Умные становятся успешными и богатыми, глупые – ленивыми и бедными. В чем тут причина? Почему одни люди овладевают в полной мере инструментом познания мира, а другие нет?

– Да. Почему? – хлопнул собеседник второй стаканчик.

– Ответа возможно три: – будто не замечая слушателя, продолжал Виктор, – либо они изначально не способны к этому, либо не могут это делать в силу воздействия

каких-либо факторов, либо просто не хотят. Сугубо субъективные (волевые) моменты отбрасываем сразу. Желание или не желание мыслить не может рассматриваться в качестве определяющей причины неравенства, равно как и воздействие неких сторонних факторов, т. к. они не обладают длительностью своего воздействия. Таким образом, вторая и третья причины отпадают сами собой. Остается первая. И этому есть ряд подтверждений. Так, до 1917 года отдельные исследователи полагали, что социальное неравенство предопределяется недоступностью отдельных слоев населения к информационным источникам. В этом они находили объяснение тому, почему одни слои населения обладали условиями для своего успешного развития, а другие находились в отсталом положении. Однако, эпоха развитого социализма наглядно продемонстрировала, что успех развития отдельной личности не определяется доступностью образования. Всем детям Страны Советов предоставлялись равные условия для их умственного становления. Все школы работали по одной утвержденной программе, воспитание проходило по одному отработанному сценарию. Однако, это не обеспечило возникновение между людьми подлинного и всеобъемлющего равенства. Лишь единицы становились успешными и включались в элиту советского общества. Остальные как были, так и оставались на низком социальном уровне послушных исполнителей. Они не смогли выработать в себе способности принимать самостоятельные решения, несмот-

ря на все усилия, прилагаемые к их воспитанию. Такую же картину мы наблюдаем и в других обществах, проживающих на иных территориях в иных социально-экономических условиях. Только единицы в силу своей изначальной внутренней предрасположенности могут развить в себе высокие умственные способности и стать лидерами. При этом количество таких людей от общей массы населения, как правило, не превышает пяти процентов. Остальная масса представляет из себя слабо развитых в умственном отношении людей, озабоченных в основном вопросами повседневного удовлетворения физиологических потребностей.

– Ты это на что намекаешь? – проскрежетал мозгами прапорщик.

– Большинство людей просто не способно овладеть способностью мыслить, – сделал вывод лейтенант, – Изначально, можно сказать с самого рождения, им установлены некие ограничительные рамки развития их способностей. Они не могут выйти за эти границы. Все их образование, по какой бы программе оно не преподавалось, в конечном итоге сведется к простому овладению ими основами чтения, счета и письма. В лучшем случае приведет к более детальному постижению какого-либо отдельно взятого ремесла или специальности. Познавать мир шире и глубже они не могут.

– Ты это на кого намекаешь? Я что-то не понял, – Гусякин нахмурился и слегка хрустнул костистым кулаком.

– Возникает вопрос: можно ли самостоятельно мыслящих

людей формально приравнять к остальной части населения? – не обращая внимание на собеседника, продолжал Мухин, – Можно ли всем без разбора предоставлять равные права и возможности? Будет ли справедливым то общество, где все важные решения принимаются простым большинством голосов тех, кто даже не способен понять не только суть проблемы, но и предположить последствия принимаемого ими решения? Не является ли современная демократия обыкновенной диктатурой недоразвитых людей, если учесть, что они составляют подавляющее большинство населения? Ответ напрашивается сам собой. Демократия в нынешнем ее понимании есть государственный строй дураков, созданный для дураков и во имя процветания дураков. Можно ли принять за основу развития общества такую концепцию? В том виде, в каком она понимается сегодня – безусловно нет. Для возврата к истинному значению демократического устройства необходимо прежде всего исходить из признания того факта, что люди рождаются уже не равными. Не имеет никакого значения их национальность, вероисповедание или цвет кожи. Люди неравны в силу различий своего умственного развития. Это начинает в полной мере проявляться только к совершеннолетию. Следовательно, к моменту завершения своего образования каждый человек должен быть аттестован именно по этому критерию. И только исходя из полученной оценки, он допускается на тот или иной уровень обладания гражданскими и политическими правами. В последующем

такая оценка может быть пересмотрена. Человек может быть переведен на другой уровень боле высокий или же наоборот более низкий. Его права могут быть расширены или наоборот существенно ограничены. Но в любом случае только так, мы сможем добиться на каждом социальном уровне полного равенства, выстроить разумную и справедливую систему управления обществом, когда не дураки станут править миром, а дуракам буду предоставляться благоприятные условия для их постоянного самосовершенствования. При этом до управления государством на любом уровне будут допускаться только люди в полной мере обладающие самостоятельным мышлением. На это должна быть направлена и пропаганда. «Бой дураку!» – вот главный ее лозунг. Только так мы сможем подтянуть всех членов общества до максимального предела их возможностей и оказать им тем самым существенную помощь в их индивидуальном развитии.

– Ну, ты и сволочь, – заключил комендант медленно поднимаясь с табурета, – Я думал, ты человек. Я к тебе со свою душою. Я к тебе как к своему. А ты – сволочь, – он взял со стола термос, поднял с пола табурет и презрительно плюнув в сторону незадачливого мыслителя, медленно вышел коридор, оставив дверь нараспашку.

«Чего я ему сделал? – подумал Мухин, с недоумением глядя вслед удаляющему прапорщику, – Вот что горячий чай с людьми на жаре делает».

Витя подошел к зеркалу, пригладил рукой редкие волосенки на рано лысеющей голове, приветливо подмигнул себе: симпатяга, умница. Серебристым ореолом блеснуло круглое стекло вокруг отражения. Это показалось символическим. Еще бы! Как здорово он разложил все по полочкам. Мир еще вздрогнет, потрясенный глубиной его мысли. Воздаст должное великому человеку.

Это пускай другие красуются перед девками, выкатывая напоказ упругие бицепсы. Их век короток. Халифы на час. Удел их прост и жалок. Слепые куклы в чужих руках. Тупое стадо. Пушечное мясо. Мускулистые производители. На что они годны? Только ядра толкать и бревна таскать. Но ведь кто-то должен умирать за Родину. И кто-то должен твердой рукой передвигать пешки по шахматной доске, вершить судьбы мира...

Да, тело его не являет собой эталон мужественности и красоты, зато умище-то какой! Там в глубине черепной коробки запрятан отточенный, натренированный, наполненный обширной информацией мозг, способный с невероятной скоростью производить сложнейшие операции по обработке всевозможных сведений об этом странном, жестоком, несовершенном мире. Проницательный взгляд серых глаз, в последнее время, правда, все чаще вынужденно вооружаемый линзами тщательно скрываемых очков, мгновенно про-

никает в самую суть любого явления, моментально определяя, классифицируя и встраивая в жесткую структуру накопленных знаний. Не это ли истинная ценность, относящая его к высшим существам?

Сейчас ему двадцать пять. Он офицер. За плечами отлично законченное военное училище. Впереди служба в частях радиолокационной разведки. И хотя некоторое время еще необходимо вынужденно сожительствовать с этими тупыми, вечно озабоченными своими физиологическими потребностями армейскими придурками, но зато он имеет отличный шанс выдвинуться на контрасте с ними и возможно найти подход к реализации главной своей цели. Они еще попляшут, когда он, вооруженный истинным знанием построения мира, возьмется за переустройство человеческого общества, сообразно принципа рационального использования интеллекта каждого его члена.

Да, с их существованием пока следует мириться. Они составляют подавляющее большинство. В их руках хлеб. За ними пока власть, закон, сила. Они консолидированы, ранжированы, субординированы, сцементированы непоколебимыми уставами и беспринципной общественной моралью. Даже церковь и та радушно распахнула перед ними двери, склонив головы не покорных. И только отдельные, разобщенные пока единицы долгими темными вечерами вынуждены вверять свои затаенные, крамольные мысли равнодушным страницам дневников, надеясь когда-нибудь поднять знамя ин-

теллектуальной революции над гордыми головами непокорных мыслителей.

Ничего. Еще придет время...

За окном на плацу начали собираться отпущенные в увольнение рядовые срочной службы. Ему, как самому молодому из офицеров, совсем недавно прибывшему в часть после окончания училища, вменили в обязанность сопровождать сборное подразделение в увольнение на воскресное культурно-увеселительное мероприятие, в деревню.

Дети природы. За ними интересно наблюдать, но с ними скучно общаться. Все их устремления просты и понятны. Жизнь пошла и однообразна. Развлечения примитивны и грубы. Пора их выводить на прогулку. Хотя еще есть минут пятнадцать. Можно допить холодный чай, оправиться...

Говорят, раньше в увольнение их выводил Саша Головин, на том и съехал... Что ж... Нужно держать ухо востро. Сегодня противостояние обозначилось. Противники показали лицо. Противоборствующие силы заняли исходные позиции. Молодой лейтенант, в армии без году неделя, и многоопытный боевой майор, облаченный властью и полномочиями. Забавное соотношение сил... Особенно если учесть, что незадолго до этого два неугодных ему офицера уже бесследно исчезли. Когда рядом начинает потягивать холодным прикосновением смерти невольно мурашки пробегают по телу, унося с собой прочь наивные представления юности о мужестве и героизме.

Не слишком ли далеко ты зашел, мальчик? Не слишком ли густую кашу себе заварил, сынок? Может быть, лучше было бы все же написать рапорт о переводе?

Но как это объяснить Геннадию Петровичу? Отцу, маме? Самому себе? Струсил и сбежал? Как быть с НЛЮ? Ведь знал, на что шел. Понимал, что это опасно. Но принял решение, влез в драку. Теперь поздно сожалеть и плакать. Трусливо и недостойно бросать дело на половине пути. Нужно дойти до конца. Конечно, хотелось бы увидеть финал этой драмы и понять, что сумел одержать победу. Но даже если этого не случится, осознание того, что сделал все, что от тебя зависело, уже будет являться достаточной наградой и утешением при любом неблагоприятном развитии событий.

Витя подошел к ведру, в последний раз обтер доступные участки дела влажным полотенцем, вместе с потом стирая с души последние наивные сожаления и юношеские мечты. Накинул на тело просохшую гимнастерку.

Он больше не романтически настроенный курсант, мечтающий о встрече с инопланетянами. Отныне он офицер, боец невидимого фронта. И в новом своем качестве, кажется, готов к схватке с незримым противником.

– Что ж... Посмотрим, что день грядущим нам готовит, – произнес Мухин, стирая со лба последние капли пота и одевая офицерскую фуражку, – Теперь жди, парень, удара и держись. Надо бы привет маме отправить.

Глава 2. Крышу снесло

Колька Иванов, среди односельчан именуемый «Трёха», слыл человеком пропащим и потому трудиться не любил. По батюшке «Петровичем» его никто не называл. Ростом не вышел. Да и характером сильно не угодил. Особенно начальству. Никого не уважал, ни под кем не ходил, никого не слушался. Жил себе на уме. Одним словом – шалопут.

Несмотря на старания родителей, с раннего детства душа его не сильно тянулась к крестьянскому делу. Да и вообще ко всякому другому. Восемь лет мучительных занятий в окрестной школе не сумели озарить мощным светом интеллекта предметы многих наук, и они остались навсегда в утопленном состоянии за бортом его утлой лодочки, ежедневно пересекающей лужу житейских проблем. И как не старалась природная пытливость направить сообразительность в какое-нибудь достойное русло, не смогла предотвратить неизбежного глубокого разочарования и падения в пучину запойного пьянства.

Начало ему положили «добрые» товарищи. Если ребенка не удерживают дома, то он естественно оказывается на улице, где при отсутствии детских занятий тут же находятся взрослые развлечения. Посмеиваясь над неуклюжестью захмелевшего мальчика, они заложили основу его дальнейшего продвижения по жизни и вскоре он уже сам пристрастился

добывать копеечку: то пустую бутылочку из-под батькиного стула стащит, то гривенник из мамкиного кошелька, а то и просто сразбойничает в школьном туалете. Только вот никак у него не получалось собрать заветный тройак, чтобы сразу на целую бутылку хватило. Все время мелочишка мимо пальчиков утекала. Видимо, за это он и получил свое прозвище, учетное дело в милиции и клеймо шалопая на всю жизнь. Ни армия, ни семья, ни общество не смогли исправить сложившегося положения, ни лопаты к рукам приклеить, ни мысли дерзновенной в голову заронить. Не вышло из него ничего путного. Вот и прослыл в народе дурачком.

В деревне все на виду. Все замечается. Ничто не забывается. Многое домысливается. Живут люди бок о бок, притираются, как шестеренки одного механизма, перескочить с одной ступени на другую сложно. Никому не хочется ломать привычную систему отношений. Может в том и заключается ограниченность патриархальной жизни, что не приемлет она перемен, не любит; не допускает даже возможности какой-либо перестройки. Однажды став дурачком всю жизнь дурачком проживешь. Помирать дурачком будешь. Правда, бывали случаи, когда в лихую годину кто-то из определенных однажды недотеп где-то в результате чего-то становился неожиданно героем. Так это больше исключение, чем правило. Долгие годы потом односельчане озадаченно почесывали лохматые затылки и обсуждали промеж себя диво дивное, всякий раз удивляясь, как это удалось их теляти,

да волка съесть. И потом случилось такое, во-первых, давно, во-вторых, в тяжелую пору, когда каждый не знал, чего можно ожидать от соседа. Тогда всякое могло произойти. В нормальное же время случиться такому невозможно, нечего об этом даже и думать. Коли родился таким, так и сиди на своем шестке, не чирикай. Нужны долгие годы кропотливого труда, чтобы изменить к себе отношение, переменить однажды определенную кем-то судьбу. На это не всякий способен. Особенно под пристальным прицелом завистливого ока. Проще смириться, чем плыть против течения, обдирая колени об острые камни злословья. Ехать куда нелегкая понесет, принимая жизнь такой, какая она вышла, не особо мудрствуя и рассуждая. Тем более если к этому не предрасположена ни голова, ни привычная среда обитания, ни характер.

Катился Колька по наклонной из года в год, кувыркался на жестких калдобубинах деревенской жизни и однажды оказался в тяжком опохмельи на совершеннейшем дне. Никого не осталось, кто хоть сколько-нибудь имел желание терпеть его рядом или спокойно допускал возможным одновременное существование с ним на одной территории. Всех достал, всех перемучил. Насколько терпелива и вынослива душа русская, но и та предел свой имеет. Уперся в него Треха курносый носом, раскорячился кверху оттопыренным задом и вылупил в изумлении мутные глазенки. Отчего это все односельчане словно сговорившись, и как один больше не на-

ливают? Видят же, что человеку плохо, что разумное существо страдает и мучается, понимают же, что горит нутро нестерпимо, сами такие, а не лечат, не гасят пожар души, не подают вожделенной микстуры, даже самой завалыщенькой, даже самой непотребной, даже откровенной отравы не предлагают. Гонят со двора и приговаривают: иди, мол, Треха, к едрене фене. Нет для тебя ничего больше. Кончилось. И прибавляют, с эдакой подковыркой, работать, дескать надо. Тогда и лечение образуется.

Опечалился Треха невероятно, расстроился. И дома, как назло, ничего не осталось. Даже политуры. Еще только среда, начало месяца, а жена уже волком смотрит, тяжелым сквородником грозит, на работу гонит. Жрать не дает, презрительно фыркает и широкой спиной поворачивается. Нет, дескать тебя. Глаза бы мои тебя, гада, не видят. Сама возле плитки крутится. Картошку в кипящую воду бросает.

Решил тогда Колька к ней как-то подмазаться. Хоть дров из сарая принести, что ли? Печь растопить, раз газ кончился. Тяжело оно, конечно, больному всякие тяжести таскать, но может, увидит старания, сжалится. Даст мелочи на лечение. Не чужой мужик все же, свой, домашний. Глядишь, поправится, к обеду до фермы дойдет, навоз вилами покидает, к концу месяца зарплату начислят. Все в доме прибавка, если, конечно, донесет. Если вперед бабы успеет к кассе подскочить. Если бухгалтерша даст. Хотя, кто ему, охламону, деньги выдаст? Лишь бы до работы дошел. Поковырялся ча-

сок. Бригадиру на глаза попался, чтобы табель занес, наряд выписал. Не на навоз, так на другое какое дело, на что согдаться еще может. Мужик все же. Хотя, что он теперь может? Худой, косой, руки трясутся. Ни один орган нормально не функционирует. Когда с бабой своей спал, не упомнишь. Да и женились, как во хмелю. Он – оттого, что по молодости еще хотелось, а больше никто не давал, она – оттого, что парней других вокруг не осталось. Годы идут. А он мужик все-таки. Может, со временем, образумится. Надеялась, да прогадала. Сыночка родила, а жизнь не переменилась. Только еще хуже стало. Прибавилось забот и неприятностей. Тоска, да и только. На черта она жизнь такая выдалась?

Вот и направился больной мужичонка среди бела дня наковыривать в жестяное ведро гниленьких дровишек из кривой поленницы в надежде на опохмелку, да попал в потрясающую ситуацию. Дернул неверной рукой сучковатое полешко, что ближе других к выходу расщеперилось, зацепил ветхую подпорку и обрушил крышу сарая себе на дурную голову. Кого другого на его месте раздавило бы сразу или навсегда покалечило. Но только не его. Обходила Треху подобная напасть стороной. Хранила для какой-то надобности. Как бабы не накликивали беду на его пьяную голову, как не предрекали погибель, он вопреки их надеждам оставался невредим. Не брала его никакая зараза: ни политура, ни дешевый одеколон, ни паленая водка. Даже крепкий мороз прошлой зимой не припорошил колючей поземкой очумелое

тело в придорожной канаве, куда он по обыкновению своему свалился по дороге домой и откуда на удивление всей деревни поутру вылез синий и одуревший. Везло Кольке. И на этот раз прошла клюкастая мимо, только оцарапала разщипленными досками, да больно шандарахнула переломанной стропилиной по дурной башке. Основной удар приняла на себя слежалая поленница, подставив кособокое плечо под обломки ветхого свода.

* * *

Когда Треха очухался от потрясения, то обнаружил себя на влажной земле в луже зеленой слизи, капающей сверху. Она воняла, как протухшая селедка, и обволокла все тело, слегка пощипывая кожу. Даже пробралась в губастый рот, от чего на языке образовалось мерзопакостное ощущение, словно после отхода новокаина.

Сплюнув тягучую слюну, мужичек уперся ручонками в землю, и попробовал приподняться. Но первая попытка выбраться из-под придавивших его обломков успехом не увенчалась. Он будто вклеился в липкую массу, как муха в бумажную ленту. Тогда он потянул одну ногу на себя, кое-как вытащил ее из-под поленьев, перевернулся на бок, вытянул другую, сместился ближе к выходу и увидел нависающую над ним синюю емкость. И тут вспомнил, как лет эдак двадцать назад притырил из совхозного склада столит-

ровую бочку какого-то химии, ни то удобрения, ни то пестицидов. Не потому, что нужно в хозяйстве. Все равно обливать ничего не собирался, хотя агроном и нахваливал новое импортное средство. Взял так, на всякий случай, вдруг когда-нибудь пригодится. Завезли этой пакости много. Забили весь склад, так, что ворота не закрывались: бери не хочу. Вот и прихватил. Чего не взять? Кто их считал? Надо же стащить что-нибудь, если стащить больше нечего. Все тащили. И он поучаствовал. Больше ради импортной емкости, чем ее содержимого. Закатил с друганом в сарай, царство ему небесное, закинул под самую крышу, чтоб на виду не синела, да и забыл на долгие годы. И как это он раньше ее не пропил? Это сколько же за такую бочку можно самогона выручить? На тебе – вывалилась. Опрокинулась через столько лет прямо на голову, нашла время, да еще истекает длинными зелеными соплями прямо на голое пузо.

От подобной нелепости все внутри Кольки перевернулось, содрогнулось и вспучилось. Преисполненный негодования он резко дернулся, грохнулся башкой второй раз о переломанную стропилу, осел, ершисто выматерился и, раздирая на себе в клочья одежду об острые деревянные обломки и ржавые крючья гвоздей, ринулся из под завала в сияющую солнечную брешь перекошенного дверного проема.

Нестерпимо хотелось смыть с тела липкую пакость, охладиться от жуткого потрясения. Подбежал мужик к ближайшей поливочной бочке, скинул с себя остатки грязной одеж-

ды и с наслаждением окунулся головой вниз в теплую, прогретую солнцем воду.

Омылась зудящая кожа, слизнула с тела неприятную слизь, растворив ее без остатка, уняла тупую боль в тяжелой голове, привела в равновесие оглушенное стропилиной сознание. Неизмеримое блаженство вдруг снизошло на перепойную душу. Сел Колька возле бочки на землю, стряхнул с жидких волос остатки воды и вздохнул полной грудью напоенный травами солнечный воздух. Живем.

Природа встретила его крепким запахом свежескошенной травы и оглушительным жужжанием пчел. Треха даже не сразу понял что это. Не сумел как-то соотнести со своей привычной средой обитания, осознать источники столь сильных и приятных ощущений. Не привычными они оказались, удивительными. Словно давно забытая картинка далекого детства неожиданно предстала перед глазами, такая неуместная, странная, красивая. И тот день, когда вместе с отцом посадил в огороде пихту. Никогда больше такого не случилось. Никогда больше с отцом ничего вместе не делали. Всего один раз. Оттого, верно, и запомнился. Большая вымахала пихта. Красивая, пушистая. Как раз бочка возле нее стояла. Приласкала Кольку своими мягкими ветками.

– Хорошо-то как, – блаженно промурлыкал он.

– Ты что, паразит, расселся! – завопила рядом грудастая баба, – Ты что заголился? Ты что натворил! Зачем, охламон, сарай обрушил? Совсем очумел спьяну? Чего сидишь! Чего

глядишь? Ты гляди, что делается! Ай-ай-ай!

Это жена его вышла из дома, Клава.

– Да... ты-ы... я... – хотел пояснить Колька, взмахнув руками, мол только что оттуда едва живой выбрался, но законную половину такое объяснение не устроило. Ее уже понесло. Ущерб наносимый мужем небогатому домашнему хозяйству и более чем скромный изредка приносимый приток давно будоражили ее озабоченное сознание, являясь постоянным, неизбывным источником раздражения и злости. Только что сидел, гад, дома. И пяти минут не прошло как вышел, дурак, вон и вот на тебе! Как за столь короткое время сумел охламон обрушить старый? Добрый старый сарай, простоявший без малого полста лет!

– Паразит. Паразит, ты, паразит. Паразит паршивый! – всплеснула руками раздосадованная женщина, – Что же ты, паразит, делаешь?! Что же, ты, гад, творишь?! Кто же его теперь чинить будет?! Где же мы теперь дрова с ведрами хранить станем?!

Примерно так переносилась ее речь с просторечного на разговорный.

Треха захотел что-то возразить, но тут же получил звонкую оплеуху. Когда он в редкие периоды своего существования бывал трезв, то непременно ему доставалось от Клавы. Когда же приходил домой сильно пьян, но еще на своих ногах, то имел гораздо больше в себе уверенности и, случалось, поколачивал жену. Любил помахать мужичок кула-

чонками, поучить глупую бабу уму-разуму. Иначе, какой он мужик? Какой с него толк? Потому, верно, и Клава не скупилась на оплеухи. Выплескивала затаенную обиду. Радовали друг дружку вниманием, сбрасывали накопившуюся боль, не сдерживаясь. От того, видимо, до сих пор и терпели совместное житие. Получалось это у них как-то на равных. Главным образом, правда, досаду срывать за не сложившуюся счастливо судьбу. Но у кого она на деревне сложилась? Бывало, конечно, иной раз, под праздник, попадались светлые денечки. Но редко. Чем дальше, тем реже, но все же...

После таких несправедливых действий со стороны жены, никакого желания общаться с ней дальше у Кольки не оставалось. Тем более делиться нахлынувшим недоумением по поводу досадного происшествия. Он попытался встать, но решительная супруга не позволила мужу уйти от возмездия и пригвоздила его обратно к земле сильным толчком в грудь.

– Куда, паразит, вскочил? Я тебе вскочу. Говори, гад, что натворил? Говори, паразит, что сделал? Кто крышу чинить будет? – вопила она на весь двор.

Неведомо как долго продолжалась бы экзекуция, и сколько еще получил бы мужичок от бабы колотушек, если бы не подошел сосед Василий, косивший лужайку за забором и ставший свидетелем обрушения.

– Это... Вы это того... Как оно, это, все у вас а?.. Не очень? – красноречиво изъяснился он, указывая пальцем

в сторону развалин, – Извини. Я того...

– Ты, погляди, погляди что, паразит, наделал, – обрушила на нового слушателя хозяйка свою досаду, – Вот чего он там делал? Чего туда сунулся? Какого черта ему дрова понадобились? Баню топить что ли, охламон, вздумал? Все, паразит, испортит.

– Банка с дерьмом рухнула, – потирая покрасневшее ухо, пояснил из-под бочки Треха.

– Да ну? – удивился сосед, – А я думал, того... этого...

– А фигли. Сам погляди, – кивнул пришибленный хозяин в сторону сарая, – Еле отмылся.

– Это которая? – явно заинтересовался косец, втыкая косу в землю.

– Синяя. Еще та... Когда привозили... Ну, эти... как их там... агрономы.

– Это когда ж?

– Да с тех пор... Забыл? Когда Витька, друган мой, политурой траванулся, – напомнил раздосадованный на такую забывчивость соседа мужичек.

– Это еще тогда? – присвистнул Василий, вспомнив дела давно минувших дней, – Которого схоронили, а он живой оказался.

– Ага. Тогда.

– Вот были дела. Вот мужику повезло. Повезло, так повезло. Это же надо, чтобы так повезло. Не каждому так повезет. Все думали, он того этого от простуды помер. В гроб поло-

жили. В землю закопали. Поминки справили. А его образок того этого в доме остался. Мать его того этого, как в воду глядела. Не хорошо, говорит, того этого образок оставлять, в гроб положить надо. Отруйте. Пошли на второй день отрыли, а он там того этого живой лежит. В гробу. В могиле. Во пили так пили. Никогда так не пили. Сперва, на поминках, потом на воскресинках. Затем снова... – зачмокал губами Василий.

– Тогда вот он и траванулся. Политуры хватил, и все. Коньки в сторону. Окончательно, – уточнил Треха, – Если бы я его до того из болота не вынул, так он бы утоп. Представляешь? В болоте. Заживо. Сгинул. А так только простудился. И все.

– Верно, верно, – согласно закивал головой сосед.

– Сволочи. Помереть нормально не могут, – сплюнула огорченная женщина.

– С тех пор и висела, – напомнил Колька о главном.

– Кто?

– Дед Пихто! Банка висела, говорю, – указал из-под бочки хозяин в сторону сарая, – Висела, висела и на тебе, рухнула. Мне прямо по кумполу. Я в сарай захожу, а она, бац. Сука, весь сарай поломала,

– Какая еще банка? – недоуменно хлопнула глазами Клава.

– Мы с Витькой ее в сарай сунули. Она там, сука, и рухнула. Хороший был мужик Витька. Земля ему пухом. Всю

крышу, гадина, развалила. Чуть в дерьме не утоп, – завопил Треха, словно опасаясь, что его и на этот раз правильно не поймут или не услышат.

– Вот как? – удивился сосед, – Я свою еще в тот год того этого по огороду рассыпал. Картоха уродилась во, – показал он здоровенный веснушчатый кулак, – Никогда больше такой не родилось. Чего мне не отдал? Я бы тебе за нее того этого картохи мешок отвалил бы. Чего хранил?

– Во дурак, во дурак, – запричитала жена, – От чего не отдал? От чего картохи не взял? От чего хранил? Дохоронился, хороняка паршивый. Ни картохи теперь, ни сарая!

– Черт его знает. Забыл, может. Чего я, я ничего. Висела себе и висела. Двадцать лет висела и ничего. Чего ей будет? – захлопал глазенками мужичек.

– Вот как! А то я и гляжу. Я только того этого... А крыша прямо, хрясь, и того этого... – поддержал разговор Василий.

– Фигли она рухнула? Кто ее трогал? По репе как шандалахнет. Гляди, шишак какой. Видишь? Стопилиной, – Колька поднялся и сунул под нос собеседников свою растрепанную мокрую макушку.

– Ого, – оценил сосед бугор на затылке, – Ты это того этого извини, если чего... того этого... Я...

– Так, тебе, дураку, и надо, – зло заключила супруга, – Давно говорила: почини крышу, почини крышу. Три года твержу, паразиту, одно и то же. Во урод, во дождался. Говорила, течет. Как дождь, так дрова мокрые. А ты чего? Все

потом, да потом. Вот тебе и потом. Дождался? Теперь новую ставить будешь. Говорила, дураку, говорила. Пьянь паршивая. Молотка в руки не взять. Времени у него нет. Гвоздя в руке удержать не может. Лестницу делать надо. Только бы пить, паразиту. Только бы пить. Допился? Дождались. И почто я только за тебя за муж, за урода, пошла? Почто молодость свою сгубила? Говорила мать, не ходи, говорила. Нет, выскочила. Получи. Ни сарая, ни дров, ни картохи. Ведра сунуть теперь некуда, – махнула рукой Клава и пошла к дому, причитая про себя и приговаривая, какая неблагодарная скотина досталась ей в мужья не в пример другим. У всех мужики, как мужики, а этот ни на что не годный, только пьет все и пьет, и ни ничего толком сделать не может, даже не пытается. А если и делает что, так только все портит, и никакая зараза его не берет.

Клавдия удалялась в сторону дома, клокотала вулканом и ругалась на чем свет стоит, а Колька глядел ей вслед и не мог понять, что это за темные тени вертятся вокруг ее пышной фигуры, словно голодные кошки. Он уже и не слушал сердитых слов, и ни не обращал никакого внимания на несправедливые громкие выпады, а только смотрел на эти странные, неизвестно откуда появившиеся тени и думал, мерещится ему это или на самом деле от нее дым темный валит. Настолько показалось ему явление необычными и интригующими, что он даже открыл рот и вперился недоуменно в дородную спину спутницы своей жизни.

– Да, сердитая у тебя баба, – вполголоса поделился сосед наблюдениями.

– Ага, – кивнул Треха, – Сейчас взорвется от напряжения.

– Как паровая машина, – хихикнул сосед.

– Точно. Уже дым валит, – указал хозяин на нее пальцем.

– Где?

– Вон с баков, а теперь – с заду.

– С заду у нее давно валит, – обнажил косец редкие зубы.

Колька перевел взгляд на Василия и поразился тому, как вокруг его головы завертелся похожий темный клубок.

– О, и из тебя, кажись, валит, – уставился, пораженный увиденным.

– Ага валит. Прямо из ушей, – поддержал шутку сосед.

– Не из ушей. Из хребтины. Чего это у тебя из хребтины? А теперь из пуза, – недоуменно хлопнул глазами Треха.

– Что валит? Откуда валит? От меня? Ты это того... не перегибай. Чертики уже мерещатся? Что тарацишься? – недоуменно мотнул головой мужик и замер, не понимая отчего это сосед смотрит на него так, словно он это не он, а невесть диво какое с неба в огород свалившееся.

– О, возле плеча теперь село, – произнес Колька, указывая пальцем, – Не видишь, что ли? Повернись. Слева. Смахни.

Василий неопределенно пожал плечами, покрутил головой из стороны в сторону, но ничего такого не заметил, помахал рукой в воздухе, и постучал себя по лбу заскорузлым, натруженным пальцем, как бы намекая не то на шишку на го-

лове собеседника, не то еще на что, предположительно проясняющее такое странное восприятие мира.

– Пойдем лучше, сарай посмотрим, – предложил он.

– Ага, – согласился Колька, – Вот только, что это такое вокруг тебя крутится. Никогда не крутилось, а тут вдруг крутиться. У нее крутиться. У тебя крутиться...

– Это у тебя крутиться, – зло отрезал сосед, – Воды выпить надо, чтобы не крутилось. Я тебе так, Треха, скажу. Пить надо меньше. Тогда и крутиться не будет.

– Точняк. Выпить надо, – оживился Колька, словно только и ждал этого предложения, – Видишь, как меня тряхануло. Как оно на меня рухнуло. Я, считай, в самой середине стоял. Под самой банкой. Я, считай, родился сегодня заново. Так оно мимо прошло. Смерти избежал. А она? Никакого понятия! Весь сарай дерьмом этим завален, а она орет. Я завалил его? Банка целая вывалилась. А она чего? Того?.. Гляди, шишак, какой на башке. Чуть не прибило. Чего орет? Не видит: и так битый. Весь в дерьме. А она? Тут после такого, такое станет. Ты прав, Васян, выпить надо. Это, Васян, не грех. Давай, Васян, по одной. В последний раз, как друга. Может мне теперь помирать завтра. Потому как я в полный рот нахлебался. Мне теперь через это конец выйдет. Меня же изнутри обезвредить надо. Я же зелени этой, Васян, нахлебался по самые уши. Это же вопрос здоровья. Самой жизни. Мне, может больше, и не придется уже с тобой. Может это в последний раз. Никогда уже больше не попрошу. Слышь, Ва-

ся? Гадом буду. У тебя есть что, покрепче?

– Искать надо... – глубокомысленно заключил сосед, терпеливо выслушав такую тираду.

– Так поищи...

– Можно...

Двинулись в сторону сарая. Заглянули через пролом внутрь. Покачали головами. Все дрова мокрые от зеленой слизи. Вонючка поднялась, атомная. Тут не то чинить, всю территорию очищать надо. Дрянь, словом, и все тут. Без респиратора подходить страшно.

– И как это ты тут только выжил, – покачал головой Василий, – Экая вонючка.

– Я же говорю, – воодушевился Треха, – Весь в дерьме по самые уши. Нахлебался. Еле отмыл. Дерьмо такое, глянь, чистая химия. Двадцать лет пролежала. Я, может, загнусь скоро. Во, как нахлебался. А она орет! Тут по-человечески понимать надо. По уму... Налетела, собака, сарай чини! Где тут чини. Тут одних бревен куба три!.. Думать тут надо. После такого... Мне может быть пенсия полагается. Я может быть теперь инвалидность через это дело приму. Разве бабе понять?

– Да, – протянул сосед, критически осматривая слом на стропиле, – Прогнила. От сырости, верно. Понятное дело. Крыша она у тебя того, худая была. Такое бывает. У меня тоже вот так однажды крыша прохудилась. Так я ее того этого рубероидом застелил, чтобы не текло. А то бы тоже вот

так же того... Да еще бочка... Теперь тут ремонту... да... И дрова все испорчены... Как это все того этого выгребать? И куда? Ко мне-то того этого не поползет? Может запылать тут это все на месте, чтобы сразу того этого, а?..

– Ты чо? А дом? Тут полыхнет, ахнешь. До неба! Химия, понимать надо, взорвется. Вонючка то какая. Чуешь? Думать надо. Как его того запалить?.. Проблема. Где бабе понять? Тут же головой думать надо. Тут одному без этого дела разве поймешь, – возразил Колька, – Работы одной сколько. Одно-му-то никак. Бригадира просить надо.

– Бригадира да... – почесал небритую щеку Василий, – Одних бревен куб надо, а то и два... И дрова... Эти-то того этого, куда ими топить... Еще потравитесь... Он тебе выпишет, да... жди...

– Где материал брать? Без бревен как? Старое, сам знаешь, – с видом знатока поддержал Колька, – Опять рухнуть же может. Старое гниль. Новые надо. Денег, сам знаешь. Опять же рубить. Трактор нужен. Тут без бригадира, – покачал удрученно головой, – Кто трактор даст?

– Дела... Он тебя еще за прошлое того этого, а тут эко... – Василию даже жаль стало соседа. Такое горе на того свалилось. Мало чуть бревном не зашибло, химией не отравило, так еще и к бригадиру на поклон идти. Это при всех его пришлых заслугах перед начальством. Кто не помнит, как Треха спалил скирду сена? Кто забыл, как он опрокинул в канаву трактор с прицепом? Кто простил, как он ста-

до коров в болото загнал? Лучшая телушка ногу сломала. И все по пьяни, все по дури. Ничего поручить нельзя. Ничего толком не сделает, все испортит. А теперь трактор ему дай, материал новый, работников. Где там. Сожрет его бригадир с потрохами. Хорошо, если отругает только, а то и поколотить может.

Боялись в деревне бригадира. Уважали. Нахрапистый мужик, резкий. С крутым норовом и большим гонором. Работу требовал и ругался крепко. Иной раз, поколотить мог, если оболтус какой под горячую руку подвернется. Ничего не боялся. Здоровый, мордатый, под два метра ростом. Не всякий с ним один на один совладать мог. Да и мало кто пытался. Водку пил редко, хозяйство вел жестко. Знал, что ему от жизни нужно. Хватал свое, не упускал, держал в руках цепко.

Переглянулись мужики, вздохнули тяжело и поняли, что на остаток дня занятие у них определилось само собой. Тут не до косьбы. Тут дело серьезное. Обмозговать надо и, можно сказать, отметить: с одной стороны счастливое спасение человека, с другой стороны, кто его знает...

– Есть у меня заначка, – глубоко вздохнул сосед, словно оторвал от себя последнее.

Хороший он мужик. Понимающий. Душевный.

Заглянул Треха домой, накинул на себя, что под руку подвернулось из того, что всегда в сенях кучей брошено за ненадобностью, но еще собаке не отдано, и двинули к Василию.

* * *

Пришли к дому соседа. Светлана, жена Василия, сразу заинтересовалась из кухни, чего, мол, так рано? По женской своей глупости она недолюбливала мужских дневных перекуров. Но мужик нашелся, как ответить. Молвил, водички попить заскочил на минутку, упарился. Она и успокоилась, продолжила свое бабское занятие. Тем временем Василий прошмыгнул в комнату, откопал со дна платяного шкафа бутылочку беленького и тихонько прокрался обратно на крылечко, где в нетерпении ожидал Колька. Присели на ступеньку, откупорили винтовую пробочку, налили в граненый стаканчик. Решили по быстренькому управиться. Дабы не травмировать зря хозяйку.

Первому естественно принимать гостью. Он как-никак заново рожденный, счастливо избежавший ужасной участи. Святое дело такое отметить. Не каждый день тебе на бошку бревно сваливается. Треха, как подобает в таких знаменательных случаях, степенно угощение принял, неспешно втянул продукт в рот и обмер. На языке вместо водки оказалась вода. Колька брезгливо выплюнул ее на землю, поднес к носу горлышко бутылки, втянул в себя воздух и снова удивился: отчетливо пахло водкой. Снова приложился к стакану, и снова выплюнул – вода! Понюхал – водка. Попробовал – вода. На глазах изумленного хозяина все содержимое

стакана на землю выкинул, налил добавки – понюхал – водка, глотнул – тьфу! Вода! Выплюнул. Хотел глотнуть прямо из горлышка, но хозяин не дал. Это уже слишком. Три раза чистый фабричный продукт на грязное крыльцо выплескивать, это, простите, не хорошо. Прямо скажем – нахально. Просто не уважительно. За это можно и в морду получить. Если бы не такое событие, так бы оно и вышло. Но сосед человеком оказался понимающим. Принял во внимание травмированность головы гостя. Просто бутылку забрал и стакан следом, чтобы тот больше не баловался.

Треха в сердцах стукнул кулаком по стене дома. Так что окно кухонное зазвенело.

– Кто там? – высунулась из него хозяйка. Увидала, чем мужики занимаются, всплеснула руками, мигом на крыльцо выскочила.

– Чего это вы, лешие? Чего это тут делаете? – возопила она, но Василий ее слегка осадил.

– Ты, Светка, того этого не гомони, – серьезно завил он, – Тут дело серьезное. Тут понять нужно. Тут с человеком беда.

– Я вижу, что у вас за беда. Эта беда уже тридцать лет тянется и никак скончаться не может, – решительно воткнула она руки в боки, – А ну, дай бутылку сюда, – выхватила из рук мужа вождеденное зелье, – Тоже надумал! День на дворе. Они уже водку жрать, шалопаи, уселись. Марш в поле!

– Дай сюда, – проявил независимость сосед, выхватыва-

вая бутылку обратно, – Тут, Светка, того этого дело такое. Тут его вот чуть не пришибло. Считай на моих глазах. Сарай хрясь, прямо на голову. Бревном тресь. Чуть на смерть не придавило. Его, можно сказать, того этого заново родило сегодня. С того свету человек того этого вернулся. Стресс у него. Лечить надо. Он смерть, как тебя того этого видел. Самолично. Скажи, видел?

– Видел, – мотнул головой Треха, – К самому носу пошла. В морду дохнула. Страшная... Зеленая... Липкая... По бабашке бревном – шандарах. Во, гляди, шишак на башке.

– Вот как, – поддержал собутыльник, – Слыхала. Еще чуть-чуть и того этого. Кранты. Не стало бы человека. А сарай! А дров сколько? Теперь к бригадиру того этого идти. Это ему то! Соображай.

– Чей сарай то? – деловито уточнила супруга.

– Его. Чей же, – пояснил Василий.

– Ну, тогда ничего, – облегченно вздохнула женщина, – Тогда выживет. Я думала, бригадира сарай порушил.

– Так все равно. Чинить надо. Материал, того этого трактор, дрова... – попытался уточнить глубокую мысль мужик.

– Бригадир ему дров даст. Догонит и еще даст. И трактор, и материал. Только подставляй карман шире. Отвесит большой ложкой, поспевай грузить, – улыбнулась Светлана в предвкушении нового события скучной деревенской жизни.

– Так я того этого говорю. В этом-то и дело, – обрадовался супруг и ткнул в голову притихшего Трехи пальцем, – Погляди, шишак у него какой. Стропилой звездануло. Едва выжил.

– Нашли чему радоваться, – Светлана снова выхватила бутылку из рук мужа, – Понимаю, пришибло. Не велика потеря. Нечего мне тут его шишкой тыкать. Эка невидаль. Нечего на крыльце сидеть. Чего расселись! Нашли повод бездельничать. Ступай косить. И этого заberi. Привадится, не отвадишь. Нечего штаны просиживать. Нашел повод. Совсем ум потерял?

Сосед понял, что отметить событие по-человечески не получится. Не поняла баба. Свое гнет, упрямо.

– Не стыдно тебе, Светка. Как ты вот так того этого можешь? Это же сосед наш, – попытался вразумить он ее.

– Зараза! – остервенело лупанул кулаком по стене Треха.

– Ты это чего это разлупился! Это у тебя кто тут зараза! Себе по башке лупи. Иди и лупи по своему дому. Нечего тут лупить. Я тебе покажу заразу, – снова взвилась хозяйка, хватаясь за веник, – У меня стены не для того ставлены, чтобы по ним лупили!

– Ты это того этого, Треха, правда, не стучи шибко, – посоветовал Василий.

– Водка, водка в горло не лезет! – в сердцах воскликнул Колька.

– Как это? Как это тебе водка в горло не лезет. Сдурел,

что ли? – изумилась женщина, опуская орудие праведного возмездия, – Тебе и не лезет! С чего это?

– Вода, – ткнул в бутылку пальцем Треха, – Вода тут. Лью – водка. Выпью – вода! Охренеть можно!

– Быть не может! – удивился сосед, – В фактории покупал. В нашей. С получки. Недели не прошло. Обманули что ли? Не может быть, чтобы того этого воду вместо водки подсунули! Дай сюда, – выхватил из рук жены драгоценный продукт, – Быть не может. Ну, если обманула... Ну, я ей того этого задам... Я думаю, чего это он того этого плюется, – нюхнул горлышко, уловил знакомый запах, обрадовался, – Не-е, водка, кажись, – глотнул, отлегло от сердца, – Не, водка. Слава Богу. Показалось тебе, Треха, – под шумок, пока суть да дело, глотнул больше, но в этот момент жена сориентировалась и вырвала бутылку обратно.

– С какой это такой получки ты покупал эту заразу? – поинтересовалась она подозрительно сощурив правый глаз и снова приподнимая веник, – С прошлой что ли? Сказал – недоплатили? Так тебе не доплатили? Так? Так! – лупанула мужа по широкой спине гибкими веточками.

– Ну, что ты, это того этого, что так разоралась. Подумаешь водки мужик купил, – смутился Василий, уворачиваясь от ударов, – Мали ли в доме случиться чего может. А водки нет. Что тогда делать? Вот видишь, она пригодилась. А не купи, чтобы мы того этого делали?

– Сено бы косили! – взревела Светлана, отбрасывая в сто-

рону активное воспитание непутевого мужа, как явно бесполезное занятие, – Сено! В поле! Вот что бы вы делали! Пошли вон от сюда, хриstopродавцы!

Мужиков как ветром с крыльца сдуло. Только распахнутая калитка жалобно заплакала несмазанными петлями раскачиваясь из стороны в сторону.

* * *

Направились опечаленные мужики вдоль по улице. Злые собаки из-за заборов их облаивают. Бабы со дворов недобрым глазом провожают. Редкие прохожие в след оборачиваются, не решаются заговорить. Только издалека здороваются. Видят, не все у мужиков на душе ладно. Да и что толку с Трехой беседовать, только время терять зря. Каждому понятно, чего ему надо. Только вот куда это Василий вместе с ним направляется? Мужик то еще не совсем пропащий.

– Фиг знает что такое. Вижу – водка, хлебну – вода, – сокрушенно бубнил по дороге Треха, – Ни фи́га не понимаю.

– Должно быть, у тебя того этого вкус к жизни отшибло? – предполагал спутник.

– Дурак я, по-твоему? Воду от водки отличить не могу? – возмущенно возражал мужичек.

– Кто его теперь знает... – уклончиво отвечал сосед, – На вот, – протянул ему корочку хлебца, завалившуюся в кармане, – Заешь.

Взял Колька утешительное угощение, понюхал: хорошо хлебом пахло, можно сказать, божественно. Сунул в рот – наслаждение. Нет, не отбило вкуса. Тут что-то другое...

– Хороший хлеб, свежий, – произнес он.

– Ну, даешь, свежий. Недели три в кармане того этого болтается, – усмехнулся сосед, – Однако, значит вкус есть, – заключил он.

– Ага. А водка? – напомнил мужичек.

– Да... – глубокомысленно признал Василий, – Тут надо бы того этого провериться. Может, к фельдшеру вернуться?

Мысль Трехе понравилась. Он согласно кивнул головой, благо до того недалеко топать. Второй дом от угла в конце улицы сразу за поворотом слева от колодца.

Пришли. Постучали. Филипыч оказался на месте. Посетителей принял сразу в предбаннике, где между делом чистил грибы.

Внимательно выслушав сбивчивое и хорошо сдобренное простонародными оборотами печальное повествование травмированного, с краткими пояснениями по отдельным моментам, исходящими от его спутника, фельдшер позволил себе поставить под сомнение общую концепцию происходящего, явно улавливая в ней некий подвох со стороны хитрого пациента. Однако общая постановка проблемы ему понравилась.

– Принесли сравнительный образец? – живо поинтересо-

вался он, выкидывая в ведро очередной истерзанный ножом гриб.

– Какой такой образец? – не понял Треха.

– Ну, тот, что пили, – уточнил фельдшер.

– Так ее того этого, Светка забрала, – напомнил Василий.

– Как же мы тогда будем производить исследование? – скептически скривил губы специалист, – Как будем диагностировать?

Мужики недоуменно переглянулись.

– Так... мы думали того этого... медицина все же, – переминаясь с ноги на ногу, предположил сосед.

– Я, конечно, понимаю, что у нас в стране медицина бесплатная. Но, простите, не до такой же степени, – заметил Филипыч, – И потом лекарство каждый пациент приобретает для себя сам. Мы лишь можем оказать вовремя необходимое профессиональное содействие в излечении недуга. Как говорить: помощь.

– И чего делать? – хлопнул помутневшими глазами травмированный.

Медик развел руки в стороны.

– Искать, – неопределенно заметил он.

– Эх, – рубанул кулаком воздух Василий, – Ждите. Я шас, – и решительно вышел на улицу.

Колька уныло прислонился к дверному косяку и едва не растекся по нему прокисшим тестом. Однако Филипыч не дал ему раствориться во внутренних переживаниях и вер-

нул к действительности, обильно смазав зеленкой шишку на затылке. Процедура оказалась болезненно жгучей. Стало обидно. Не для того с утра натерпелся, чтобы получать дополнительные страдания.

– На фига козе баян? – возмущенно поинтересовался он.

– В гробу легче будет, – благоразумно пояснил фельдшер, возвращаясь к прерванному занятию.

– Гляди. Не стори от усердия, – зло заметил неблагодарный пациент, – Хоронить нечего будет.

– Поговори мне тут еще, поговори. Я тебе еще и не то смажу. Первым на кладбище окажешься, – пообещал медицинский работник, нарезая в тазик крепкий боровичок.

– Ага. Поглядим. Сперва, дым из ушей заткни. Голова обуглится, – нагло заявил Треха.

Филипычу за многолетнюю практику доводилось выслушивать от некультурных больных много всяких колючих нелепостей, поэтому он на них не обижался.

– Вот как? Очень интересно. Однако с чего бы это ему от туда валить? – поинтересовался он.

– Валит и валит. Мне до него дела нет. Выпить мне надо. Сушняк душит. Понял? – признался Колька.

– Я так и знал! – обрадовался медицинский работник, – Я сразу так и понял. Так сразу бы так сказал. А то вкуса нет, вкус к жизни потерял, водку не чувствую.

– Так я ее и не чувствую, – угрюмо заметил Треха.

– Мне понравилась ваша история, – саркастично усмех-

нулся эскулап, – Люблю, когда люди с юмором к делу подходят. Иной завалится, дай спирту, дай спирту. Нахал. Бестолочь. Поленом ему по балде, а не спирту. У меня весь спирт на учете. У меня строго. Меня так просто не проведешь. Я на селе тридцать лет фельдшерю. Могу отличить ложь от выдумки. Сразу вижу, в чем правда матка зарыта. А правда в том, что ты перепил. Что? Словил птичью болезнь, да? Теперь танец народный исполняешь под названием колотун. Хорошо вчера было? Сам перепил, а денег нет. Вот и вся недолга. Пошутить решил? Так? Не вышло?

– Да пошел ты... – вяло отмахнулся от него мужичек.

– Что значит пошел? В каком таком смысле пошел!? Сам-то ты откуда пришел? – едва не обиделся медик, – Вот откуда пришел, туда и иди. Меня посылать нечего. Я на своем месте. Он меня еще посылать будет, как будто я его звал. Второго перепила притащил. На пару вчера чирикали?

– Роба у тебя сейчас треснет, – заметил Треха, внимательно всматриваясь в черный дым окутавший лицо Филипыча.

– Что значит треснет?! – напрягся тот.

– Дым сильно из ушей валит. Видать, напряг пошел сильный, – пояснил мужичек.

– Это у меня напряг сильный? Это у тебя напряг сильный! Ты зачем ко мне завалился? Шутить? Оскорблять? Так я при исполнении, понял? – сердито сощурил глаз фельдшер.

– А ты меня на «понял» не бери, понял! – завелся вдруг Колька, – Дым туши, череп обуглятся. Понял?

Филипыч от такой наглости даже слегка опешил. Ладно за спиртом мужик заявился, байку веселую придумал про неведомую болезнь, провести его старого черта вздумал, так он еще и нахальничает, поносят его медицинского работника без всякого зазрения совести. Хотел фельдшер обидеться, но опыт не позволил. Ко всякому он привык за долгие годы служения народу. Другой бы на его месте на дыбы встал по молодости лет, самолюбие свое защищать кинулся, орать, ногами топтать, авторитет свой поддерживать. Только это все зря, без толку. Мужики все равно бы не поняли, другими бы не стали, а злобу затаили. Кто знает где, когда и на чем выместят. Ни к чему это на деревне. Да и обижаться на больного грешно. Всякому известно не от себя он вещает, от болезни своей. Поэтому Филипыч лишь усмехнулся кривовато и молвил:

– Вполне понятные симптомы. Ничего нового. Полагаю с первым же стаканом водки, все встанет на свое место. И дым пропадет, и вкус вернется.

Тут как раз Василий вернулся с остатками початой бутылки.

– На силу отбил того этого, – гордо заявил он, переводя дух, – Вцепилась: не дам, не дам. А я ей: фельдшеру того этого надо, фельдшер велел. Не поверила. Так что ты, Филипыч, того этого если что, не подведи. Она у меня баба такая. Она того этого проверять пойдет.

– Пускай идет. У меня всегда все по совести, – успокоил

его медик, – Ну, мужики, пошли в смотровую.

Из предбанника они вышли во двор, оттуда через кухню в кабинет, прихватив с собой по дороге три железные кружки и краюху хлеба, так, на всякий случай, не акцентируя особо на том внимания. Облачившись в застиранный белый халат с желтыми пятнами вокруг карманов, Филипыч поставил кружки на стол и велел пациентам присаживаться рядом на деревянные табуреты.

– Так, что там у вас? – задал он дежурный вопрос, пристреливаясь к бутылке зажатой в широкой ладони Василия.

– Вот, он, говорит, водки не чует. Стропилой по башке треснуло, – снова пояснил сердобольный сосед.

– Да. Шишку на голове я уже видел. Зеленкой смазал. Большая шишка. А на счет вкуса сейчас посмотрим. Наливай, – распорядился фельдшер.

Василий, не долго думая, наполнил каждую емкость наполовину.

– Так, – глубокомысленно произнес Филипыч, взял кружку, медленно выкушал, манерно поставил на стол и удовлетворено выдохнул, – Вполне приятная водка. Если не ошибаюсь «Ладога».

– Точно, – кивнул сосед, демонстрируя этикетку.

Острые черты лица медика заметно разгладились и порозовели.

– Ну-с, теперь ты, голубчик, – махнул он тонким пальчиком, и придвинул вторую горемычному пациенту, – Вот он

момент истины, – патетически заявил, – Пей, Треха. Ты этого жаждал. Ищущий да обрящет, жаждущий да напьется. Лекарство само в руки идет. Возликуй душа, грешная.

– Все одно облом, – обреченно заметил мужичек, принимая подношение.

– Вот это мы сейчас и проверим, – произнес Филипыч игривым и вполне жизнерадостным тоном.

Происходящее начинало ему нравиться.

Колька отпил.

– Вода. Фиг знает что такое, – грохнул кружкой о стол.

Фельдшер скептически усмехнулся и покачал головой. Даже пальцем крючковатым пригрозил. Меня, мол, не проведешь. Не шути, я то, мол, знаю...

– Вот, я же говорил. Утратил он того этого вкус жизни, – Василий взял Колькину порцию и со снисходительным видом попробовал.

– Ну что? – поинтересовался Филипыч.

– Водка, – лаконично пояснил сосед, вытирая губы.

– А! Что я говорил! – обрадовался фельдшер, – Водка! Никаких превращений, сплошные извращения. Ну, тогда я знаю, как его лечить надо. Наливай полнуюю.

Василий послушно исполнил.

– Пей, Треха. Пей до дна. Даже если вода покажется тебе невкусной, – прописал медик лекарство и сунул пациенту под нос.

Колька, не спеша, выпил.

– Ну, что? – поинтересовался Филипыч.

– Ничего. Вода, – ответил больной.

– Наливай еще, – указал доктор.

– А много того этого не будет, – смерил остатки хозяйским оком Василий.

– Лей, – приказал фельдшер, – Не тряси. Больше расплескаешь. Лечение требует жертв.

После второй выпитой порции лекарства симптоматика ни чуть не изменилась. Зато водка кончилась. Треха по-прежнему сидел напротив Филипыча на табурете со страдальческим выражением лица. Ни в его поведении, ни в настроении, ни в мироощущении никаких видимых перемен не наблюдалось. Даже странно как-то после двух кружек не самой плохой водки...

Фельдшер задумался.

– И что? Ничего не чувствуешь? – более сочувственно поинтересовался он, – Сушняк прошел?

– Ни фига не прошло, – зло процедил сквозь зубы мужичек, – Воду пить больше не хочу.

– Да... – глубокомысленно протянул медик, – Придется усилить эксперимент. Вася, тащи-ка сюда вот тот пузырь, – указал на пузатый флакон в стеклянном медицинском шкафу, – Ну, Треха, если ты у меня шутишь, отведаешь поленом... Я тебе второй шишак гарантированно обеспечу. Полную симметрию на башке. С рогами ходить будешь. Как черт. Сейчас проверим. Наливай, Вася, полную. Это микс-

тура верная. Слона свалит. Пей, Треха. Посмотрим, какая на вкус будет вот эта водичка, – и злорадно усмехнулся, обнажив редкие гнилые зубы.

Колька, не долго думая, спокойно выпил предложенное снадобье, не дрогнув ни единым мускулом лица.

– Достало мне пить вашу воду. Спирта бы налил, что ли. Душа горит, – произнес он, ставя пустую кружку на стол, – Муторно.

– Это и был чистейший медицинский спирт, – дрогнувшим голосом признался фельдшер. Взял из рук Василия бутыл, нюхнул, вздрогнул и самолично налил новую полную порцию, – Не верю, – решительно заявил он, – Пей. Это и есть спирт.

Сосед даже рот открыл от изумления, глядя, как Треха спокойно выпивает дополнительные двести грамм чистого спирта с полным равнодушием и, можно даже сказать, отвращением, какое до того испытывал только к одному пойлу, к воде.

– Больше не выпью. Все. Край, – заявил он, – Опух от воды. Сейчас лопну.

Филипыч смотрел на Кольку в упор, словно на чудо, не в силах сформулировать концептуально мысль.

– И что?.. И ничего?.. – наконец поинтересовался он.

– А чего от воды будет? – угрюмо ответил пациент.

– Вот это шандарахнуло, – потрясенно молвил Василий, – Это же надо того этого... По самому дорогому...

Филипыч повертел в руках практически пустой бутылек и горестно облокотился на стол.

– И что мне теперь с тобой делать? И каков будет диагноз? – задал он себе риторический вопрос.

– Вот, вот, – подтвердил Василий, – Что делать то?

Фельдшер недоуменно пожал плечами.

– Может это не спирт? Может в аптеке напутали?.. Никогда не путали, а тут... – поскреб щетинистую впалую щеку и заключил, – Идите, мужики, с миром. Спирта у меня больше нет. А может, его и не было. А может, это иммунитет у него выработался. В общем, дело тут темное. Тут медицина бессильна.

– И что, вот так и пошли? – не понял озадаченный сосед.

– Вот так и пошли, – подтвердил мысль Филипыч, – А что я еще могу? – отломил корку хлеба и заел горькую мысль о собственном недоумении, – Попробуйте у Степаныча. Может он вам поможет.

Мужики встали, переглянулись: действительно, что он еще может, если спирта у него больше не осталось? Махнули рукой и пошли по дороге дальше.

* * *

Двинулись к Степанычу на другой край деревни. Потому как только тот издавна промышлял самогоном, и только у него случалось иногда отовариться хмельным зельем в рас-

срочку.

По дороге случился с Трехой припадок. Никогда раньше за ним не замечалось ничего подобного. Хотя он мужичек задиристый и шебутной, но раньше ни с того ни с сего не налетал на людей с кулаками. Сторонился беспричинной драки. Соблюдал приличия.

Встретили по дороге агронома Кирилыча. Едва успели с ним поздороваться, как Колька завопил на всю улицу дурным голосом: «Ах, ты, мразь, перекошенная», налетел на него, сбил с ног и стал катать в грязи и валтузить, словно ненормальный. Василий насилу оттащил дурака в сторону. Освободил уважаемого специалиста, поднял с земли, отряхнул, как мог, извинился. Пришлось даже два раза товарищу по роже кулаком съездить, чтобы тот успокоился и немного, в себя пришел. Агроном еще долго возмущался и кричал вслед разные обидные слова, сдирая со светлого пиджака навозные лепешки, а Треха весь трясся, не в силах вразумительно пояснить причину столь странного поведения. Брызгал тягучей слюной, как придурок и все твердил свое: «Мразь, мразь перекошенная».

«Про кого это он так, – подумал сосед, – Неужели про агронома?»

Конечно, желчный и завистливый Кирилыч. Мало кто в деревне водил с приятельские отношения. Но все же видный специалист. Без него никуда. Как можно без всякого повода такого интеллигента в грязи валять? Видимо, совсем

допекло человека. Навалилось на него разом: и стропила, и неприятности с организмом, и неведомая болезнь, лишившая последней радости в жизни. Не выдержал разум давления, сошел с фазы, заклинился.

– Ты, Треха, того, совсем дурной стал, – заметил по дороге Василий, – За что это ты на Кирилыча набросился? Что тебе Кирилыч то сделал?

– Кирилыч? Какой Кирилыч? Не трогал я никакого Кирилыча, – неожиданно ответил мужичек и как-то весь съежился не то от страха, не то от холода.

– Конечно не трогал, – хмыкнул сосед, – Разве так трогают. Так, только того этого помял маленько, чуток в грязи повалял. Так это не в счет.

– Я чего?.. Я ничего... Не трогал я никого... Так это чего, Кирилыч был? – вдруг словно осенило его.

– А то нет! Зачем ты это того этого, поколотил?

– Не хотел я Кирилыча колотить. Не он это был, – упавшим голосом произнес Треха, – Сам он свалился.

– Конечно сам. Кому надо его сваливать? Шел себе, шел, спотыкнулся и прямо в коровье добро мордой сам того этого въехал. Все видели. А ты так, грязь с него того этого отряхнул малость, – иронично заметил спутник.

– Да, отряхнул. Это ты правильно, Вася, сказал. Так дело и было, – Колька насупился, вперился исподлобья в своего соседа и только желваки заходили на широких скулах небритого лица.

– Конечно, так оно того этого и было, – поспешил согласиться собеседник и в первый раз пожалел о том, что вообще связался с таким придурком. Теперь агроном к бригадиру побежит жаловаться, тот учинит разборку, придется оправдываться, за что человека среди бела дня изваляли... И вообще, что в это время на другом краю деревни делали... Как объяснить? Не любил мужик засвечиваться. Сторонился начальства и вообще всякого к себе общественного внимания. Старался избегать в меру сил скандальных историй. А тут впутался по самые немогушки в такое неприятное дело. Да еще с Трехой. Прямо скажем, поганая получилась прогулка. «Вот уж правы люди, не путевый он, – подумал мужик, – Все у него наперекосяк».

– Ты это дымить кончай. Достал ты меня своим дымом, – сухо заметил Колька.

Василий тут же бросил на землю нервно раскуренную папиросу и придавил носком кирзового сапога.

– Я говорю: не дыми, – назидательно приподнял скрюченный палец Треха, – Башка обуглится.

«Точно, крыша поехала, – догадался сосед и стал думать о том, как бы ему улизнуть по-тихому в сторону, – Ну, его к лешему, дурака этого. Совсем сбрендил. Теперь уже и покурить нельзя. Отшибло ему башню начисто, как есть отшибло. Того и гляди кинется, как на агронома».

Тем временем подошли к дому Степаныча.

– Ты это того этого иди к нему, а я того этого... мне до до-

му надо, – сообразил вдруг Василий, – Сам понимаешь... – неопределенно развел он руками, – Косу на лугу оставил, – повернулся и пошел быстрым шагом обратно, пока Треха не успел ничего в ответ выкинуть.

* * *

Степаныч копошился возле луковой грядки, сооружая из пластиковой бутылки трещотку на палке для отпугивания надоедливых кротов, когда калитка тихонько скрипнула и во двор заглянула лохматая голова Трехи.

– Тебе чаво? – поинтересовался старик.

– Мне бы... – неопределенно промычал Колька.

– Чего бы? – уточнил хозяин.

– ...Побазарить бы... – нашелся незванный гость.

– Коли побазарить захоть. А большего у меня ничего нету. Вчерась еще было, а по утру – кончилось. Новое не ставил, – пригласил хозяин, указывая рукой на аккуратную лавочку возле стены дома.

Треха вошел весь. Степаныч унял мохнатую собаку на длинной цепи и они сели рядышком на солнышке.

– Сарай у меня рухнул, – печально поведал Колька.

– Да ну? – удивился старик, – Весь? Это какой?

– С дровами.

– Это не тот, что еще батька твой Петро сразу опосля войны ставил?

– Он.

– Добрый сарай. Петро ставить умел...

– Прямо на меня. Гляди шишак какой, – подставил мужик под нос деду затылок измазанный зеленкой, – Стропилой садануло.

– Эка...

– Едва жив.

– Добрый шишак. У меня у самого такой был, когда с моста саданулся об надолбу. Зеленкой баба мазала али фельдшер?

– Химия на меня вытекла, – уточнил собеседник.

– Химия? Это какая? – поинтересовался Степан.

– Зеленая. Из пластмассовой бочки.

– Из какой такой бочки?

– Из синей.

– Это которые по сто литров в совхоз завозили в восьмидесятом?

– Она.

– Эка...

– Еле отмыл, – тяжело вздохнул Колька.

– Хорошая химия. Всех жуков потравила. Их потом, почитай, лет десять ни одного не было.

– Васька, сосед, водки налил, а она не идет, – продолжил разговор Треха.

– Да ну? Водка? Не идет? – удивился самогонщик.

– Пошли к фельдшеру. Тот спирта налил. Две кружки вы-

пил и ничего, – печально уточнил Колька.

– Да ну? И ничего? – в тоне собеседника послышалось недоверие.

– Васька видел. Соврать не даст, – твердо заявил гость.

– Васька? Васька не даст. Где ж ему дать то? С яво, чтобы взять, сперва найти надо. Опосля спрашивать. Да где ж его ноне найти, когда он еще на подходе стрекоча дал? – снова сочувственно покачал головой хозяин, – Беда...

– С глазами сделалось что-то, – печально продолжал Колька, – Вижу хреново. Вернее хрень всякую. Ее вроде как нет, а я ее вижу. У Васьки с Филипычем дым из ушей прет. Я его вижу, они – нет. Кирилыч рожи страшные корчит. А у тебя на плече черт сидит. Как теперь жить?

– Да ну? Черт?

– Может и не черт. Дым у тебя фигуристый. Точно черт, – уточнил Треха.

– Эка...

– Думал, выпью пройдет. А не выпить. Не берет спирт. Не забирает. Пью, будто воду. Что водка, что спирт, все одно. Ничего не помогает. Одно сплошное страдание. И за что мне так? – закончил Колька и уставился тупо в землю промеж своих башмаков.

– Погоди-ка. Посиди тут, – Степаныч поднялся и зашаркал своими стоптанными сандалиями на босу ногу по деревянным ступенькам высокого крыльца дома. Едва скрылся за входной дверью, как тут же вернулся с литровой бутылью

мутной жидкости в руках. Неторопливо вытащил пробку, извлек из кармана пузыристых штанов граненый стакан, наполнил на две трети и протянул Трехе, – На-ка, выпей моего. Мое-то не фабричное. Мое приличное. Мое возьмет. Полегчает.

Колька с обреченным видом принял подношение, глотнул и выплюнул на землю.

– Издеваешься, дед? – сердито стрельнул глазами.

– Чаво? Не то? Крепко? – хихикнул самогонщик, – Это первач. Это сила.

– Какой первач! Чего ты мне воду суешь? Издеваешься? Все вы надо мной издеваетесь? Я уже за день ее вот так нахлебался, – черкнул мужик себе по горлу большим пальцем правой руки.

– Вода? Какая вода? Чо ты брешешь? – изумился старик, нюхнул горлышко и расплылся в широкой улыбке, – Первач, – отхлебнул для большей убедительности прямо из горла, гаркнул, – Настоящий. Ядреный. На-ка, попробуй, – плеснул добавки в стакан.

Треха понюхал мутную жидкость – самогон, поднес к губам – вода. Поставил стакан на лавочку и чуть не заплакал.

– Эка... – в очередной раз удивился Степан взял стакан, поднес к носу, понюхал, попробовал – самогон.

– У тебя это того, вкус отшибло, – заключил он и опустился на лавочку рядом с Колькой, – Чистейший продукт отвергаешь. Даже обидно. Когда это было, чтобы мой само-

гон в горло не шел? На, попробуй, говорю, как следует, – снова протянул стакан.

Колька второй раз принял стакан, понюхал – самогон, поднес к губам, а в рот потекла обыкновенная вода. Плюнул на землю и отвернулся к стене дома.

– Ты продуктом моим не плюй, – строго пригрозил старик, – Это тебе тут не плевательница. Взятся пить, пей, как у людей положено. Не пьешь, так катись отседова, туда, откуда пришел. И больше по моему двору не шастай.

Пришлось Трехе, скрипя сердцем, выпить предложенный стакан воды. Выпил, поставил на лавочку, посмотрел в глаза Степанычу, развел руками и вздохнул тяжело.

– Что? Не пробрало? – удивился самогонщик, – Со стакана и не пробрало? Эка...

Налил второй. Колька выпил. За вторым третий. После того, как четвертый оказался пуст, а вместе с ним и литровая бутылка Степаныч охнул.

– Ты... ты... Это того... Что же ты мой продукт жрешь как воду?! – хлопнул он белесоватыми глазами, – Это же тебе не то что... Эка...

– Я чего? Я ничего? Это фиг знает чего! – только и ответил Треха.

Помолчали мужики, подумали каждый о своем. Не знают, что делать. У одного голова болит, весь мир на части разламывается, другому задача задалась, прямо скажем, архиинасложнейшая. Никогда такого не встречал в жизни, чтобы му-

жик чистейший самогон как воду лупил, когда доподлинно известно, что это не вода.

– Верно, сглазили тебя, – предположил Степаныч, – Порчу на тебя навели.

– Чего там? – обреченно махнул Колька рукой, – Все одно. Это не жизнь.

Вышла из дома баба Дуня, жена Степаныча.

– Чаво это вы тут сидите? – набычилась, увидев нежеланного гостя.

– А вон, глянь, что твориться, – ответил старик.

– А то я не вижу!

– Нет, ты, поди, глянь, говорю.

– Опять самогон пьете, сволочи, – резко заключила она.

– Вот, дура, баба, – возмутился хозяин.

– Да не дурней вас, разгильдяев.

– Нет, ты погляди, чо тут такое. Чаво в мире делается.

– Да вижу – ничаво новава. Все самогон, окаянные, жрете.

Шли бы работали. Бригадир с утра по деревне ходит. Всех мужиков на сенокос сгоняет.

– Самогон, говоришь? Это, что мы пьяные, по-твоему, сидим, чо ли?

– А то я не вижу?

– А ты видишь! Видишь бутыль пустая. Чаво тут пить?

– Так сожрали уже. Дело дурное не хитрое.

– А то мы сидим пьяные?! Ты бы лучше посмотрела, чаво делается. Это же не поймешь, чаво делается. Это же черт зна-

ет чаво такое. Стой тут, я щас, – распорядился хозяин и быстро вбежал в дом, откуда через мгновение вернулся со второй бутылью самогона, – Гляди, чаво делается, – кинул по дороге своей бабе, налил полный стакан и протянул Трехе, – На. Пей.

– Не хочу, – отвел рукой гость подношение.

– Во как напился. Уже и не хочет, – выдала баба Дуня

– Пей, говорю, – приказал хозяин.

– Не могу. Не могу больше пить. Не лезет, – взмолился

Колька.

– Представляешь, один всю литровую бутыль выпил, и ни в одном глазу, – пояснил Степаныч, – Не берет. Даю – не хочет. Что с мужиком стало?

Видит Дуня, мужики настроены серьезно. Не шутят. Где это видано, чтобы заядлый алкаш среди бела дня не казался пьяным? Сидит, насупившись, словно мышь, злыми глазами стреляет и от выпивки наотрез отказывается.

– Видала? – снова поинтересовался Степан.

– Чаво это? – пожала она плечами.

– А я об чем? – воскликнул самогонщик, – Видала? Видала, чаво с человеком делается?

– Видала, что он тут бездельничает.

– Вот, дура, баба.

– Гнал бы вон его на работу. Заместо таво, чтобы тут дурью с ним маяться.

– Ничаво не понимает. – развел руками старик, – Тут мож-

но сказать на ее глазах чудо свершилось, а она не видит.

– Брось, дед, пойду я, – тяжело поднялся с лавочки Треха.

– Нет, ты погоди. Я ей объяснить хочу, что б она не думала, будто мы тут сидим как какие-нибудь. Пусть ка она узнает, чаво в мире делается. Это можно сказать вопрос глубокомысленный. Жизни и смерти можно определить.

– Во, напился, дурак! – махнула рукой Дуня.

– Я напился? Ты видела? Нет, ты слышал? А ну, Треха, покажи ей, – раззадорился хозяин.

– Пойду я, – поднялся с лавочки гость.

– Стой! – Степан снова сунул ему под нос полный стакан, – Пей, говорю.

– Отстань от него, – заступилась женщина, – Не видишь не в себе он.

– Пей, говорю, – настаивал Степаныч, – От того и не в себе, чаво ты не понимаешь.

– Господи, черт тебя побери, – встряхнула руками баба Дуня, – Вот пристал, паразит к человеку.

– Пей! – рыкнул хозяин.

Выпил Треха пятый стакан. До самого дна. Даже живот вспучился.

– Ну, чо? – указал на него Степаныч, – Видала?

– Еще день во дворе они уже самогонку жрут, паразиты, – с досадой в голосе заметила женщина.

– А... – только махнул рукой Колька.

– Самогонка, говоришь? И чо, он пьяный с нее, али нет?

Пройдись-ка. Покажи себя, – гость вяло отмахнулся рукой и медленно побрел через двор в сторону калитки. Даже собака на него больше не лаяла, – Чаво, пьяный по-твоему? Да?

– Вроде нет... – прищуриваясь присмотрелась к нему хозяйка, – Чаво это?

– А то я не знаю, – пояснил старик, – Раньше с чекушки пьянел, а теперь и двух литров ему мало. Пьет, гад, самогон, как воду. Ан не берет он его. Вот чаво. Видала, что происходит?

– Господи...

– Я ему самогонку наливаю, а он хлебает ее, как воду. Во как! Чаво с человеком случилось? Вчерась еще все было нормально.

– Так чаво же это ты, Ирод, на него продукт переводишь?! Воды тебе мало! Вон целый колодец стоит, пои – не хочу! – всплеснула женщина руками.

– А я об чем? – подтвердил старик.

– Вот Ирод-то, вот Ирод. Это ж сколько денег то все это стоит, чаво ты, Ирод, в него, в черта ненасытного, закачал? Нечто ты сразу не узрел, что он, черт паршивый, ее жрет, как воду? – возмутилась баба Дуня.

– Видала, чаво с человеком стало. Ему поправиться, а он не может.

– Вот Ирод-то... – разволновалась хозяйка, – Не пускай его сюда больше. Пусть платит, портом пьет.

– Ты, Дуня, не кипятись. Самогонки, конечно, жалко.

Только, чаво с человеком делать? – поставил вопрос ребром Степаныч.

– Пошли оба с глаз моих, – заключила она.

– Сглазили его, я думаю, – предположил хозяин.

– Сглазили? – притормозила женщина.

– Порчу навели. Последнюю радость в жизни отняли, – заключил самогонщик.

– Ах, ты, господи! – хозяйка так и села на ступеньку крыльца.

– Вот и получается, проблема, – определил старик.

– Знаю. Знаю, кто это сделал, – включилась баба Дуня, – Это Мироновна. Это она, стерва.

– Мироновна? – удивился Степаныч.

– А кому еще? Кто бабе Клаве телку испортил? Кто? – вскочила она на ноги, готовая немедленно бежать на разборки.

– Кто? – не понял хозяин.

– Мироновна, – ткнула в него пальцем баба.

– Это почему?

– Потому, как первостатейная стерва.

– Это все ваши бабские пересуды, – отмахнулся старик.

– А я говорю, она. Если не она, так кому еще? Глаз у нее дурной, зависливый. Своего мужика нет, вот она чужих и портит, – заключила баба Дуня.

– Это еще не факт, – возразил самогонщик.

– А я говорю она. Кто вчера траву на поле собирал? Зачем

спрашивается? – решительно воткнула она руки в боки.

– Так ты сама собирала, – парировал Степаныч.

– То я. А то Мироновна. Ты меня с Мироновной не путай, – замахала она у него перед носом узловатым пальцем.

– Э-э... дура баба, надо к Мишке сходить, – предположил старик, – Слышь, Треха, Постой! Айда к попу зайдем. Он тут рядом живет. Сосед мой.

– Ну и дураки, – заключила баба Дуня и осталась тем вполне довольна собой.

* * *

Отец Михаил тридцати лет отроду, пока еще не женатый недавний выпускник семинарии, направленный сюда вести небольшой приход с миссией возрождения веры, проводил день в огороде под палящими лучами солнца, смиренно дергая сорняки из грядки с морковкой. Относясь к любому делу с толком и пониманием, он сосредоточенно выщипывал всякие травинки, оставляя в земле только тощие зеленые хвостики.

– Миш а, Миш, – позвал Степаныч, из-за забора, – Слышь, Миш, поди сюда. Дело есть.

– Дело у всех есть, – глубокомысленно изрек батюшка, продолжая свою работу.

– Дело, говорю. Поди сюда.

Приходской священник поднял голову и с некоторым уко-

ром посмотрел на прихожан.

– Трехе плохо, – ткнул самогонщик пальцем в торчащую рядом лохматую голову с огромным зеленым пятном на волосах.

– Молись, Николай. Господь поможет, – молвил священнослужитель и продолжил прерванное занятие.

– Вот человек... Тебе говорят, поди сюда. Дело у нас, – гаркнул Степаныч.

Отец Михаил тяжело вздохнул, встал, стряхнул землю с колен и направил свои стопы к тому месту забора, где возле калитки над ровными рядами окрашенного штакетника высились всклокоченные головы мужиков.

– Ты пустил бы во двор, а? – предложил старик.

– Входите, – пригласил он, отпирая калитку.

– Тут значит такое дело, – начал самогонщик, вваливаясь внутрь, – У тебя водка есть?

– Сам не принимаю, и вам не советую. Плохое это дело. Вредное. Для здоровья и для души. Да и Вам то зачем при Вашем промысле? – ответил духовный наставник.

Обоих сельчан отец Михаил недолюбливал. К малому числу прихожан они не относились. К Господу Богу за помощь не обращались. Вели, самую что ни на есть, беспутную жизнь. Совместных интересов с ними никогда не образовывалось, а если и сталкивались на перекрестках житейских дорог, то большей части возле фактории, где один постоянно болтался пьяный, а другой активно предлагал свой

ходовой товар слабовольным и доверчивым односельчанам.

– Нет. Это не мне. Это Треха, понимаешь, никак не принимает. Не может, – уточнил мысль старик.

– Нет у меня водки, – решительно отрезал служитель культа.

– Слушай, Миша, тут дело такое, шибко не простое. Это дело сперва обмозговать нужно, как следует, – покачал седой головой дед. – Я вот тоже сперва, как ты, сразу не разобрался, а потом понял.

– Простите, но мне сейчас некогда. Занят я очень. Приходите вечером, после службы. А лучше в церковь. Там и поговорим, – попытался завершить встречу священник.

– Вот, человек. Тебе же говорят: дело тут не простое. Тут с пониманием говорить надо. У человека беда. Жизни, можно сказать, лишился. Вопрос жизни и смерти. О, как, – поднял вверх указательный палец Степаныч.

– Нет у меня водки. Рассол есть. Вчера банку с огурцами открыл. Рассолу могу налить. Рассол хороший, черносмородиновый, – предложил батюшка.

– Вот... непонимающий человек. Тебе же говорят. Водка нужна. Какой тут к черту рассол. Как я тебе без водки могу это дело показать? Это же черт знает, чаво такое, – начал сердиться самогонщик.

– Не поминай нечистого, – сердито одернул его посвященный в таинства мироздания.

– Ты, Миха, только погляди на него. Видишь? Нет, ты ви-

дишь? – Степаныч выдвинул перед собой безмолвно стоящего потерянного Треху.

– И что? – недоуменно оглядел мужичка отец Михаил.

– Беда. Видишь, беда у него какая? – уточнил непутевый односельчанин.

– Обрати свои мысли к Богу, и Он вам поможет, – брякнул приходской священник кованым крючком на калитке.

– Обрати, обрати, чо ты за человек такой! – досада стала дергать старика за сердце, – У него беда, тебе говорят. Он пить больше не может. Хочет и не может. А ты обрати. Чаво обратить то, кады обращать нечаво?

– Как это не может? – заинтересовался, наконец, служитель культа.

– Вообще не может. Сглазили его, вот чаво. Порчу навели. Он теперь водку не пьет, а только всю, как ни есть, портит. Чистейший самогон лупит, как воду, – выпалил подпольный производитель зеленого змея.

– Как это? – не вразумился священнослужитель.

– А так. Я же тебе об этом и говорю. Как это все без водки показать можно? Водка нужна, чтобы понятно стало. Не может и все. Черт знает, что такое с человеком сделалось, – пояснил Степан.

– Не поминай нечистого. Говори толково, – снова настаивательно указал церковник.

– Ты, Миша, не кипятись. Ты меня слушай. Вот я ему самогона налил. Он его вылупил. И ни в одном глазу. Это

Треха то? Вчерась ему стопушки на пол дня хватало, а теперь и литра его не берет. Понял? – объяснил кратко старик.

– Нет, – мотнул головой батюшка.

– Экий, ты, непонятливый. Я говорю, чистейшего самогона ему только что три литры спойл, а ему хоть бы хрен. Посмотри на его. Ты видишь, чтобы он литру самогона выжрал? Нет? Я и ентова не вижу. А он выжрал. Всю литру. За это можешь не волноваться. Это у меня, как в аптеке. Самогон хлещет, как воду, – раздражительно повторил старик.

– А что наливал то? – уточнил отец Михаил.

– Самогон конечно. Самогон наливал. Чистейший. Свежайший. Такой самогон, что целая гулянка могла бы гулять и человека три успокоиться до поросячьего визгу. А он один все выдул и глянь на него. Пьян? Нет, ты глянь. Он пьян? Скажи, пьян или нет?

– Вроде нет, – приняохался служитель культа к односельчанину.

– То-то, и оно и что нет. Не берет его самогон вовсе. Теперь понял? – почти выкрикнул самогонщик.

– Не шути, – отмахнулся приходской священник.

– Какие тут шутки! Цельную литру, говорю в одно горло выжрал и ничаво. Как с гуся вода. Глянь. Он пьян? – снова вытолкнул вперед Треху Степаныч.

– Да, нет вроде, – критично осмотрел мужика батюшка, – Перепутал, может?

– Кто ж такое перепутает? Вот и получается, что дело-то

не простое. Как такое за один день сделаться может? Нечистым пахнет, – почти шепотом завершил старик.

– Ладно, – вздохнул тяжело отец Михаил, – Сейчас посмотрим. Пойдите тут.

Он вошел в дом, достал из шкафчика початую бутылочку беленького, налил стопочку, грамулек так сто пятьдесят, снова тяжело вздохнул, перекрестился и вынес мужикам.

– Вот продукт настоящий. Но больше у меня нет, – категорично заявил приходской священник.

Треха, зажмурив глаза, принял из рук посвященного дар Божий, осторожно понюхал. Запах ему понравился. Запрокинул стопарик, вода – водой. Что ты будешь делать!

– Ну, чаво? – поинтересовался старик, – Прошло?

– Вода, – горестно ответил Колька.

– Вот видишь, даже вкуса продукта не чувствует, – заметил самогогонщик, – А я о чем говорил?

– Солгал, плут, – пригрозил Кольке пухлым пальцем служитель культа.

– А ты бы, братец, бутылочку бы всю вынес. Тогда бы виднее стало, – посоветовал Степаныч.

– Сказано, нет больше. На стопку, может, наберу и все, – ответил церковник.

– Стопки мало, – парировал сердобольный ходатай, – Тут непременно стакан нужен. Чтоб до краев и чтоб он его сразу всего выпил. Тогда увидишь. Как иначе проверять будем?

Отец Михаил задумался на мгновение и молвил:

– А сам-то чего не принес? У тебя есть.

– Я бы принес. Только он у меня он литру в одно жало уже выжрал, – ответил старик, – Целый бутылек коту под хвост запустил. Чаво ж я один убытки на себе терпеть должен, всю тяготу на себя принимать за все общество, когда дело такое, чаво не про меня писано? Фельдшер, говорят, и тот не разобрался. Пузырь спирта просадила. Пол-литра чистейшего. А я чаво? С меня и спрос невелик.

– Спирта говоришь пол-литра? – прикинул в уме священник, – Много...

– А я чаво, – поддержал самогонщик.

– Ладно, наберу стакан, – нехотя согласился отец Михаил, словно у него дома корова водкой плохо доилась.

– Вот жмот, – кинул в спину Степаныч, когда широкая спина батюшки скрылась за входной дверью.

– Не могу я смотреть на вас, мужики, – тихо произнес Треха, – Куда морды все ваши делись? Одни пятна черные, как дым.

– Чаво это? – не понял старик.

– Шары черные вместо морды, говорю. Чего у тебя, чего у Васьки. Плохо мне чего-то. Ничего не понимаю, – уточнил Колька, – Или я дурной, или вы все плохие.

– Это в тебе стропилой все чувства в башке отшибло. Это бывает. Вкус и зрение к жизни возвращаются одновременно. Вот как следовало выпьешь, так сразу и полегчает. Все и пройдет, как с белых яблонь дым. Это известно. Народны-

ми средствами лечится, – успокоил самогонщик.

Тем временем местный церковник вынес стакан водки и дрожащей рукой протянул Трехе.

– Выпей, шалопутный, и больше не шути, – снова пригрозил пальцем.

– Надо бы благословить стакашек, – присоветовал Степаныч.

– Дурака из меня строишь? Шутки надо мной шутишь? – начал рассердиться отец Михаил.

– Какие шутки. Дело то нечистое, – напомнил старик.

Пришлось священнику скрипя сердцем произвести над водкой краткую молитву и перекрестить, прежде чем снова протянуть стакан пьянице. Зажмурившись и весь сжавшись словно от ужаса, приложился Колька к подношению, но результат оказался прежним, как с гуся вода. Протекла жидкость внутрь, а душу не согрела. Тяжко и муторно во всем организме сделалось. На мир глядеть больно стало. И черные тучи заволокли сознание.

Плюнул Колька с досады:

– Да, чего же это такое твориться! – воскликнул он горестно и грохнул стакан о землю. Налетела стекляшка на камушек, разлетелась вдребезги.

– Ты что, бес, творишь? Ты чего мусоришь? Выпил, и хулиганить взялся! Мало водку сожрал, так и посуду бьешь! Вон нечестивец! Вон со двора! – вскипел отец Михаил.

– А все одно подыхать! – горестно заломил руки Треха.

– Не сердчай, Миш, не нарочно он. Не в себе. Не видишь? – вступился Степаныч, но приходского священника заело, понесло, сорвало, не совладал с захлестнувшей эмоцией.

– Вон, чертово семя! Вон отсюда, пока во искушение не ввели. Начешу загривки поленом! Господи, прости меня, грешного! – закричал он и вытолкал нахальных посетителей со двора, – У бесы, – пригрозил волосатым кулаком из-за забора и запер за ними калитку, – Еще придете, палкой прогоню.

* * *

Замутило Треху в конец. Выплеснул он переполнявшую его тяжелую воду на поповский забор и побрел, словно во сне по неровной дороге, куда глаза глядят. Отстал от него Степаныч или еще куда делся он не осознавал. Может быть, махнув рукой, направился к своему дому, или у Миши остался судачить. Оставил в покое и, Слава Богу. Надоели все, заели, затюкали. Помощи от них никакой, одни только неприятности. Словно граблями по нервам елозят. Всяк нороят щипнуть побольнее. По измученному организму, как по бревну топором чешет. Упасть бы куда и сдохнуть. Такая тоска и муть в душе поднялась, что света белого стало не видно.

– Треха, а ну, стой! – раздался сзади зычный голос бригадира, – Ты почему не на покосе?

Колька вздрогнул всем телом, обернулся на зов и обмер.

Из окружающего его фиолетового марева вынырнуло нечто несуразно мохнатое, черное и злое, с круглыми как шары налитыми кровью глазами.

– Ой, мама, – схватился он за горло и сел на землю.

– Опять шлангуешь! Дурика из себя строишь? Я тебе покажу, как больным прикидываться, – зарычало чудовище, схватило мужичка за шиворот, подняло, встряхнуло словно мешок с тряпьем, и поставило на ноги, – Марш в поле. Сено горит. Бегом, твою мать... Чтобы через пять минут на скирде сидел. Приду, проверю. Не найду – получишь разом за все. Ясно? Вечером о других подвигах потолкуем. Пошел. Бегом. Марш!

Дикий ужас охватил Треху. Дунул он со всех ног неведомо в какую сторону, и если бы не стог сена по пути, то верно зашибся бы насмерть о столб или встречное дерево.

Когда он очухался, то никакого чудовища рядом не оказалось. Все окутывал чарующий аромат прелой травы и мягкое лучистое солнца.

– Ё-моё, – встряхнул мужик дурной башкой, – Привидится же такое.

– Офигеть просто, – шепнуло совсем рядом нечто летучее.

– Кто это тут? – удивился Треха, оглядываясь по сторонам.

– Скрум-м, – муркнуло в ухо некое существо и вынырнуло прямо из под сена возле левого глаза.

На вид оно показалось не больше крупной раскормленной

кошки. Такое же пушистое и круглое, но воздушное, словно сотканное из невесомых паутинок сероватого цвета. Довольно симпатичное. Во всяком случае, не страшное, как то, что набросилось на дороге и погнало скирдовать в поле.

– Какой, такой хрум? – недоуменно вылупился Треха на неведомое создание, заскользившее по нему, словно большой, серый солнечный зайчик шаровидной формы, – Не знаю ни каких хрумов.

– Скрум-м... – снова пропело невесомое явление, исчезая в сухой траве возле правой коленки.

– Таких не бывает. Нет тебя. Чудится мне, – решительно отмахнулся мужик, но видение снова выпрыгнуло прямо перед его носом и начало кружиться вокруг головы, всем своим видом опровергая только что высказанное категорическое суждение.

– Офигенное ощущение, – воскликнуло оно, – Оказывается летать это так просто.

– Вот это глюк, – вырвалось из Кольки.

– Скрумы обычно не летают, – продолжало летучее существо, – Но летать это так здорово. Почему раньше скрумы не летали? Надо научить скрумов летать. Давай научим скрумов летать. Сделаем так, чтобы все скрумы летали. Чего для этого сделать надо? Как это у нас вдруг получилось? – заморгало оно круглыми глазками.

– Жрать хочется, – недовольно пробормотал мужик, – С утра не жравший. У тебя есть чего пожрать? Эй, ты, как

там тебя?

– Скрум-м... – повторило пушистое существо.

– Хрум, так хрум. Пожрать есть чего, Хрум? – уставился на него Треха.

– Мы, скрумы, не кушаем. Мы скрумы только воспринимаем. Мы, скрумы, другие, – пропело неведомое существо.

– Ну, и фиг с тобой, Хрум. Отвали, если жрать нечего. Где это я? – оглядел Треха окружающее пространство.

Поле оказалось небольшим, окруженным со всех сторон лесом. На нем имелось пять стогов. На одном крайнем сидел он. Остальные разбросаны в шахматном порядке. Людей поблизости не наблюдалось. Но Колька знал, что за лесополосой следует другой такой же лужок, за ним третий и таких полянок вокруг деревни организовано много. На каком из них народ сейчас скирдовал неизвестно. Во всяком случае здесь, он уже работу свою закончил.

– Народа, кажись, не видно. Интересно, чего это за урод на меня наехал? Страшный такой. Не знаешь? Эй ты там, как там тебя... Хрум? – почесывая лохматую голову, поинтересовался мужик.

– Грум-м, – пошептало воздушное создание.

– Кто? Кто?

– Грум-м, – повторило странное существо.

– Какой такой грум? Этого урода, чо ли, так звать?

– Грум – это Грум. Грум – это страшная сила. Все скрумы бояться Грумов, – пояснило неведомое явление, завис-

нув прямо перед глазами, так что заслонила линия леса, и деревья сквозь него стали казаться ожившими деревьями.

– Офигеть можно. То хрум, то грум. То глюки, то стуки. Откуда вы нафиг все на меня свалились? Чего я вам сделал? Чего вам всем от меня надо? В гробу я вас всех видел. Идите вы все нафиг. Отстаньте от меня. Оставьте меня в покое. Без вас, сволочей, тошно, – начал сердиться Колька.

Он распалиться все сильнее и сильнее. Давно в мужике зрело. И без того муторно и гадко, а тут еще уроды какие-то полезли. Хочется водки напиться, а вместо нее вода в живот льется. Все пузо от нее расперло. Мочи нет.

Ударила моча ему в голову. Выпалил Треха пулеметной очередью в назойливую липучку витиеватым оборотом, желая прогнать ее от себя навсегда, растереть в порошок, развеять как дым. Но с удивлением увидел, как вместе с каждым матерным словом начал выбрасывать из себя некие темные брызги. словно под напором нахлынувшей злости лопнула сердечная жила, прорвала в середине груди тонкую телесную оболочку, и из того места, где находится солнечное сплетение, пульсирующей струей забился странный черный фонтан. Неведомое создание вытянуло ротик овальной вороночкой и тут же припало к нему как пиявка, повиснув на груди темным мешком. Как не старался Колька отцепить от себя эту присосавшуюся тварь, как не махал сильно руками и не скреб сеном рубаху – ничего не помогало. Все пролетало сквозь плотно прилипшее воздушное тельце, за-

цепить его чем-либо оказалось совершенно невозможно. Изматерившись вчистую, он рухнул обессиленный на живот, закрыл руками лицо и забылся.

* * *

Спустя некоторое время, мужик открыл глаза, сел и обозрел мир.

Солнышко ласково гладило землю. Пушистые облачка скользили по синему небосклону. Пели птички, пахло сеном. На душе образовалось светлое пятно и на сердце как будто стало немного чище. Организм притих, неприятные процессы внутри притупились. Даже голова слегка могла соображать. Первые мысли оказались приятными.

Никого не обнаружив ни на себе, ни рядом, он облегченно вздохнул и подумал:

«Должно быть померещилось. Привидится же такое...»

– Скрум-м, – пробурчал живот.

– Чего? Здесь? Опять? – пробежало серое облачко по челу.

Пушистое существо выбралось прямо из под рубахи, будто там ночевало, или только что исторгнулось наружу методом почкования прямиком из заголенного брюха, смахнуло воздушной лапкой частичку негодования, скатившуюся со лба и плюхнулось рядом на сено.

Оно сидело с видом кота настолько обожравшегося смета-

ной, что последняя порция явно встала поперек горла и грозила вот-вот вывалиться наружу.

– Значит, ты все-таки есть, – заключил мужик, – Фиг знает, чего творится.

– Мы, скрумы, всегда рядом, – произнесло странное явление.

– Значит это ты все соки из меня высосал, гаденыш, – закрипел зубами Треха.

– Скрумы никого не высасывают, – с полным безразличием ответило воздушное создание.

– Врешь. Я все видел, – хрустнул мужик костяшками пальцев.

– Вот, – разжало существо воздушный кулачок, – Видишь?

На ладонке лежало маленькое черное существо с вертлявым хвостиком, очень похожее на головастика. Оно отчаянно крутило круглой головкой, жадно хватало большим зубастым ротиком пленяющие его прозрачные ворсинки пушистой лапки и злобно сверкало крохотными красными глазами.

– Чего это? – удивился Треха.

– Друм, – кратко пояснил Скрум.

– Чего это еще за драм?

– Друм, он и есть драм. Не видишь, что ли? Простой сгусток обычной злости. Через него Грумы силу имеют. Он вот тут оказался, – указало неведомое явление на Колькин лоб, –

Как он туда проник? Давно там сидел. Дня два. Большой вырос. Гляди, какой, злющий. Но мы, скрумы, всегда рядом. Мы их отлавливаем и отпускаем. Вот так, – растерло оно ладошки и противный змееныш превратился в сухую, мелкую пыль, – Больше его нет. Не бойся. Больше не укусит.

– Ни фиги себе! Откуда он у меня там взялся?

– Пролез как-то, – виновато пожало плечиками воздушное создание, – Когда их появляется много, трудно всех ухватить сразу. Главное потом вовремя заметить. Пока он большим не вырос. Знаешь, сколько он силы высасывает? Вот из таких Грумы и получают.

– Ты сам ко мне присосался. Я видел. Прилип, как пиявка, – прищурил недоверчивый глаз Колька.

– Ничего не присасывался. Просто дыру закрывал. Как же еще можно было всех друмов выловить? Ручками их хватать? Они целым потоком лезут. Пришлось их всех проглотить. А что было делать? Думаешь приятно? – укоризненно посмотрело пушистое существо на мужика, – Откуда они там только берутся в таком количестве? – театрально задумалось, подперев лапками круглую головку, – Наверное, от черных мыслей. Иначе откуда? – выдало странное объяснение.

– Да, ну, от мыслей, – усмехнулся Треха.

– Черные мысли порождают друмов, – со знающим видом заявило неведомое явление, – Друмы расползаются и начинают грызть радужную оболочку. Знаешь, какие они прожорливые? Прогрызают огромные дыры. Жрут, растут и наби-

рают силу. Дыры вызывают новые черные мысли. Появляются новые друмы. Их становится больше. Они все сжирают, растут, слипаются и превращаются в Грума. У Грума другая сила. Он начинает изводить скрумов. Если бы нас, скрумов, не было, то все друмы стали Грумами, и нас скрумов больше бы не осталось. Кто бы тогда ловил друмов? Не надо больше держать в голове черные мысли. Черные мысли становятся друмами. От друмов такая дыра может образоваться, что не сразу ее залатаешь. Знаешь, сколько нам, скрумам, сил нужно, чтобы такие дыры замазывать? А где нам их взять? Особенно после того, как наглотаешься друмов. От них делаешься тяжелым и неповоротливым. Тяжелому летать трудно. Почти невозможно. Видишь, каким можно стать тяжелым и некрасивым?

– Бред какой-то. Во я шандарахнулся, – пробормотал Колька.

– Это не бред. Это жизнь, – глубокомысленно заметило пушистое существо, – Думай лучше о чем-нибудь светлом. От светлых мыслей появляются улы. Они светятся и переливаются всеми цветами радуги. Они очень красивые. От них радостно и легко. Когда их становится много, то приходят Эолы и дарят воздушное покрывало. После этого никакой Грум больше не страшен. Грумы странно не любят Эолов. Они их боятся. Потому, что Эол может рассыпать слипшихся друмов.

– Ангел что ли? – уточнил Колька.

– Кто?

– Ну, этот, который может рассыпать?

– Нет, Эол. Ангелы – это другие. Ангелы живут, там, высоко. На Небе. Ангелы сами по себе. А Эолы являются из сительной многоцветности улов.

– Чушь, какая-то, – недоверчиво ухмыльнулся мужик.

– Чего чушь? Ничего не чушь. Сам все увидишь, – надул Скрум пухлые губки, – Если скрума сумел увидеть, то и все остальное увидишь.

Он попытался подпрыгнуть и взлететь, но это плохо у него получилось. Словно наполненный водой воздушный шарик он плюхнулся обратно на сено и стал раскачиваться на тугом брюхе как потревоженное пресс-папье.

– Вместе, говоришь, летать будем? – криво усмехнулся Треха.

– Конечно. Мы всегда вместе.

– Как глисты?

– Как тень, – уточнило серое существо и мячиком закатилось ему куда-то под левую коленку.

– Эй, ты, чудик, ты куда это зашхерился? – окликнул его Колька более благодушным тоном, вздергивая вверх ногу, – В задницу мне пролез, чо ли? А ну, вылазь живо от туда.

«Скрум-м», – громко булькнуло в животе.

– Не булькай, тебе говорят. Вылазь, – резко натужился мужик, – Нашел куда спрятаться. Вылазь, говорю живо.

«Вот прицепилась пакость. Откуда он вообще на фиг

взялся?» – пронеслась в голове возмущенная мысль.

«Ни откуда. Скрумы всегда рядом. Только раньше никто нас не замечал», – отчетливо прозвучал в голове чей-то голос.

«Ух ты! Мысли мои читаешь? – подскочил на месте Треха, – Вот новость! В башку, гад, пролез!»

«Это не сложно. Мы же всегда вместе», – пропело непонятное явление и в это момент напряжение живота произвело на свет бурный поток сжатого, дурного воздуха.

Вместе с громким, затяжным выхлопом наружу вылетело пушистое существо и невесомым серым облачком весело закувыркалось в воздухе. Оно скользило в нем легко и плавно, вытягивалось огурцом, скатывалось в круглый комочек, игриво переворачивалось, улыбаясь мужику губастым ротиком. Его округлая мордочка чем-то даже напоминала человеческое лицо. Колька пригляделся к ней и уловил знакомые очертания. Тот же уточкой носик, то же узенький лобик, подбородок остренький, глазки серенькими бусинками. Он ему даже стал нравиться.

«На меня, шельмец, похож вроде, – заметил он, – И кто ты такой, нафиг?..»

«Скрум-м, – снова промурлыкало неведомое создание, – Снова легко. Снова офигительно. Снова можно летать».

«Какой, нафиг, скрум? – отмахнулся Колька, – Быть этого не может. Это у меня в башке жилка лопнула, когда стропилой ёкнуло. Сейчас репой потрясу, и пройдет. Должно прой-

ти. Всегда проходило. Не может того быть, чтобы не прошло. Никогда такого не было, чтобы не проходило», – нервно затараторил он, судорожно потряс лохматой головой, стукнул по ней три раза кулаком для большего эффекта и открыл глаза.

Скрум висел прямо перед его носом и дружелюбно улыбался.

«И как мне тебя звать?» – обалдело хлопнул мужик глазами.

«Скрум, – ласково ответило воздушное существо, – Скрум, и все. Мы скрумы никак больше не зовемся. Нам это ни к чему. Нам незачем звать друг друга. Мы сами по себе».

– Ё-моё... – почесал затылок Треха, – Во чебурахнулся. Во чудо вылезло в перьях! И чего с тобой делать? Чего тебе от меня нужно? Чего ты ко мне прицепился? Других, чо ли, нет? Шел бы ты от меня куда подальше, а? Не к чему мне такие фиготины. Может быть, свалишь?

– Не могу. Мы всегда были вместе.

– Значит не свалишь... Значит останешься... И надолго?

– Мы всегда будем вместе.

– Значит не глюк. Значит надолго. Во влип... – огорчился Колька, – Чего я об это мужикам скажу? Они же меня сразу в дурку уложат. Белочка, скажут, пробежала. А то и того хуже, в Крематорий. Надо куда-то прятаться, пока это все не прошло. Как я теперь с этим на людях покажусь? Еще скажи, что все, что ты тут мне наплел, правда.

– Мы, скрумы, не врем. Мы, скрумы, всегда говорим правду, – весело кружилось вокруг досадное недоразумение.

– Нафига ты мне сдался? – едва окончательно не расстроился мужик, но тут вспомнил, как эта тварь присосалась к груди, высасывая каких-то там черных червячков, когда он ругался.

«Так вот ты зачем. Вот что тебе надо, – наконец, догадался он, – Злостью питаешься!»

«Скрумы не едят. Скрумы воспринимают, – напомнило воздушное создание, – Скруму не нужно ничего кушать. Скрум только оберегает. Неужели друмов пожалел?»

Действительно, жалко что ли, если эта мохнатая летучесть подберет что-то, что и так даром сыпется, как искры со сварочного электрода, во время злости? Вылетело, упало и пропало. Растаяло, как дым. Стоит ли сожалеть? Пусть хоть эта култышка подкормится. Может и она сгодиться на что, раз все равно крутиться под ногами. Собака и та пользу приносит, хотя жрет в три горла, и ни фига не делает. Досадно, конечно, что из тела вылетает нечто темное, свое все-таки, родное, выстраданное, можно сказать. Раз оно там находилось, значит не просто так. Обидно терять это за здорово живешь. С другой стороны, никакой раны не остается, боли не чувствуется. Противно только, смотреть, как кто-то присасывается. Страшновато, даже немного. Другое дело, когда этого не видишь. Прилепилось себе и ладно. Как комар ночью. Но когда вот так нагло, прямо на глазах, это, прямо скажем,

не очень приятно. Пусть бы как-нибудь втихаря делало.

– Ладно, – благодушно махнул рукой Колька, – Оставайся. Соси, если надо. Только соси как-нибудь, незаметно. Сможешь?

– Скрумы не сосут. Скрумы дыру закрывают, – снова повторило пушистое существо, – Не делай в голове черные мысли. Не выпускай друмов. Они такие противные. Они такие тяжелые. После них летать плохо. Летать – это так здорово.

* * *

Забавное существо начинало нравиться Кольке все больше и больше. Он вообще весьма доброжелательно относился ко всякой живой твари. Даже на охоту с мужиками редко ходил. Не только потому, что ружья своего отродясь не имел, душевное состояние не позволяло точно прицелиться в беззащитную зверюшку. Жалко их убивать без особой надобности, разве что подкормиться в особо голодную пору. Но такое в ближайшие десять лет случилось всего один раз, в самый разгар Перестройки. В ту тяжелую годину решили с друганом Витькой мяса раздобыть на халяву. Одолжили у совхозного сторожа бердану с десятком патронов и пошли в лес. Весь день проплутали, только измаялись. Вернулись ни с чем, уставшие, голодные, злые. Напились с горя самогона на последние деньги и все патроны по дровам пере-

садили. Всю деревню пальбой взбудоражили. Потом, спустя год, провалился друган в болото. Простыл и помер. Два раза его хоронили. Один раз случайно. Второй – окончательно, после того, как он политурой отравился, отмечая свои первые неудачные похороны. С тех пор одиноко жилось Кольке. Ни кого рядом не осталось. Даже собаки. Дворовый пес, подобранный невесть когда, всегда жил своей жизнью: сидел на цепи, жрать просил, да обильно гадил посреди двора. Кошки непонятно откуда появлялись и исчезали; обходили хозяина стороной. За другой домашней животинной жена ходила. Не имелось у человека никакой душевной привязанности. А вдруг эдакое. Да еще свое, постоянно при нем, ему полностью принадлежащее, можно сказать любящее, о нем заботящиеся, свое, родное, смешное и пушистое. Чем Скрум не товарищ? Чем не приятель? Тем более что от него все равно не избавишься, как от жены. Зато поговорить можно.

Они угнездились на сене и общались. Скрум оказался приятным собеседником. Много помнил из жизни Трехи. Вспоминал разные забавные случаи, когда ему приходилось, засучив рукава, отлавливать разбежавшиеся по всему телу толпы черных червяков. Мужик и думать забыл обо всех этих скандальных историях. Чего только не случалось с человеком по пьяни. О многом вообще слышал как будто впервые, удивляясь, что это происходило именно с ним, и он сумел сотворить такое.

– Надо же, – покачивал он головой, – Неужели это был я?

– Вот так мы и живем, – делился воспоминаниями новый приятель.

– Да-а... – почесывал лохматый затылок Колька, – Меня достают часто. Кругом одни сволочи.

Они сидели на самой макушке стога и наблюдали как солнце медленно опускается за горизонт. Настроение у Кольки понемногу нормализовалось. Недавняя душевная муторность отодвинулась в сторону. Отвалилась съедающая душу хмарь. Организм больше не трясло в сжигающей лихорадке, жажда перестала сушить горло, и мир снова стал казаться приятным. Даже расширились некие границы мироощущения. Словно вместе с чудным приятелем вошла в его жизнь новая способность восприятия каждой вещи. Будто открылся некий второй план, увеличилась глубина проникновения. Он стал улавливать небывалые ранее звуки и запахи. Скошенный луг расцветился новыми насыщенными красками. Небо стало казаться глубже и ярче. Облака рельефнее и четче. Словно кто-то подкрутил в голове фокус, увеличил настройку, расширил диапазон.

– Красота-то какая... – невольно зажмурился Колька.

Из перелеска на лужок с длинными деревянными граблями на плече вышла баба Зоя, незлобивая, тихая, одинокая старушка. Никого у нее не осталось. Доживала себе на скудную пенсию. Корову держала, с нее и кормилась. Для нее и сено, видимо, вышла заготовливать.

Вечерело. Работа закончилась. Домой спешила.

– Чего это она с мужиками скирдовала, чо ли? – удивился Колька, – Надеется, ей сена дадут.

– Вроде как всех звали, – заметил Скрум, – Почему не дадут, если работала?

– Много хочет, мало получит.

– Это почему?

– Вредная она, вот почему. Кому она нафиг нужна тут? Чо она может? Кто за нее вступиться? Она же сама в жизнь никому не нальет. Даже если у нее будет. За чо ей давать? Сена ей захотелось. Ха-ха. Вот дура. Вкалывала больше всех, получит во, – скроил мужик пальцами фигу, – Когда такое было, чтобы больше давали тому, кто больше работает? Давай ее пуганем? Во повеселимся, – предложил он.

– А если она испугается? – засомневался новый приятель.

– Вот и пускай испугается. Веселее будет, – загорелся Треха, скатился со стога на землю, натянул на голову потрепанный, затертый пиджачишко и быстро зарылся сено, – Знаешь какая она сердобольная. Сейчас мы ее подловим, – захихикал в предвкушении веселой шутки, – Мяс, – позвал жалостно, – Мяс, мяс.

– А если она сильно испугается? – заволновалось воздушное создание, – Если помрет от страха?

– Не помрет. А помрет, так не жалко, – отмахнулся озорник, – Подумаешь, делоф-то. Одной жадиной меньше станет. Мяс, мяс.

Баба Зоя переходила луг, когда услышала за соседним сто-

гом жалобное мяуканье заблудившейся кошки.

«Потерялась верно. На помощь завет, – забеспокоилась женщина, – Или, может, поранилась?»

Она свернула с тропы в сторону, направилась на кошачий зов, завернула за стог, и в этот момент из глубины сена с диким рычанием на нее выпрыгнул черный зверь с растопыренными грозно лапами.

– А-ар-р-р!

– А-ай! – завопила старушка, в ужасе отлетая в сторону, и шлепнулась задом на землю.

– Здравсте, баба Зоя, – возник перед ней Треха, еле сдерживая распирающий его хохот.

– Здравствуй, Коленька, – пролепетала она, – Никак медведь на меня напал?

– Ага, – согласно кивнул мужик головой, проказливо улыбаясь, – Во, в лес убежал. Тебя испугался. Скирдовали?

– Работала, – утерла она платочком пот с лица, – Ой, бабюшки, – перекрестилась, поднялась с земли, снова перекрестилась, – И как тебе только не совестно? Кондратий меня чуть не хватил. Прости, Господи. Так ведь не хорошо, Коленька. Все работают, – покачала она седенькой головкой, – Работать, Коленька, надо. Прости, Господи, его душу. Со всем дитя неразумное, – отряхнула пыль с платья, подобрала оброненные грабли и посеменила к деревне от греха подальше, прихрамывая.

Над самой ее головой закружились, запереливались в лу-

чах заходящего солнца на темном фоне затихающего леса яркими огоньками некие прозрачные шарики. Словно маленькие веселые искорки, вспыхивая разными цветами радуги, они заструились лучезарной цепочкой, выстроились в ровный круг и растворились в сгущающихся сумерках.

Неожиданно она пошла по тропе ровно, словно ничего не случилось.

Трехе почему-то сразу же стало стыдно.

«Зачем старушку обидел? – подумал он, – Чего она мне сделала?»

Ночным холодком из леса повеяло. Темнеть стало. Домой идти совсем не хотелось. Хотя в животе давно гимн Советского Союза сыграли. Но голод не самое страшное в жизни. Бригадир поди по всей деревне уже рыщет. Сцапает, на разборки потянет.

Закопался Треха в сено поглубже, свернулся калачиком, запахнулся в замызганный пиджачок. Если бы не Скрум, совсем одиноко бы стало.

* * *

Тем временем стараниями бабы Дуни свежие новости разносись по деревне. К вечеру в курсе событий оказались все односельчане, включая бригадира. Даже состоялся небольшой сход в поле возле последней скирды наиболее сочувственно настроенных мужиков, где постановили произвести

народную экспертизу, засвидетельствовать, так сказать, выпьет Треха литр чистого самогона или нет. Сомневающиеся согласились в складчину оплатить возможные расходы и даже покрыть Степанычу былые убытки, а тот в свою очередь взялся выкатить первосортный продукт, и в случае неудачного завершения эксперимента напоить за свой счет все общество – сколько в кого влезет.

Местом вечернего сбора обозначили крыльцо возле фактории. Там и скамейки длинные, и бабы не помешают, и крыша над головой имеется. Особо активные прихватили нехитрую закуску, на всякий случай.

Треху нашли не сразу. Сначала искали по всей деревне. Тремя группами. Но после короткого разговора бабы Зои со Степанычем, встретившимся ей по дороге домой, довольно быстро обнаружили его в стогу по ботинку, торчащему из сена.

Два черных бугая выдернули Кольку из мутной дремы. Один горбатый, перекошенный, вислоухий. Второй носатый с выпученными водянистыми глазами. Сгробастали грубо и поволокли в темень.

Щербатая луна над лугом повисла. Кузнечики оглушительно стрекочут. Звездное небо раскинулось во всю ширь. Черная стена лесополосы разинула голодную пасть готовая проглотить мужика в бездну.

Страха немеряно. Сжались у Трехи все внутренности в плотный комок, не продохнуть. Ледяной ужас сковал каж-

дую мышцу, ни рукой, ни ногой не шевельнуть. Повис он меж двух уродов, как куль с картошкой. Те тащат, только пыхтят, бормоча что-то дикое, нечленораздельное.

«Вот они последние минутки, – промелькнула в голове колкая мысль, – Сейчас кончатся будут».

– Не бойся, – раздался знакомый шепоток в самое ухо, – Это Степаныч с Васькой. Не узнал их, что ли?

Пригляделся к страшилам Колька, а те и правда похожи на своих мужиков: слева вроде как старик-самогонщик кряхтит и сутулится, пришаркивает стоптанной сандалией, справа Васька пузатый под руку тянет, потом обливается, стучит по земле как лось своими кирзовыми ботинками. Держат с обеих сторон и к деревне волокут.

«Чего это рожи у них такие жуткие?» – сменился страх удивлением.

– Только вида не показывай, что их видишь, – повис Скрум прямо перед глазами, – А то беда будет.

«Какая еще беда?»

– Большая беда. Непоправимая беда. Страшная беда.

«Нечего меня пугать, и без тебя страшно».

– Это еще не страшно. Страшно будет, если откроешься. Сразу пропадешь.

«Это почему?»

– Потому. Как это им объяснишь? Как им скажешь, что с ними такое? Это же невозможно. Они же не поверят. Они же этого не видят. И увидеть никогда не смогут. Сра-

зу же сумасшедшим станешь. А знаешь, что с сумасшедшими делают? Их в дурку кладут, – жутко прошипело воздушное создание овальным ротиком и перелетело на затылок.

У Кольки даже мурашки по телу пробежали.

«Как же мне их не видеть? Погляди, какие они страшные. Чего это они уродами такими заделались? Чего это с ними такое стало? – воскликнул он, – Нормальные же мужики всегда были».

– Видимость это такая, – свесился над правым глазом новый приятель, – Посмотри, не такие они и страшные. Обыкновенные. Как всегда. Просто темно вокруг. Тени большие. Луна тусклая. Они всегда были такими. Просто раньше это не так сильно было заметно.

«Всегда были? – поразился мужик, – Ну, ни фига себе... Чего же это такое? Чего же это я теперь всегда буду их такими видеть?»

– Не знаю. Что тут такого? Скрумы как скрумы. Не хуже других. Не такие уж особенно и страшные, – промурлыкало пушистое существо, вновь повиснув возле самого носа, – Не нужно так сильно пугаться. Скрумы страшными не бывают.

«Так это чего, я скрумов их вижу, чо ли?»

– Конечно. Это их скрумы. Вот один, вон второй. Ничего в них особенного. Не волнуйся. Привыкнешь. Главное вида не показывай, что их видишь, – заметило странное явление и перебралось куда-то на голову, – Помни про дурку. Попа-

дешь, пропадешь, – провело откуда-то сверху, – В дурку захотел, что ли? – неожиданно вынырнуло из-за пазухи.

Мужик даже вздрогнул.

«Чего это ты так выпрыгиваешь?»

– Не выпрыгиваю, а вылетаю, – уточнило воздушное создание, – Знаешь, как это здорово. Как это приятно. Летать. Оказывается, не все скрумы летать могут. Они вот не могут. Они только ползают. А летать, это так необыкновенно, – и оно унеслось куда-то в темноту.

«Однако куда они меня тащат?» – снова промелькнула в голове мысль, на что новый приятель тут ответил, привычным вторым внутренним голосом:

«Испытание какое-то приготовили».

«Какое еще испытание?»

«Наверняка водкой поить будут. Проверять станут, будешь ли пьяным. Вот и все испытание. Чего они еще могут придумать? Смешно, правда?»

«Откуда ты знаешь?»

«Так ведь это же ясно. Мы, скрумы, хоть друг с другом и не общаемся, но живем дружно. У всех одно дело. Главное помни: вида не подавай, что кого-нибудь видишь. Помни про дурку. Если вида не покажешь, то ничего они и не сделают? Из деревни не выпрут. Стрелять не станут. Штаны не снимут. Дом не отнимут. А вот в дурку запихать могут. Поэтому не показывай, что нас видишь, чтобы дальше не происходило. Помни, иначе беда будет. Знаешь, что в дурке с такими

делают? С начала пилулями кормят, а потом мозги вырезают. Ножиками», – и повторил таинственным шепотком в самое ухо:

– Чтобы не случилось, ничего не бойся. Запомни: ничего этого нет, и никогда не было. Ты никого не видишь и никого не слышишь. Запомнил?

«Да понял, понял», – отмахнулся Колька, дернулся в цепких руках черных бугаев, свалился мешком на землю и гаркнул:

– Куда, мужики, тянем?

– Очухался? – сердито поинтересовался Степаныч и нечто темное, кривое и вислоухое, как обезьяна переместилось ему на левое плечо, – Общество тебя приглашает. Угощать будем.

– Ну, ты того этого и наделал шороху, – перевел дух Василий и обтер широким рукавом плотной рубахи со лба крупные капли пота, согнав с лица пучеглазое и длинноносое существо себе на затылок, – Сам то пойдешь? Тащить устали. Маленький, а тяжелый.

– Пойду, пойду, – встал на ноги Колька, – Коли тащить не будете.

– Чего тащить, коли сам пойдешь, – панибратски хлопнул по спине дед.

– Пошли, что ли. А то все того этого заждались там, – вежливо попросил сосед.

– Ну, вы и красавцы... – не выдержал Треха, обозревая

невиданных ранее существ, заслонивших лица односельчан.

«Разве так можно? Молчи!» – испуганно прошипел в голове Скрум.

«Ой, сорвалось», – замялся мужик и громко поправился:

– Пили сегодня, чо ли?

– Не. Только собираемся, – перемялся с ноги на ногу Василий.

– Тебя только и ждем, – лукаво улыбнулся Степаныч.

– Чего ждем? На фига я вам сдался? – поинтересовался Колька, – Без меня бы и пили.

– Как же? Сказанул. Не чужой. Как без тебя можно. Такое дело. Лечить будем. Бесплатно, – многозначительно подмигнул глазом старик.

– Это с каких фигов? – поинтересовался Колька.

– Общество так постановило. Общество уважать надо. Прониклось, так сказать, твоими делами. Он оно как, – пояснил старик.

– Ага. Оно того этого все как один. Мужики. За тебя беспокоятся, – поддержал сосед.

– Тогда пошли, чо ли, – пригласил Колька.

* * *

В ожидании виновника сходки односельчане разместились на длинной скамейке возле фактории и покуривали, мирно беседуя матом.

После знойного трудового дня и долгой череды ничем непримечательных будней, наконец-то, наметилось какое-то событие способное придать серой их жизни некий новый интригующий оттенок. Необычность происшествия и одиозность связанной с ним личности окутывали предстоящее мероприятие ореолом непредсказуемости, что только подогревало общий интерес к происходящему и без того пронизанный предвкушением даровой выпивки. Ни позднее время, ни долгие поиски недотепы, ни запланированные домашние хлопоты не смогли никого согнать с насиженного места. И когда запропастившейся гвоздь программы, наконец, вошел в желтый круг фонаря в сопровождении отряженной поисковой партии, то все моментально оживились и на него со всех сторон посыпались незатейливые подначки с подколками.

Несмотря на то, что Треха по дороге чувствовал себя вполне не плохо и внешне держался бодрячком, едва он обозрел присутствующих, особенно то, что до этого скрывалось сумраком сознания, душа его решительно рухнула в пятку. Представшее перед ним зрелище явно не приветствовало слабонервного зрителя, и если он сразу же не драпанул, то только потому, что мышцы свело судорогой. Лицо моментально залила мертвенная бледность. Зубы слегка застучали. Колени дрогнули. Однако, громко своего страха он не высказал. Не смог. Горло застопорил комок кактуса. Поэтому он только весь сжался, напряжился, и встал как вкопанный

перед собранием, неестественно поблескивая выпученными глазами, что некоторыми скептически настроенными недоброжелателями тут же вполне обоснованно воспринялось как явное проявление вины. Но это обстоятельство Кольку совершенно не трогало. Все его внимание поглотило созерцание жуткого явления встречи односельчан.

Раньше он и мысли не мог допустить, что такая незатейливая форма шутейного разговора может выглядеть настолько удручающе гадкой. Бывали, конечно, случаи, когда кто-нибудь, особенно раздухорясь, вдруг начинал брызгать слюной в собеседника, что само по себе не сильно приятно, или как-то пренебрежительно похлопывать рукой по плечу. Но кто этому придавал особое значение? Никто в общении не соблюдал куртуазности и политесов. На то он и народ, чтобы разговаривать по-простому, вот так запросто, обиходными выражениями, передающими в краткой форме самую суть необозримой глубины текущего ощущения. Иногда, правда, в них чувствовалась какая-то скрытая неприятность. Можно сказать, ощущалась излишняя тяжеловесность, некоторая грубость, больно бьющая по воспаленному нерву. Но никогда до этого еще не приходилось видеть, как это происходит воочию, на ином плане, скрытом от обыденного восприятия.

Странные существа величиной с собаку темными паучками деловито сновали по односельчанам, словно опутывая их невидимыми нитями. Они ползали по ним, то вверх, то вниз, одно безобразнее другого и выдергивали из тел черные

кусочки, отчего мужики сдержанно покашливали и как-то нервно почесывались. В призрачном свете тусклой лампочки они казалось чертями, пробующими свои жертвы, перед тем как утащить в преисподнюю. Но никто не замечал их присутствия. Словно ничего особенного не происходило. Даже когда они наползали прямо на лицо, превращая его в отвратительную, достойную кирпича харю. Невесомые, призрачные, уродливые они заполнили собой все обозримое пространство, и стало жутко смотреть, как знакомые с детства люди продолжают спокойно покуривать, совершенно не ведая, что твориться вокруг них.

Едва Треха вошел в поле зрения скучающих мужиков, как все ту же оживились, загомонили, повскакивали со своих мест и стали тут же обхаркивать его черными сгустками какой-то гадкой и липкой слизи. Она выстреливалась мокротой из разинутых глоток и летела в него со всех сторон, словно он самый презренный очутился в центре раздосадованной до края толпы. Настигнув Кольку, плевки сворачивалась в каких-то червячков отвратительного вида с зубастыми ротиками и бусинками злющих глазок. Они тут же впились в тело и начинали лупить тонкими хвостиками, вколачивая себя внутрь.

Треха яростно замахал руками, пытаясь сорвать их с себя, скинуть, очиститься, увернуться, но только вызвал этим целую бурю непристойного смеха и новый густой поток ринувшейся в него грязи.

– Стой! Не крутись! Стой! – отчаянно закричал в ухо Скрум, – Не бойся. Ничего не бойся. Стой! Все будет в порядке. Стой!

Но Колька его не слышал. Он прыгал, хлопал себя ладонями по телу, отряхивался и кричал:

– А-а-а, уйдите от меня нафиг!

– Комары парня заели, – заметил кто-то.

– Блохи.

– Вши.

– Дурь матушка.

«Вот теперь точно в дурку поедешь», – прошипел внутренний голос.

– Нафиг! Нафиг! Нафиг! – вопил Треха, что сразу вызвало определенное недоумение со стороны собравшихся односельчан.

Одни предположили, что ему холодно, другие предложили испить холодной водички, третьи настойчиво потребовали успокоиться, ничего, мол, страшного пока не происходит, четвертые вообще выразили сомнение по поводу целесообразности дальнейшего проведения намеченного мероприятия. Когда же из глубины темной улицы на свет одинокого фонаря выдвинулся громадный гориллоподобный монстр с когтистыми лапами и кроваво-красными, свирепыми глазами, и стал надвигаться с перекошенной от злости мордой, Треха просто рухнул на землю, закрыв руками лицо. Он сразу узнал того самого, что днем налетел на дороге и послал

скирдовать в поле. Только тогда подумалось, что померещилось сдуру. Теперь убедился в реальности происходящего.

Однако мужики не дали пропасть товарищу. Дружно подхватили, поставили на ноги, прямо перед страшной гориллой. Нехорошо, мол, так начальства пугаться. Знает кошка, чьё мясо съела. На воре и шапка горит, – ударили в спину доброжелатели.

Треха стоял как деревянный, не смея продохнуть, и наблюдал вытаращенными глазами как сквозь темную, звериную внешность кровавоглазого чудовища стали медленно проступать грубые черты лица бригадира Тукина.

Тем временем тот вплотную придвинулся к мужику и грозным голосом, упрекнув в проявленном малодушии, начал задавать дурацкие вопросы относительно случившегося утром. Пока, мол, на ногах держится должен отвечать. Попутно обвинил в разгильдяйстве, тунеядстве и в беспробудном пьянстве. От того, мол, и нервы шалют, сформировал общий для народа вывод.

Колька ничего ему не ответил, но нашел в себе силы выстоять. Постарался не упасть в обморок. Не возражал и не спорил. На резкие выпады выдавал однословное, да, мол, виноват, случилось, исправляюсь. Он уже привык к подобным нападкам на свою беспутную жизнь и с годами выработал оптимальную линию поведения при разговорах подобного толка, действующую автоматически.

Он смиренно стоял перед злобным оком деревенского на-

чалства увешанный вертявыми хвостиками, и проворный Скрум трудолюбиво выдергивал пушистыми лапками из его тела отвратительных червяков, как сорняки из грядки, выбрасывая их прямо на дорогу. Они падали на нее и черной извивающейся массой расползались в разные стороны, пропадаая в темном мареве прогретой солнцем земли.

Наконец, бригадиру прискучило тиранить слабую, податливую жертву и он выдернул из толпы Ваську. Тот нехотя вышел, подчиняясь приказу, и стал, переминаясь с ноги на ногу, кратко пояснять остальным присутствующим чему нынче утром явился свидетелем. Пока он кряхтел и мямлил, темное, носатое, пучеглазое существо величиной со среднюю собаку вторично за этот вечер заслонило собой лицо мужика, отчего тот стал выглядеть нелепо и комично.

– Почему сразу ко мне не привел? – грозно спросил Тукин, – Почему возле дома ошивался, когда тебе положено с утра находиться на пилораме?

Сосед как-то занервничал, промышчал что-то насчет какой-то аварии, куска железа, застрявшего в бревне и сломавшейся дорогой фрезы. Из его груди брызнуло жидкое негодование, однако, вовремя накрытое ленивым носатым уродцем.

«Успел. Поймал», – пронеслось в голове Кольки. Он захотел поздравить с этим Ваську, но тут же услышал в своем левом ухе строгое:

– Молчи.

На место соседа вылез владелец страшили, перекрученно-го как осиновое полено и с перекошенной козлиной мордой. Он стал монотонно трендеть о потерянном литре казенного спирта, о жульничестве и наглom попрошайничестве. Едва Треха перевел взгляд от скрума на лицо хозяина, так сразу узнал скучную физиономию Филипыча.

«У козела и скрум козел, – тут же отметил про себя Колька, – Надо же, как оба друг на друга похожи».

Взгляд невольно зацепился на знакомом уроде, лупастом, как придавленная сапогом жаба.

«Эту морду я сегодня уже лупил, кажется», – пронеслось в голове. Без особого труда тут же определился и владелец – агроном Макарыч. Тот как раз начал квакать что-то насчет уличного хулиганства и недопустимого поведения отдельных граждан в уважающем себя сельском сообществе.

«Всегда считали его жабой, – заметил Треха, – Правду сказал Скрум: они всегда были такими. И как я его сразу сегодня не признал?»

Несмотря на всю пугающую фантасмогоричность происходящего, общее действие понемногу начало мужика забавлять. Он с детства отличался подвижным и озорным характером. Долго оставаться в одном состоянии не мог. К переменам привыкал быстро. В незнакомой обстановке осваивался сразу. Довольно скоро преодолев волну первого страха, он вышел из шока, и теперь ему стало даже интересно угадывать по уродливой внешности странных созданий личности

их владельцев. Он так этим увлекся, что Скрум вынуждено его одернул.

– Нас могут услышать, – прошептал он, – Быть осторожнее. Грум близко.

– Грум? Какой такой грум? Кто это тут грум? – заинтересовался Колька.

– Вот Грум, – Скрум указал воздушной лапкой в сторону бригадира.

«Всегда считал его обезьяной, – подумал мужик, – Обезьяна и есть. Сказать кому – не поверят. А кому сказать то? Другие не чище».

Когда желающие выступить с обличительными речами по злободневному вопросу дня отговорили, Тукин велел перейти ко второй части собрания, опытно-познавательной. Для чистоты эксперимента Степаныч выкатил три пол литровые бутылки самогона. Экспертная комиссия в составе бригадира, агронома и самого производителя сняла пробу зелья и засвидетельствовала отменную чистоту продукта. Затем поочередно доверху наполнили три граненых стакана и выставили на бордюрчик перед испытуемым.

– Покажи им, как ты это того этого можешь, – толкнул в бок сосед, – Они все не верят. Я за тебя болею. Давай их, соседка, сделаем.

– Чего не верят? – поинтересовался мужик.

– Ну, что ты того этого... Ну, как днем. Не опьянеешь, – уточнил Васька, кивнув на полные стаканы.

– А если я не хочу, – неожиданно заявил Колька.

– Вот. Что я вам говорил! Он жулик, – тут же воскликнул фельдшер.

Вперед выдвинулся бригадир. Сверкнул кровавыми глазами и тихо молвил:

– Не станешь пить, вкатим насильно. Никому не позволю заливать баки в моей деревне. Каждый плут получит свой кнут.

Представив себе всю неприятность обещанной процедуры, Колька благоразумно решил принять на грудь добровольно. Почему-то не хотелось связываться с этими уродами.

«Это и есть, чо ли, испытание?» – мысленно обратился он к своему новому приятелю.

«Ага, – живо откликнулось удивительное явление, – Оно самое. Ничего не бойся. Ничего у них не получился».

«А кто боится? Эх, выпить охота, да воду жрать надоело, – взял он в руки стакан, – Чего за нафиг такой творится? Эй, где ты там, Хрум?»

«Не хочу больше быть замороженным. Хочу летать. Летать, это так здорово. И знаешь, я теперь могу друмов на лету схватывать. Даже если они еще напасть не успели. Смотри, как высоко можно летать, если не быть замороженным», – пропело воздушное создание и выпорхнуло из-за пазухи прямо к желтому свету фонаря.

Народ в ожидании замер.

Пока Скрум кружился словно орел вокруг электрической

лампочки, Колька запрокинул первую пробу. В стакане, как и предполагалось, оказалась вода. Даже обидно стало такую мерзость в таком количестве потреблять на голодный желудок. Но перед лицом строгих товарищей пришлось вытерпеть муку.

– Вода. Дрянь, – сунул он пустую посуду в руку стоящему рядом самогонщику.

– Врет. Врет. Ох, итить твою, врет, – возмутился Степаныч, – Чистейший самогон. Как слеза! Сам пил.

Лицо его помрачнело и обрело жуткий темный оттенок, как у перезревшего прыща. Из грудины выскочил черный пучок гноя и потек прямо по пузу, медленно сворачиваясь в двух червяков. Извиваясь, они сползли с живота на ноги и стали вгрызаться в колени. Но его отчего-то слегка прибалдевший скрум почему-то совершенно не обратил на это внимание. Подобно обезьяне он повис на левом плече с окаменевшим выражением вислоухой морды.

Народ заволновался. Но бригадир всех осадил, удостоверив, правоту сказанного.

– Пей дальше, – указал он.

Трехе пришлось взять второй стакан. Но и в нем не оказалось удачи. Все так же бесцветно протекла жидкость в пустой желудок и без того тщательно за день прополосканный. Что за напасть?

Удивление прокатилось промеж собравшихся.

Когда же третий стакан оказался пуст, а Треха совершенно

трезв, как стеклышко, мужики зачесали затылки.

Налили четвертый стакан. Для шибко непонятливых.

С большим усилием Колька впихнул его следом. Состояние не изменилось. Налили пятый. Для окончательно тупых.

Испытуемый вынужденно отошел в сторонку и слил явные излишки жидкости из организма. Вернулся. Выпил. Когда каждый убедился в том, что он остался совершенно трезвым, собрание просто ахнуло. Свершилось чудо. Последний в деревне пропойный алкаш, падавший с ног от одного запаха водочной пробки, остался стоять на ногах после целого литра крепкого самогона, при этом утверждая, что у него ни в одном глазу.

Фельдшер вертелся, как уж на сковородке, и все время повторял:

– Иммунитет. Определенно иммунитет. Неизвестной этимологии иммунитет. Возможно, результат химического воздействия на организм.

Наконец, сдались и самые пессимистично настроенные. Ваське тут же выдали пятьсот рублей заклада. Степанычу – триста в оплату потребленного продукта. После чего постановили: Трехе больше не наливать.

Тукин предложил собранию аккуратно собрать зеленую слизь из обрушенного сарая обратно в синюю бочку и образцы направить на экспертизу в Москву. Поручили произвести это действие Филипычу, как самому заинтересованному, и Ваське, как знающему, где это все находится, для чего вы-

дать утром каждому по новому респиратору.

В завершение ночной посиделки сообщество допило остатки экспериментальной жидкости. Правда ее едва хватило каждому на один зубок и потому по настоятельному требованию взбудораженной общественности и в честь столь знаменательного события Степаныча сообща раскрутили на дополнительные издержки. В результате чего участники мероприятия отоварились по целому стакану и, находясь в приподнятом расположении духа, все вместе сопроводили Треху до дома, неустанно выражая в его адрес недоумение, переходящее в восхищение, и нескрываемый восторг по поводу вообще подобной возможности.

Однако, их захмелевшие рожи оказались ничуть не симпатичнее трезвых. Даже наоборот. Щедро оплевывая друг друга, мужики брели по деревне увешенные вертялыми хвостиками, и их окривевшие от самогона скрумы безобразными масками повисли на перекошенных лицах, лишенные сил ползать. Казалось, что это какой-то маскарад вышел на улицу. Хоровод уродов. Американский «хеллоуин». Комната страха. Только его пушистый приятель по-прежнему трудолюбиво отбивался от черных плевков, оберегая его, Кольку, от непонятной напасти, скрывающейся за противными червяками.

«И это люди, с которыми я прожил всю жизнь? – думал по дороге Треха, – Вот эти уроды считают себя нормальными людьми? Они еще учат меня жить? Да кто они такие? Че-

го они стоят? Чего они могут? Плевать грязью друг в друга? Этих придурков я считал за нормальных людей? Чего я среди них делаю? Где я? Чего вокруг происходит? Кому нафиг я тут нужен? Кто меня тут уважает? Кто меня любит? Кто мне здесь друг? Все только плюют в меня. Один только... как его там... Хрум... чего-то там для меня делает. А эти? Сволочи. Все сволочи. Никакие они не люди. Они просто сволочи. Уроды и гады. Только и могут, что плевать червяками. Нет тут людей. Кончились. Все кончились. Никому я здесь больше не нужен. И как теперь жить?»

– Господи, счастье то какое, – всплеснула руками жена, когда Кольку привели ночью домой и она сумела разобраться в происходящем.

На что мужик тут же назвал ее «толстомордой синухой» и «сволочью», за что получил по случаю своей неожиданной трезвости звонкую оплеуху, несмотря на присутствие в доме посторонних.

После чего все разошлись по своим домам и легли спать.

На этом беспокойный денек закончился.

Глава 3. Следствие первое

Давным-давно, когда на Земле сформировались первые банды охочих до чужого добра людей, кто-то из главарей, дабы отличить своих, впервые ввел в употребление унифицированную одежду, позже получившую наименование форма. И этим он сразу решил две большие задачи: обособил от остального сообщества отдельную категорию лиц, выполняющих определенную функцию, и позволил им впредь не сильно заботиться о проявлении своей индивидуальности.

Одинаковая одежда определяет одинаковые настроения, формируя одинаковые лица. Стройность рядов несет стройность мыслей. Общая цель не допускает множественности решений. И когда альтернативы отброшены, а сомнений нет, то маска личины сметает проявления личности. Она больше не нужна. Даже более того, мешает, вносит смуту и развенчивает идеалы. Но все имеет свою цену. И если в природе что-то не востребуется, то оно отмирает. Функция утрачивается, замещается тем, что предоставляет особи возможность получить больше шансов для выживания при наименьших затратах. Распределение усилий среди членов группы уменьшает нагрузку на каждого его члена. Таким образом отсутствие необходимости принимать самостоятельные решения убивает человеческую индивидуальность.

Так появились солдаты.

Но во что пацана не обряжай, он все равно пацаном останется. Даже если ему на голову водрузить солдатскую фуражку. Некоторое время внешняя форма будет, конечно, немного дисциплинировать, но только до поры, пока характер с темпераментом не привыкнут к новой своей коже и не проврнут тонкую, сдерживающую оболочку.

На плацу шумели мальчишки. Даже облаченные в военную форму они все равно оставались детьми. Крепкие, мускулистые, озорные, лишённые душевной и интеллектуальной нагрузки, они изнывали от отсутствия ясного понимания стоящей перед ними задачи, загнанные черт знает куда. Хозяйственные работы, муштра, лес да болота, вот и все, что они получили взамен оставленной семьи и свободы. Город далеко. Территория части давно опостылела. Каждый уголок здесь знаком до тошноты. Ничего интересного. Никаких свежих впечатлений. Куда идти в увольнение? Остается только жалкая деревушка и это странное слово «танцы», звучавшее в это утро уже не один раз с нескрываемым чувством сожаления и зависти из уст тех, кому не посчастливилось сегодня принять в них участие, и со звучной нотой нетерпения тех немногих, удостоенных этой сомнительной радости.

Выступать следовало в самое пекло после обеда. Витя, и без того трудно переносящий жару, отказался вкушать жирную пищу и удовольствовался только стаканом холодного чая. Зато молодежь явно не погнушались доброй трапе-

зой. Еще бы, растущие организмы.

Прихватив флягу с водой, молодой лейтенант вышел на улицу и объявил построение.

Парни с неохотой выстроились в шеренгу. От внимания офицера не ускользнули брошенные в его сторону косые взгляды и презрительные ухмылки.

– Это что, этот пидор, идет с нами?... – шепотом пронеслось вдоль строя.

Витя не удостоил внимания этот грязный выпад и отдал команду «Смирно». Затем, как положено в таких случаях, представился, объявил о своем назначении старшим группы, призвал подчиненных к порядку и послушанию, после чего достал из кармана список лиц, получивших увольнение, и провел перекличку.

Все оказались на месте.

– Тогда нале-во. Шагом марш.

Лиха беда начало.

Ворота КПП преодолели без происшествий. Впереди лес, пыль и слепни. Шутка ли протопать три километра по раскаленной, знойной дороге походным маршем, когда воздух разогрет до предела, когда находиться на солнце дольше десяти минут практически приравнивается к пытке. Но отступить некуда. Особенно после неприятного инцидента с командиром части. Теперь особенно необходимо соблюдать нормы устава и выглядеть по всей форме: в постылой фуражке на голове, в плотных армейских брюках и глухих чер-

ных ботинках на ногах. Как говорится в уставе: стойко переносить все тяготы армейской службы, и радоваться.

Эх... хорошо сейчас на гражданке... Можно смело щеголять в просторных белых шортах, шокировать прохожих голым торсом и пить холодное пиво...

Впереди показался мост через болотистую речушку. Все как один тут же изъявили непреодолимое желание искупаться. Витя и сам был не прочь окунуть тело в холодную воду. Но, во-первых, не взял с собой полотенца, Но это еще полбеды. Во-вторых, по глупости не надел плавок, а это уже непростительная ошибка. И, в—третьих, немного брезговал заходить в одну взбаламученную воду с подчиненными. Не все же из них интеллигентные люди. Кто-нибудь по простоте душевной возьмет и помочится. Вот и плавай потом вместе с ним в одной луже. Наконец, просто опасался пиявок, могущих обитать в таком болотистом месте. Но больше всего стеснялся выставлять на показ свои белые сатиновые трусы с фиолетовыми бегемотиками.

Однако, предстояло принять решение. Народ, истекая потом, требовал охлаждения. Солнце жарило. Пыль разъедала кожу.

«В конце концов, почему бы и нет? – подумал он, – Все-таки у людей увольнительная. Чистота лишней не бывает».

И дал согласие.

Молодежь дружно рванула в реку прямо с моста. Топкие, заросшие высокой травой и густым кустарником берега

не выглядели в этом месте привлекательными для купания. Витя присел в тенечке широкой сосны, придавил на щеке пару голодных слепней, глотнул холодной воды из фляжки, достал из кармана письмо маме, оно же тайное донесение Геннадия Петровичу, и стал быстро дописывать.

– Чего этот сидит? – донеслось из глубины водяных брызг.

– А ты не знаешь? Он дронит, – последовал едкий ответ и над рекой пронесся дружный солдатский гогот.

«Однако, у меня, кажется, образовалась проблема, – отметил про себя Витя, – Чертов майор. Теперь и они думают, что я – педик. С этим что-то надо делать... Придется вечером вместе с ними окунуться, что ли... Черт с ним с плавками и пиявками. Темно будет. Хотя мог бы плавки и надеть, если такой умный...»

Проглотив обиду и поставив в письме жирную точку, Мухин отдал команду к построению.

– Еще чуток, – махнул из воды рослый, крепкий парень, явно неформальный лидер, сержант и носитель страной фамилии Цыбуля.

– Я сказал: строиться! – повторил команду офицер.

– Да ладно, тебе. Раскомандовался, – пустил тот изо рта фонтанчик воды.

– Нарываешься? – процедил сквозь зубы лейтенант, – Твоя фамилия, кажется, Цыбуля?

– И чо? И чо будет? – осклабился сержант.

– Три наряда вне очереди и месяц без увольнений. Ма-

ло? – прищурил глаз Мухин.

– Ладно, ладно. Уже пошли, – заспешил тот из воды, и подчиненные выпрыгнули вслед за ним, словно пингвинчики, на деревянный настил моста.

* * *

Как положено, точно в установленное время Мухин доставил подразделение к дверям клуба.

Танцы проводились тут, в одноэтажной просторной деревянной избе, срубленной в незапамятные времена.

Сначала местный православный священник отец Михаил пытался расшевелить чувства равнодушной аудитории поучительными библейскими историями. Однако за семь десятилетий научного атеизма евангелистские сюжеты хорошо забылись, нравоучительные суждения на веру больше не принимались, а интересы современного сознания находились довольно далеко от абстрактных понятий христианской этики. Его красноречивые выступления особой популярностью в молодежной среде не пользовались. Народ просто скучал, выслушивая очередные призывы к сочувствию и самопожертвованию, грыз семечки и слушал попсовый музон по дешевым дебильникам. Несмотря на это, преисполненный стойкости миссионерского служения смиренный проповедник продолжал кидать в массы горячее слово, пытаясь воспламенить потерянные души и вернуть заблудших в лоно

отеческой Церкви. Но семя падало на негодную почву. Отчитав положенные сорок минут из священного писания или деяний апостолов, отец Михаил вынужденно уступал место долгожданному затейнику и балагуру Семену Марковичу, после чего удалялся пить водку с бригадиром.

На сцену поднимался местный пьяница и инвалид социалистического труда. В эпоху ударной битвы за повышенные показатели урожайности будущему завклубу по большому недоразумению оторвало сеялкой правую руку. С тех пор в силу своего физического недостатка он ведал культурными делами сельского общества и организовывал в меру своих возможностей досуг односельчан. Не стесняясь крепких народных выражений, служитель культуры эмоционально благодарил святого отца за интересный доклад на злободневную тему и предлагал закрепить услышанное просмотром очередной поучительной истории, как правило на довольно фривольную тему, иногда довольно душещипательную, в стиле индийского кино, а иногда откровенно жестокую – в зависимости от того настроения, с каким утром он делал очередной заказ на привоз кинокартины. Для детей и жителей деревни старшего возраста это составляло главное событие недели. Нечто вроде выхода в театр для интеллигентного горожанина. Тем более, что кино крутили бесплатно, за счет местного хозяйства. Зрители поспешно перемещались поближе к экрану, а немногочисленные гости, солдаты близкого гарнизона, по договоренности с начальством

составлявшие основной костяк аудитории внимающей проповеднику, с нескрываемым облегчением шумно перемещались на задние ряды. Фильм их особенно не интересовал, тем более в плане закрепления только что прослушанного материала. Там в глубине душного зала для них разворачивалась основная интрига вечернего мероприятия.

В последние десятилетия деревня в силу различных объективных причин своего исторического развития остро чувствовала недостаток мужского населения способного к активной репродуктивной деятельности. Не обласканные нежные сердца искали любви, утешения и свободы. В основном их насчитывалось пять: Нюся, Дуся, Белка, Валерка и Элиада. Подросшим девчушкам гормоны торпедами били в голову. Жажда чувственного наслаждения пересиливала голос рассудка. Призрачная надежда обрести близкого друга и покинуть гиблое место очаровывала. Правда, не надолго. Щедрые на слово дембеля, едва только на построении отзвучит долгожданный приказ тут же забывали о своих близких подругах и те выходили на новый круг призрачных надежд и разочарований.

Взращенные на лоне дикой природы местные красавицы, не обремененные великосветскими манерами, излишним образованием и строгостью домашнего воспитания, бросались в омут заманчивого знакомства и вели себя дерзко, подомашнему раскованно и нахально. Вдохновленные ими румяные жеребцы не особенно стеснялись в проявлениях перво-

бытных чувств. Дети природы жадно набрасывались на маленькие радости жизни, иной раз даже совершенно забывая косить взглядом в сторону сопровождающего офицера. Закадрив пару простодушных девиц, они увлеченно общались на бессмертную тему в сближающей тесноте темного зала, частенько выскакивая перекурить на узкие скамейки возле крыльца, но чаще уединяясь в глухую тьму зарослей кустарника, растущего на заднем дворе за туалетом.

После полутора часов приглушенной возни в зале включался свет, гости разносили скамейки вдоль стен, зрители спешно расходились по домам, разновозрастные девицы поправляли размазанный дешевый макияж, включалась музыка, и начинались танцы.

Оглушительный грохот, топот и дым скрывал все. Здесь уже никто никого не стеснялся, и если дело не доходило до оргии, то только благодаря старому магнитофону Семена Марковича. Каждый раз зажеванная им пленка вызывала такой всплеск негодования, какой просто не позволял опуститься до животного уровня полного умиротворения и всепоглощающей любви.

* * *

До Вити воспитательная работа с рядовым и младшим начальствующим составом возлагалась сначала на капитана Охрипенко, затем на лейтенанта Головина, а после и вовсе

не проводилась. Первый не особо утруждал себя кураторскими обязанностями и в основном проводил время в обществе обаятельного и хлебосольного Семена Марковича, откуда его затем уносили на руках всласть отгулявшие бойцы сводного подразделения. Именно благодаря ему и установился этот странный порядок приобщения юных сердец к вечному и прекрасному, укрепившийся еще больше после активного участия в нем молодого и энергичного Саши Головина. Не стоит особо отмечать, что тот с особым удовольствием принял эстафетную палочку от старшего товарища и весьма успешно участвовал в расширении культурных связей с местной сельской молодежью. Даже более того, личным примером содействовал всемерному укреплению воспитательного начала в неокрепших умах и душах юного поколения, изобретая поразительные способы сближения с трепетными сердцами в совершенно неблагоприятных климатических условиях зимнего периода, благодаря чему за короткое время сумел навеки оставить в памяти местного населения неизгладимые воспоминания, богато приукрашиваемые каждым последующим рассказчиком в меру его нереализованных фантазий.

Неудивительно, что местные красавицы, точно по расписанию прибывшие к началу проповеди, с нескрываемым любопытством смерили неказистую фигуру нового офицера, тут же отметив про себя, что он хоть и не красавчик, но не женат.

Пульнув в молодого лейтенанта по десятку раз самым большим калибром своих растушеванных глазок и не получив должной ответной реакции, они несколько обескуражились. Может быть, он просто не заметил неземной красоты и здорового желания? Попробовали окликнуть, приколоть и даже познакомиться, но и это не произвело нужного эффекта. Он по-прежнему сохранял странную безучастность. «Неужели женат?» – промелькнула досадная мысль. Однако, проанализировать ситуацию до конца им не позволили. В помещение клуба стремительно вошел отец Михаил и девицы вынуждено покинули место первого соприкосновения с новой жертвой, затянутые в глубину зрительного зала жадными солдатскими лапами, где добрые люди им доходчиво объяснили некоторые маленькие слабости нового офицера, что их вконец расстроило, но не надолго. Быстро нашлись традиционные отвлекающие моменты от тягостных размышлений, вернувшие взбудораженное сознание на привычную колею человеческих отношений.

Витя остался на улице. Религия его не сильно интересовала. Особенно проповедь молодого попа. Что тот вообще может смыслить в таинствах бытия, вскормленный молоком диалектического материализма? Преподнесет очередное лицемерие и лукавство в угоду имущественных интересов общины только и всего. И девиц он заметил. Даже отметил про себя их самобытную раскрепощенность. Просто сейчас ему было не до них. Одна тревожная мысль беспокоила сердце:

где почта? Заранее заготовленное письмо обжигало грудь, и ему не терпелось поскорее его отправить. Быть может, тогда откликнется многомудрый Геннадий Петрович, начальник таинственного шестого отдела, и подскажет, как быть дальше. Целый месяц без чуткого руководства, один на один с невидимыми врагами, без связи с Большой землей изрядно помотали нервы. Но он выдержал, хотя он еще так неопытен, так молод и так мало имеет информации о том, что вокруг него происходит. И силы есть, но не к чему применить их, и желание есть, но не видно пути для движения. Только чувствуется, как сужается вокруг горла вражеское кольцо. И оступиться нельзя, и ошибиться легко.

Он пощупал письмо в кармане гимнастерки. Всего несколько строк о плохом самочувствии и слишком жаркой погоде. Но они непременно дадут далекому начальству понять, что благоприятной прохлады в ближайшее время не предвидится, что местный главный доктор преисполнен намерений его комиссовать, хотя сил и желания работать осталось много, и он может оказаться очень полезным на своем месте, ибо не далек тот день, когда он сможет самостоятельно преодолеть недуг народными средствами и встать в один строй со своими боевыми товарищами.

На скамейке клубного крыльца неожиданно обнаружился сморщенный старичок монгольской наружности, несмотря на страшную жару, облаченный в драную телогрейку. Он курил настолько вонючие папиросы, что от их дыма тут же

запершило в горле.

– Простите, вы не подскажете, где тут почта? – поинтересовался у него Витя.

– Чего? – поднял на него свои водянистые глаза дед.

– Я спрашиваю: почта тут где? Письмо нужно отправить, – уточнил требование военный.

– Таки отродясь её тут никогда не было, – равнодушно ответил старик.

– А как же письмо отправить? – развел руки офицер.

– Таки на пошту сдать, – прошамкал незнакомец.

– Так ее тут нет, – удивился Витя, – Куда сдать то?

Старик выдержал долгую паузу, словно подбирая нужное слово. Видимо военный задал совершенно глупый вопрос.

– Ты, добрый человек, или не слушаешь или не понимаешь, – наконец констатировал он, – Таки я тебе объясню. Вон там, видишь, домишко стоит? – указал он в сторону кирпичного двухэтажного здания, – Видишь? – собеседник кивнул головой согласно, – Таки это Правление, которое выше. Внизу фактория, то бишь магазин, по-вашему, и склад. Таки вот у него с боку синий ящик привинчен. «Пошта» написано. Таки ты в ящик письмишко сунь, оно, глядишь, и дойдет. Понял? – он курнул едким белым облаком, отчего молодой человек закашлялся и, благодарственно мотая головой, побежал с письмом в указанном направлении.

– Эх, молодежь... – вздохнул дед, глядя ему вслед, – Простые вещи, а не понимает.

Действительно, почтовый ящик оказался на месте. Только он настолько зарос паутиной, что Мухин сразу заподозрил неладное. Или это муляж, или им не пользовались по назначению без малого лет десять. Однако, других вариантов дать о себе знать пока не предвиделось, и он сунул конверт в узкую щель, прорвав плотную паучью сетку.

Обратная дорога к клубу показалось значительно короче и легче. Ноги сами его несли, словно освободившиеся от тяжелой ноши. Во всяком случае, одну из поставленных задач он, кажется, благополучно разрешил. Письмо отправил и никто, кроме странного старика в телогрейке, этого не заметил. Связь с Большой землей, по всей видимости, с этого дня установлена. Теперь он настоящий разведчик.

* * *

Мухин устроился на скамейке клубного крыльца. Тощий дед в потрепанной телогрейке по-прежнему сидел рядом. Поздоровались. Познакомились. Закурили. Витя свои – ментоловые с двойным фильтром, Михеич, как старичка величали, – свой ядерный самосад. Он оказался ночным деревенским сторожем. Вверенное ему двухэтажное здание, с почтовым ящиком на боку, чернело невдалеке от клуба и старику не составляло особого труда одновременно нести караульную службу и оставаться при обществе. Ему нравилось наблюдать со стороны молодежное гулянье. Однако, он не от-

казывал себе в удовольствии и слегка пофилософствовать на вечернем закате в надвигающуюся темную глубину звездного неба. На этой теме они и разговорились. Обсудили перспективы развития человечества, возможности освоения далеких галактик, сложности установления контакта с обитателями неведомых планет.

– Говорят, тарелки у вас тут иногда летают, – затронул Витя любимую тему.

– Это какие? – поинтересовался Михеич.

– Которые с инопланетянами, – уточнил собеседник.

– Таки разные ночью летают. Самолет ночью летает. Вертолет ночью летает. Еще и эти ночью летают, – глубокомысленно заметил старик, – А которые из них с ними будут, где ж тут увидишь?

– А эти – это кто? – улыбнулся молодой офицер.

– Таки круглые такие со старый пятак и святятся, – пояснил дед, будто речь шла о чем-то совершенно обыденном.

– Какие такие круглые с пятак? – опешил Мухин.

– Обыкновенные, – курнул дед.

– И часто ты их тут видишь?

– Считаю каждый день, – как бы между прочим сообщил ночной сторож.

– Я тут уже месяц, а еще ни одной такой ни разу не видел, – едва не выронил от удивления сигарету Витя.

– Таки это куды смотреть, – заиграл старик хитрой улыбкой и окутал собеседника густым, едким табачным дымом.

– А куды смотреть? – закашлялся молодой человек.

– Куды, куды... ясно дело куды. На небо смотреть надо. Не в подушку. В подушке мало чего увидишь. В подушке только свой нос и увидишь. И то, если его набок своротить. На небо смотреть надо. Туда смотри и увидишь. Они все там, – обстоятельно пояснил Михеич.

– Что же это радар наш их не замечает? – хлопнул глазами радиоэлектронщик.

– Радар то? – старик на мгновение задумался, – Радар что? Радар железяка. Разве железяка может чего увидеть. Говорят, у этих, американцы которые, такой самолет есть. Таки его радар не видит. Нечто Эти американцев глупее будут?

– Логично, – согласился Витя, – И в каком месте они чаще всего появляются?

– Да вот там, – затряс ладонью старик, словно выловленный карась на крючке, показывая в сторону созвездия Большой медведицы, – Над Чертовым озером... Чего они там летают? Чего им там надо? Чего-то стало быть им там надо... – вздохнул он глубокомысленно, будто над этой сложной проблемой размышлял не один день.

– Что это еще у вас тут за Чертово озеро? – заинтересовался офицер.

– А-а... – кисло сморщился дед и отмахнулся, – Есть место такое... – ему явно не нравилась эта тема и Витя продолжил о своем, о близком:

– И откуда вы их наблюдаете?

– Отсюда и наблюдаю. Тута моя обсерватория. Сижу и наблюдаю. Я сижу. Они летают. Каждую ночь, считай, видимся...

– Это в котором часу?.. – молодой человек почувствовал подкатывающийся от волнения комок к горлу.

– Да как перевалит чуток за полночь, так они и начинают шастать: туда – сюда, туда – сюда, – заводил дед рукой из стороны в сторону перед носом, – Так и шмыгают. Так и шмыгают.

– Очень интересно...

Из распахнутых настежь дверей клуба кубарем выкатились кинозрители. Местные и постарше тут же разошлись по домам. Молодежь осталась толпиться на крыльце и дружно закурила. Надвигался час танцев. Стемнело. Включилась одинокая лампочка фонаря. Желтая и тоскливая. Громыхнула первая музыка.

Витя не любил подобные увеселения. Они вызвали в нем глубокое отвращение. Пляски карликов на лунной поляне вокруг обглоданных костей. Дикие проявления первобытного сознания. Каким низким уровнем общего развития нужно обладать, чтобы находить удовольствие в подобного рода времяпрепровождении. В обществе подобных дрыгающихся недоумков он всегда чувствовал себя лишним и скованным. Гораздо больше ему нравилось проводить вечер наедине с книгой или затягивающей глубиной звездного неба. Там, среди бесконечного потока вселенных находилась некая,

потаянная планета, населенная близкими ему сущностями: одухотворенными, интеллектуальными, чистыми. Он верил в неразрывную связь с ними и чувствовал полное свое одиночество среди боевых товарищей, чье непосредственное происхождение от приматов с каждым днем становилось все более очевидным.

Темное небо сдавило желтый свет фонаря до узкого кольца вокруг тесного крыльца. Поднялся холодный ветерок. Становилось немного прохладно. Но в шумное, прокуренное насквозь помещение уходить не хотелось. Разговор завязался больно уже интересный, интригующий, волнительный...

Однако, прервали – диким визгом и грязной руганью. Спрессованными плотными кубами табачного дыма они вылетели из распахнутых настежь дверей клуба прямо на крыльцо к ногам ответственного офицера.

Пришлось встать и пойти разбираться.

Представшее перед ним зрелище произвело на Мухина неизгладимое впечатление. Он словно очутился в эпицентре уголовного гульбища и даже попытался прекратить безкультурно-массовое мероприятие, наивно полагая, что как старший по званию имеет какой-то авторитет и властные полномочия. Однако вынырнувший из живой человеческой массы сержант Цыбуля, изрядно вкусивший прелестей этого вечера, ему сразу и доходчиво объяснил, грубовато вытолкав на улицу и притиснув к холодной стенке тыльной стороны клуба, что если молодой лейтенант будет и дальше выпенд-

риваться, то немедленно получит «по рогам», а если захочет усугубить ситуацию и попытается настучать майору, то чего доброго и вовсе может по дороге пропасть, как его доблестные предшественники, добрая им память, отличавшиеся неправильным пониманием текущего момента. Так что если кому-то где-то что-то не нравится, то ему лучше посидеть в сторонке на теплой лавочке и не портить прекрасный вечер прекрасным парням, желающим светлой любви с прекрасными девушками. Со своей же стороны они обещают больше не нарушать музыкальную гармонию ночи дикими криками и нехорошими словами.

После такого откровенного и доверительного разговора молодой офицер посчитал благоразумным до поры до времени больше не вмешиваться в заведенный порядок культурного проведения досуга, а с сержантом Цыбулей поговорить отдельно в другом месте и при других, более благоприятных обстоятельствах. Ну, не затевать же с сержантом драку в присутствии подчиненных и при явном физическом преимуществе на стороне противника?

* * *

Пережевав поскрипывающими зубами гнусное настроение, лейтенант вернулся обратно на лавочку в надежде продолжить печально прерванный разговор с Михеичем.

Докладывать командиру части о неприятном инциден-

те с сержантом Цыбулей он пока не собирался. Не потому что испугался угроз со стороны нахального недоумка. Хотя по его мнению, они вполне могли иметь под собой определенные основания. Просто решил немного отложить выяснение отношений до более удобного времени. В конце концов, не столь важно поставить на место чересчур разгулявшегося дембеля, нежели установить истину. Попранное самолюбие может и подождать, а преждевременное разбирательство, не подкрепленное убедительными фактами, только навредит важному делу. Кроме того, некрасиво офицеру жаловаться на сержанта с первых же дней службы. Пока все взаимосвязи не будут установлены, следует больше наблюдать и слушать, по возможности избегая вмешательства в естественный ход развития событий. Тем более, что, судя по всему, некий механизм уже активизирован.

Закурили.

– Так, ты, говоришь, шастают? – Витя попытался вернуть мысли в нужное русло.

– Шастают, – кивнул головой старик.

– Часто?

– Часто.

– Много?

– Много.

– Это хорошо...

Она вышла из самой глубины ночи, что-то протянула Михеичу и, прервав оживленную беседу, тихим голосом произ-

несла:

– Принимайте по одной ложке перед едой.

– Спасибо, дочка, – улыбнулся старик, беря в руки пузырек с мутной жидкостью, – Что-то ты припозднилась сегодня. Чего не танцуешь? Смотри, как гуляют? Так и просидишь в девках до старости.

Девушка смутилась, захотела нырнуть обратно в темноту, но, увидев кучку вывалившихся их клуба солдат, присела рядом со сторожем, переждать пока пройдут мимо. Не прошли. Заметили. Остановились.

Большеглазая, черноволосая, стройная, с гордым прямым тонким носом и притягательной линией розовых губ, она словно спустилась с небес и прожигала пронзительным взглядом фиолетовый сумрак ночи. Казалось невероятным, что такую неземную красавицу укрывал простой старомодный ситцевый платочек с набивным мелким цветочком.

Она сидела совсем рядом. Он слышал биение ее сердца. Или это его взволнованное сердце бешено отбивало двойной такт, заглушая собой ритмичную дробь ошалевшего ударника?

Спокойное выражение лица, полное безразличие к тому, что происходит там, в плотных клубах табачного дыма и в грохоте дикой музыки, делали ее присутствие здесь неуместным, лишним, опасным.

Кто-то из рядовых присвистнул и гнусным голосом распоясавшего подростка выпалил на всю улицу:

– Ха-ха, лапуля! Давно ждем. Пойдем, пожахаемся, – и пакостно заржал.

Но девушка совершенно не обратила на него внимания. Во всяком случае, никак не отреагировала на грязное предложение, и когда тот захотел нагло схватить ее за руку, резко поднялась с места и громко обратилась к присутствующему офицеру:

– Вы не могли бы меня проводить до дома? Уже поздно. Тут не далеко.

– Охотно, – подскочил Витя на месте.

Она демонстративно взяла его под руку, и он вывел ее сквозь группу захмелевших солдат на пустынную деревенскую улицу.

В спину воткнулись пошлые смешки и грязные намеки. Но на них и внимание обращать не стоит.

– Лекарство поздно привезли, а дедушке принимать надо, – словно оправдываясь, прервала она молчание, – Пришлось сюда занести.

– Конечно, – кивнул он.

– Дедушка много курит. А ему это вредно, – добавила она.

– Это точно, – согласился он.

– В прошлом году его чуть было в больницу не положили на операцию. Думали рак легких. Но оказался хронический бронхит, – сообщила она.

– Надо же..., – поддержал он разговор.

– Он вообще такой беспечный. Совсем о своем здоровье

не думает. А ему уже за семьдесят, – заметила она.

– Неужели? – удивился он, – С виду не скажешь. Хорошо выглядит. На все шестьдесят пять.

Шутка явно не вышла и тихо шлепнулась наземь.

Разговор почему-то не клеился. Мимо трех дворов про-
следовали молча. Обошли широкую лужу или пруд, кто его
разберет в такой темноте?

– Странный вы какой-то, – снова заговорила она, – Де-
вушку провожаете и молчите. Чего молчите? Может быть,
вы меня боитесь?

– Что вы! Почему боюсь?

– Что же тогда ничего не рассказываете?

– А чего рассказывать? – смутился он

– Рассказали бы о себе. Кстати, – она остановилась, по-
вернулась к нему лицом и по мужски твердо, протянула руку
для знакомства:

– Нина.

– Очень приятно. Виктор, – пожал он ее прохладную
изящную, узкую ладошку. Даже дрожь пробежала по всему
телу, словно электрическим током пробило с макушки до са-
мых пят.

– Ну, и чем вы там у себя занимаетесь, Виктор? – блеснула
она озорными глазками.

– Военная тайна, – улыбнулся он своей новой невеселой
шутке. И куда только подевалось все его остроумие? Отупе-
ние нашло полное. Почти ступор.

Она вела его темными, тихими закоулками. Ее теплое, плотно сбитое тело настолько взволновало его, вселило такие близкие надежды на возможность продолжения знакомства, что даже горло судорогой сперло, и он весь взмок от смущения и новизны не ведомых ранее переживаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.